

18+

АЛЕКСАНДР РЯБИНИН
КУРОРТНАЯ ЗОНА

Александр Рябинин

Курортная Зона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68807589

SelfPub; 2023

Аннотация

Майор Уваров был душой коллектива и любимцем всей женской части управления, в котором служил. И новое назначение, полученное вместе с очередным званием, казалось, обещало новоиспеченному подполковнику безмятежную жизнь: начальник профилактория! Правда, не обычного, а лечебно-трудового. Зато в экологически чистой местности. Но в той курортной зоне, где оказался Уваров, не отдохнешь. А чуть расслабишься – сразу что-нибудь случится. Жизнь в учреждении, вверенном подполковнику, оборачивается бесконечной чередой мелких ЧП и по-настоящему экстремальных ситуаций. А впереди финал масштабной трагикомедии под названием «Советские лечебно-трудовые профилактории», и надо постараться не остаться под обломками рушащейся системы...

Содержание

Глава 1. Заманчивое предложение	4
Глава 2. Первые шаги	41
Глава 3. Новая метла	81
Глава 4. Беспокойное хозяйство	141
Глава 5. «Стрелять так стрелять»	204
Глава 6. «Новый год к нам мчится»	240
Глава 7. Весеннее обострение	273
Эпилог	306

Александр Рябинин

Курортная Зона

Глава 1. Заманчивое предложение

Начальник областного управления исполнения наказаний генерал-майор Кравченко оторвал взгляд от мухи, которая барахталась в графине с водой, пытаясь спасти свою никчемную жизнь, и посмотрел на входящего в кабинет майора Уварова.

– Вызывали, товарищ генерал? – спросил вошедший, пытаясь втянуть заметно выступающий живот.

– Проходи, Паша, присаживайся, разговор есть. И расслабься, ты ж не на параде, – широко улыбаясь, обратился к майору хозяин кабинета.

«Мягко стелет – не к добру», – подумал Уваров и присел на стул, указанный начальником.

Павел Сергеевич Уваров служил в областном УИН уже восемнадцать лет и на данный момент занимал должность начальника отдела режима и надзора. Мужская часть коллектива относилась к нему с уважением, а женская – с обожанием. Сотрудницы управления между собой называли Уварова «душкой». Без его активного участия не проходило ни одно коллективное мероприятие, будь то праздничная вече-

ринка или поездка в лес за грибами.

Павел Сергеевич не отличался броской внешностью. Невысокий рост и очевидная склонность к полноте компенсировались яркой харизматичностью. В любой компании Уваров всегда находился в центре внимания. Он профессионально играл на гитаре и аккордеоне, обладал хорошо поставленным голосом и знал наизусть невероятное количество популярных песен. А еще его феноменальная память хранила множество различных историй и анекдотов на все случаи жизни. И рассказчиком он был отменным. А различные кроссворды и головоломки щелкал как семечки благодаря не столько глубоким знаниям, сколько все той же удивительной памяти...

Паша родился и вырос в Ленинграде. С раннего детства его любимым занятием стало чтение. А складывать буквы в слова он научился в пять лет. И читал все, что попадалось под руку: книги, журналы, газеты самых разных жанров и направлений. Зачастую он совершенно не понимал содержание прочитанного. Но, что удивительно, многое запоминал наизусть. С одинаковым интересом он прочитывал от корки до корки журналы «Наука и жизнь», «Работница» и газету «Известия», на которые из года в год подписывались его родители. А на пятнадцатилетие отец подарил ему Большую советскую энциклопедию. И с этого момента вся прочая литература отошла на второй план. Благодаря редкой природной па-

мяти Паша уже к окончанию школы обладал энциклопедическими знаниями. Окружающие поражались его интеллекту. Только родители да учителя знали, что умственные способности здесь ни при чем. Все дело – в поразительной памяти. К примеру, Паше было достаточно один раз пробежать глазами заданное по литературе стихотворение – и он рассказывал его на уроке без единой запинки. Но это еще что. Он таким же образом заучивал наизусть математические или химические формулы, совершенно не понимая их. Преподаватели точных наук, конечно, знали, что Уваров – типичный «зубрилка», но оценки ниже «четверки» ему не ставили. Парень-то старался, учил, за что ж его наказывать. Только однажды учитель математики Илья Васильевич не сдержался.

А дело было так.

Вызвал он Уварова и дал задание – написать на доске тригонометрические уравнения, заданные на дом.

– А можно, я писать не буду, а так расскажу? – спросил Паша.

Учитель поверх очков удивленно посмотрел на ученика:

– Ну хорошо, рассказывай так.

Павел сосредоточил взгляд на портрете Лобачевского, который висел над доской, и на одном дыхании, без пауз, монотонно произнес:

– Синус квадрат альфа плюс косинус квадрат альфа равно единице
синус альфа разделить на косинус альфа равно тангенс альфа
косинус квадрат альфа...

Вот тут учитель не сдержался и прервал ученика:

– Аминь, Уваров. С таким талантом тебе надо в священники идти, проповеди читать.

Класс взорвался от смеха, а Илья Васильевич, тем не менее, поставил Уварову очередную «четверку» – за старание...

Кроме чтения, было у Паши еще одно увлечение – музыка. С шести лет он учился в музыкальной школе. У Уварова рано обнаружился абсолютный слух, а благодаря выдающейся памяти он достигал поразительных результатов. Паша с отличием закончил классы аккордеона и вокала, а к окончанию школы факультативно освоил игру на гитаре, что очень помогало ему в общении. Особенно с девушками...

Школу Уваров закончил без «троек». И поступил в консерваторию, что было вполне ожидаемо. Но, проучившись полтора года, Павел, ко всеобщему удивлению, покинул учебное заведение и ушел в армию.

Сказать, что родители были в шоке, – это ничего не сказать. Они были убиты наповал. Еще бы. Мама уже видела своего единственного, ненаглядного сыночка на сценах ведущих оперных театров мира.

А он взял и все перечеркнул...

Причина странного поступка объяснялась очень просто. Павел влюбился. И не просто влюбился, а втюрился, потерял голову. Но девушка его отвергла. Она объяснила ему,

что предпочитает настоящих мужчин, а он – типичный маменькин сынок. Могла бы и потактичнее выразиться. Но что сказано, то сказано. На Уварова слова девушки произвели настолько сильное впечатление, что в тот же день он забрал документы из консерватории и направился в районный военкомат. Так Павел Уваров стал рядовым Советской армии и был определен во внутренние войска.

Вначале служба давалась ему очень тяжело – он едва выдерживал физические нагрузки. Но как только прошел курс молодого бойца и принял присягу, его личным делом заинтересовался замполит части. Музыкальное образование – это вам не хухры-мухры. Такие кадры в армии на вес золота. И вскоре рядового Уварова направили для дальнейшего прохождения службы в хор песни и пляски внутренних войск. С этого момента тяготы и лишения армейской службы обрели более мягкую форму. Однако физподготовку даже для солиста хора никто не отменял, и через два года в родной город возвратился стройный, подтянутый красавец сержант.

Родители не могли наглядеться на своего сыночка. Мама была уверена, что Паша восстановится в консерватории и продолжит музыкальную карьеру, но он снова решил по-своему и поступил в Ленинградское высшее политическое училище Министерства внутренних дел...

Нет, теперь это ни у кого не вызвало шока, маменькин сынок превратился в мужчину и имел полное право самостоятельно принимать решения о своем будущем. После окон-

чания училища лейтенант Уваров, благодаря отличной учебе и положительной характеристике, получил назначение в управление исполнения наказаний в один из областных центров на севере России, где за восемнадцать лет дослужился до звания майора и должности начальника отдела. До определенного момента служба его вполне устраивала. И личная жизнь складывалась благополучно. Уваров был женат и воспитывал дочь. Жену Павел любил, хотя частенько позволял себе интрижки на стороне. Но всех любовниц он предупреждал в самом начале отношений, что семья для него – святое и рассчитывать на серьезные отношения им не стоит. Супруга догадывалась, что ее ненаглядный Пашенька – тот еще ходок, но до поры до времени закрывала на его похождения глаза. Тонкая, творческая натура, ничего с этим не поделаешь.

Шли годы, коллеги и однокашники Уварова продвигались по службе, переводились в Москву и Ленинград, где занимали высокие посты. А Павел Сергеевич так и оставался отличным парнем и душой компании. Семья Уваровых уютилась в двухкомнатной «хрущевке» на окраине города, без каких-либо перспектив на улучшение жилищных условий. О таких вещах, как дача и автомобиль, они могли только мечтать. Вроде и жалование у Павла Сергеевича было не меньше других, и премии регулярно перепадали, однако при полном отсутствии «левака» и значительных расходах на любовниц

материальное благосостояние находилось где-то между бедностью и нищетой. Терпение супруги в конце концов лопнуло. Мало того, что благоверный оказался неспособен достойно обеспечить семью, так он еще умудрялся последние деньги тратить на баб. Жена подала на развод. Семейная лодка Уваровых напоролась на подводную скалу и разлетелась на мелкие щепки.

Пришлось Павлу Сергеевичу перебраться с вещичками на съемную квартиру.

– Что-то ты, Паша, выглядишь в последнее время неважно, бледный какой-то, мешки под глазами – часом не заболел? – начал издали генерал Кравченко.

– Никак нет, товарищ генерал, здоровье в полном порядке, – бодро доложил майор Уваров.

– Значит, недосыпаешь, – сделал вывод генерал, – а все – бабы. Ты бы поосторожнее с ними, не мальчик уже. Слышал я краем уха, что у тебя серьезные проблемы в семье?

– Проблем нет, Евгений Андреевич, поскольку нет больше семьи, – с тяжелым вздохом ответил Уваров.

– Это никуда не годится, семья – фундамент, опора в жизни. Нашему брату никак нельзя без семьи, деградируем к чертовой матери. Свобода не должна быть абсолютной. Сразу возникают соблазны – пьянство, бабы, – философски заметил Кравченко и продолжил: – надо бы тебе, Паша, маленько встряхнуться от кабинетной пыли. Засиделся ты на

бумажной службе. И перспектив у тебя никаких. Так и на пенсию майором выйдешь. Давно пора тебе заняться живым делом.

Генерал взял графин, наполнил водой граненый стакан, в который плюхнулась обессилевшая муха, зацепил насекомое деревянной линейкой и выбросил в открытое окно, после чего одним глотком выпил воду. Снова наполнил стакан и протянул майору. Уваров отпил совсем чуть-чуть, поставил стакан на стол и спросил:

– И в какую колонию, товарищ генерал, вы меня хотите сослать?

– Не сослать, а назначить. И совсем не в колонию, а, можно сказать, в санаторий. Заодно и здоровье поправишь. Там такая природа – горы, озера, сосновый лес... Одним словом, предлагаю тебе отправиться в Каменногорский район, начальником лечебно-трудового профилактория. Сразу получишь звезды подполковника. А через пару-тройку лет вернешься в управление и, если не завалишь дело, сможешь и полковника получить, и на место одного из моих замов претендовать. Ну, как тебе предложение?

– Я могу подумать?

– Думай, конечно, только не долго. Желающих занять такое теплое местечко много. Мне даже из Москвы звонили, предлагали кандидатуры. Но я хотел бы иметь на этом месте своего человека. Так что времени на раздумье даю тебе ровно сутки. Завтра в 15-00 жду у себя. Подумай, Паша, и

прими единственно верное решение. А пока – свободен.

Черная «Волга» ГАЗ-3102 медленно ползла по затяжному подъему, пристроившись за самосвалом с песком. Водитель «Волги», молодой парень лет двадцати в форме сержанта внутренних войск, пару раз попытался обогнать грузовик, но на узкой, двухполосной дороге такие маневры были крайне опасны. То и дело из-за очередного поворота появлялись встречные машины.

В салоне «Волги», кроме водителя, находился единственный пассажир, который вальяжно расположился на заднем сиденье и рассматривал окрестные пейзажи.

А посмотреть было на что. Справа возвышалась череда горных вершин, укрытых снежными шапками, которые на солнце отливали слепящим глаза серебром. На склонах снег уже растаял, и яркими пятнами на сером камне проступал изумрудно-серебристый мох. Среди мхов можно было заметить карликовые березки со скрюченными от постоянных холодных ветров стволами и едва распустившимися листочками. Ниже по склону растительность заметно менялась. Мхи уступали место молодой, ярко-зеленой травке, а березки становились выше и стройнее, оставаясь при этом тонкими и ранимыми, словно вытянувшиеся, но не окрепшие подростки. А превратиться в белоствольных красавиц с роскошными кронами они не имели никаких шансов, поскольку суждено им было вырасти в холодной лесотундре.

Подъем наконец-то закончился, и «Волга» въехала в широкую долину, с трех сторон обрамленную горными хребтами. Рядом с дорогой, на скальном выступе, высилась гранитная стела с надписью «Каменногорск – город горняков». За стелой «Волга» повернула направо, попетляла по узким улицам, застроенным типовыми панельными пятиэтажками, пока не выехала на широкий пустырь у подножия горы, к вершине которой вели два подъемника – кресельный и гондольный. Еще один кресельный подъемник заканчивался на середине склона и предназначался для тех любителей горных лыж, которые пока не рисковали спускаться с вершины. Горнолыжный сезон уже закончился, и на склонах царили тишина и покой. Но гондольный подъемник работал, доставляя редких туристов на заснеженную вершину, где была обустроена смотровая площадка с небольшим кафе и откуда открывалась живописная панорама окрестностей.

На пустыре, в одноэтажных деревянных домиках, окрашенных в темно-зеленый цвет, располагались административные и хозяйственно-технические помещения горнолыжной базы. А чуть в сторонке возвышалось пятиэтажное кирпичное здание пансионата «Горный», стены которого зачем-то покрасили в такой же цвет, что и деревянные домики. Видимо, хотели подчеркнуть архитектурное единство комплекса. Но если на дереве покрытие держалось хорошо, да и подновить домики не составляло труда, то от кирпичной кладки краска местами отслоилась и здание пансионата вы-

глядело, как военный объект в пятнах маскировки цвета хаки.

«Волга» остановилась у центрального входа в пансионат, и водитель с пассажиром вышли из салона автомобиля, разминая затекшие ноги.

Павел Сергеевич, а пассажиром «Волги» был именно он, застегнул верхнюю пуговицу на гимнастерке, поправил форменный галстук и надел новенький, с иголочки китель с погонами подполковника. Окинув дежурным взглядом территорию горнолыжной базы, Уваров обратился к водителю:

– Андрей, занеси мои вещи в фойе, к стойке администратора, дальше я сам разберусь. А ты на всех парах – обратно, а то шеф волноваться будет, мы и так много времени потеряли.

– Есть, товарищ подполковник, – ответил сержант и пошел открывать багажник.

Павел Сергеевич неспроста подгонял водителя. Накануне отъезда он пригласил коллег по управлению в ресторан «Заполярье», на отвальную. Заодно и повышение по службе, и новые погоны обмыть. Как положено.

Собралось более полусотни человек: заместители начальника УИН, начальники всех отделов и служб, отдел режима и надзора в полном составе. Женскую часть коллектива представляли сотрудницы бухгалтерии и планово-экономического отдела. Посетил мероприятие и генерал Кравчен-

ко. Он поднял первый тост, пожелал подполковнику Уварову успехов на новом месте службы, а в заключение сказал:

– Вы тут, товарищи, надолго не засиживайтесь. Виновник торжества завтра рано утром отбывает по месту назначения, да и вам с утра на службу. Павел Сергеевич, – обратился он к Уварову, – завтра в 6-00 за тобой заедет моя «Волга». Смотри, чтоб был как штык. Машина должна возвратиться в управление к 16-00, а путь до Каменногорска не близкий.

– Не волнуйтесь, товарищ генерал, все будет исполнено, – успокоил шефа Уваров.

Генерал принял на грудь соточку «Столичной», закусил маринованным грибочком и отбыл по делам службы.

Вот тут-то и началось настоящее веселье. Официанты едва успевали обновлять бутылки и закуски. Виновник торжества по просьбе гостей исполнил несколько популярных песен под аккомпанемент ресторанных музыкантов. А танцевать Павлу Сергеевичу пришлось со всеми присутствующими дамами, дабы никого не обидеть.

Закончилась вечеринка глубоко за полночь.

Проснулся Уваров без пятнадцати девять. Да еще и не у себя дома, а у Зиновки Окуловой, которая с недавних пор служила в управлении заместителем главного бухгалтера. Когда Павел Сергеевич еще состоял в законном браке, он принципиально не допускал адюльтера с коллегами по службе, хотя среди сотрудниц УИН было немало весьма привле-

кательных особ, желающих затащить его в койку. Но в этот раз Паша не устоял. Хотя как он мог устоять, если едва держался на ногах и с трудом ориентировался в пространстве.

Взглянув на часы, Павел Сергеевич вскочил, словно по команде «подъем», за считанные минуты принял освежающий душ, облачился в форму и, окинув грустным взглядом спящую красавицу Зиночку, вылетел на улицу и остановил первую попавшуюся легковушку. Это оказалось совсем не трудно в форме подполковника МВД. К дому, в котором снимал квартиру Уваров, старый «Москвич-412» добрался к девяти тридцати. У подъезда стояла черная «Волга». Водитель дремал, склонив голову на рулевое колесо. Уваров поднялся в квартиру, заглянул в ванную, чтобы почистить зубы и побриться, после чего захватил заранее собранные чемодан и спортивную сумку и, оставив ключи в почтовом ящике, как было условлено с квартирной хозяйкой, спустился к машине. Водитель «Волги» уже оклемался и, заметив подполковника, открыл багажник и помог уложить вещи...

В 9-55 автомобиль покинул место стоянки, на котором в ожидании пассажира провел битых четыре часа.

Как только «Волга» скрылась за ближайшим поворотом, из игрового домика на детской площадке выскочил посиневший от холода местный алкаш Муха и, прижимая к груди литровую банку, заполненную мутной жидкостью, пулей влетел в подъезд. Тяжело дыша, но не сбавляя скорости, он

добежал до верхнего, пятого этажа и толкнул ногой грязную фанерную дверь, на которой вместо замка зияла сквозная дыра, а ржавая ручка с трудом держалась на одиноком шурупе. В квартире стояла дикая вонь, которая вполне сочеталась с жутким бардаком. На кухне, куда направился Муха, за обшарпанным столом сидел на грубо сколоченном табурете его кореш Кирюха.

– Тебя только за смертью посылать, без малого пять часов жду, – недовольно проворчал Кирюха, – я уж подумал, грешным делом, что ты самогонку в одну харю приговорил и где-то отдыхаешь. А друга кинул.

– Тебе бы так отдыхать, чуть не заоченел, – с возмущением ответил Муха, поставил на стол банку, присел на прикрытый фанеркой ящик с пустыми пивными бутылками и прислонился спиной к чугунному радиатору отопления.

После того как собутельники приняли по сто пятьдесят мутного пойла и закусили соленой хамсой, слегка отдающей тухлятиной, Муха поведал свою историю:

– Я ушел за добавкой примерно в полшестого. До «точки» добрался минут за пятнадцать. Матвеевна, правда, помуржила малость. Дверь открывать не хотела, причитала все: «Носит вас по ночам, спать людям не даете». Но потом вынесла литрушку, и я мухой обратно. К дому подхожу, смотрю – у подъезда черная «Волга» стоит, а за рулем сержант мили-

ции сидит. Ну, думаю, по нашу душу приехали, ведь третьи сутки уже бухаем, соседям спать не даем, вот они, небось, в ментовку и пожаловались. Спрятался я в домике, что напротив подъезда, на детской площадке. Сижу, жду, что дальше будет. В домике тесно, на карачках сидеть приходится, ноги затекают и спину не разогнуть. А холод собачий. Вечером, когда первую ходку на «точку» делал, тепло было, а под утро подморозило, даже трава инеем покрылась. Короче, даю дуба. Время идет, машина стоит, а из подъезда никто не выходит. Решил я, что за тебя крепко взялись. Как могу, руки, ноги разминаю, нос и уши растираю. Так четыре часа и просидел. Хорошо еще, часам к девяти солнышко в окошко засветило и домик маленько прогрелся. А потом к дому подрулил «Москвич». Вышел из него целый подполковник милиции и направился в наш подъезд. Ну, думаю, совсем дела плохи, раз начальство с такими звездами приехало. Но минут через двадцать подполковник вышел с чемоданом и сумкой в руках, загрузился в «Волгу» и уехал. Ну, я из укрытия вылез и бегом сюда... Вот такая история. Чуть кони не двинул, до сих пор колотит.

Кирюха вначале слушал рассказ настороженно, но когда речь зашла о подполковнике, его щербатый рот растянулся в улыбке:

– Забыл тебя предупредить, что в нашем подъезде, на втором этаже, квартиру майор ментовский снимает. Уж пару месяцев. А на днях ему подполковника дали. Он всех сосе-

дей, кто подвернулся, угощал. Мне тоже стопарик водочки перепал. Ох и вкусная была водочка, давно такой не пил. А еще от соседей слышал, что подполковника этого назначили начальником ЛТП в Каменногорский район. Вот он, видимо, сегодня и отбыл к месту назначения. Так что замерзал ты напрасно. Наливай еще по одной, для сугреву.

Между тем «Волга» выехала за околицу города, откуда, если верить дорожному указателю, до Каменногорска предстояло преодолеть расстояние в двести сорок километров. И чтобы вернуться в управление к 16-00, как того требовал генерал Кравченко, нужно было держать среднюю скорость восемьдесят километров в час. Это совсем не сложная задача, если мчаться по магистрали с односторонним движением. Но вместо автобана наших путников ждала дорога в две полосы, по одной в каждом направлении, с далеко не идеальным покрытием. А местами шоссе напоминало рокаду после бомбежки. Поэтому Павел Сергеевич, как только сел в салон автомобиля, обсудил с водителем сложившуюся ситуацию. В том случае, если вернуться к установленному времени не удастся, а вероятность такого события была стопроцентной, Андрей доложит шефу, что в дороге машина сломалась, что-то случилось с электрикой. Генерал в этом все равно не разбирается. И пришлось ловить попутку, чтобы дотащить автомобиль до ближайшей станции техобслуживания. А Уваров подтвердит слова водителя. На том и порешили.

Когда «Волга» отъехала от города километров на десять, Павел Сергеевич велел водителю остановиться, достал из своей сумки припасенное заранее «лекарство» – две бутылочки «Жигулевского» и опустошил их залпом.

«Похмельятор» подействовал практически мгновенно. В голове прояснилось и наступила легкая эйфория. Расслабившись, Уваров стал вспоминать события прошлой ночи. Да, с Зинойчкой он оплошал. Хотя, может быть, оно и к лучшему. Девушка она неглупая и не станет впустую распространять слухи. Тем более что все, кто присутствовал в ресторане, видели, что к концу вечеринки Уваров находился в состоянии нестояния. И все же жаль, что так получилось, точнее – ничего не получилось.

Павел Сергеевич глубоко вздохнул и, слегка толкнув водителя в плечо, пропел красивым баритоном: «Эх, Андрюха, нам ли жить в печали!»

Водитель улыбнулся и сильнее надавил на педаль газа.

В конечную точку маршрута – к пансионату «Горный» – прибыли в 14-10. И через пять минут «Волга» рванула в обратном направлении, а подполковник направился в пансионат.

Люкс, в который заселился Уваров, находился на верхнем, пятом этаже. Не «Хилтон», конечно, но вполне комфортабельные апартаменты из двух комнат, с отдельным санузлом и просторной лоджией. Югославская мебель, финская

сантехника и затертые таджикские ковры на полу подчеркивали особый статус номера. Прежде чем распаковать вещи, Павел Сергеевич вышел на широкую лоджию, откуда открывался панорамный вид на город, окруженный с трех сторон чередой горных хребтов. Уваров стал припоминать, что он слышал или читал о славной истории Каменногогорска.

Начиналась эта история в эпоху «Великого перелома», в начале тридцатых годов двадцатого века. Геологи обнаружили в здешних горах богатейшие залежи фосфоритов – ценного сырья для производства минеральных удобрений. Перед созданными в ходе коллективизации колхозами стояла задача значительного увеличения производства сельскохозяйственной продукции на основе самых современных методов ведения хозяйства. И без масштабного применения минеральных удобрений решение этой задачи не представлялось возможным.

Вскоре было создано управление строительством Каменногогорского горно-обогатительного комбината и развернулась грандиозная стройка. Возводилась обогатительная фабрика, разрабатывались шахты, строились автомобильные и железные дороги, энергетические объекты. Со всего Советского Союза стали прибывать сюда рабочие и инженеры. Большинство – добровольно, но не обходилось и без принуждения. В числе первых строителей оказались ссыльно-переселенцы из южных регионов страны, преимущественно рас-

кулаченные крестьяне, которые лишились всего нажитого в процессе коллективизации и были сосланы вместе с семьями в далекое Заполярье. По злой иронии судьбы, им предстояло упорно трудиться на благо развития того самого колхозного движения, которое вынудило их покинуть родные края. Никакого особого режима для ссыльных не устанавливали. Они жили и работали в таких же условиях, что и добровольцы. Бежать им все равно было некуда. Большинство так и осели в здешних местах и стали основоположниками трудовых династий горняков, обогатителей, строителей. Первопроходцы жили в возведенных на скорую руку деревянных бараках. Но одновременно с промышленными объектами развернулось строительство города. Место выбрали не случайно. От будущих жилых кварталов было рукой подать до двух первых рудников и строящейся обогатительной фабрики. Ее разместили на берегу живописного горного озера с чистой и прозрачной, как слеза, водой. Впрочем, со временем берега водоема опутала густая сеть трубопроводов и автомобильных дорог, а качество воды изрядно подпортили фабричные стоки. Центральная часть города формировалась вокруг Красной площади. Ту выложили светло-серым булыжником. А почему назвали Красной, можно только догадываться. Видимо, архитекторы хотели подчеркнуть ее красоту или намекали на какое-то отдаленное сходство с главной площадью страны. Фасады сооружений, расположенных вокруг площади, повторяли ее овальную форму, а колоннады и портики,

украшенные скульптурными фигурками строителей коммунизма, подчеркивали их принадлежность к архитектурному стилю «социалистический неоклассицизм», или, как неофициально называют этот стиль – «сталинский ампир».

Вокруг площади расположились здания городского комитета КПСС, Дворца культуры «Горняк» и гостиницы «Северное сияние». В центре площади установили памятник С.М. Кирову. Сергей Миронович стоял на постаменте в полный рост, в распахнутой шинели, на голове форменная фуражка, правая рука указывала на вход в ресторан гостиницы «Северное сияние», дабы командированные в город служащие, а также обычные туристы без труда находили место, где можно выпить, закусить и переночевать.

Жилищная застройка Каменногорска осуществлялась довольно хаотично, и старые, оштукатуренные кирпичные дома, построенные в 30—50-е годы, чередовались с серыми панельными «хрущевками» и «брежневками». А переменный рельеф долины, со значительным перепадом высот, создавал иллюзию, как будто дома поставлены друг на друга, словно игрушечные кубики неумелой детской рукой.

Второй, после Красной площади, архитектурной доминантой города стало десятиэтажное кирпичное здание управления Каменногорского горно-обогатительного комбината, построенное в форме правильного пятиугольника, за что получило в народе прозвание «пентагон». Управление возвели в конце 70-х. Прилегающую территорию благоустро-

или – высадили деревья и кустарники, разбили клумбы, выложили плиткой тротуары и даже выкопали небольшой пруд, в центре которого разместили фонтан в форме земного шара.

Еще одной достопримечательностью города и местом притяжения туристов стала горнолыжная база. Благодаря тому что устойчивый снежный покров в этих краях сохранялся до середины мая, любители горных лыж с приходом весны заполняли Каменногорск.

За прошедшие полвека горно-обоганительный комбинат значительно увеличил производственные мощности. Первая фабрика уже не соответствовала ни техническим, ни природоохранным требованиям. В конце 50-х возвели вторую фабрику. Но потребность в фосфоритах постоянно увеличивалась, государственные планы росли как на дрожжах. И в начале 80-х развернулось строительство третьей обоганительной фабрики, которая получила почетный статус «Все-союзной комсомольской ударной стройки». Площадку для ее возведения выбрали в пятнадцати километрах от города. К строительству, как и в далекие 30-е, привлекли не только комсомольцев-добровольцев, но и подневольных граждан. И если военно-строительные отряды, сформированные из солдат срочной службы, вполне подходили под определение молодежных, то новых подопечных подполковника Уварова – пациентов лечебно-трудового профилактория – отнести к

категории комсомольцев можно было с большой натяжкой. Если только к «заполярным комсомольцам», сокращенно – «ЗК». Но для большой стройки требовались многочисленные рабочие руки. А добровольцы были уже не те, что полвека назад, за идею и пайку хлеба работать не желали. Поэтому в порядке трудотерапии, а главное – в качестве дешевой рабсилы находящихся на излечении в ЛТП алкоголиков привлекали к выполнению строительных работ, не требующих опыта и квалификации.

Размышления Павла Сергеевича прервал телефонный звонок. Звонила дежурный администратор с сообщением, что к нему пришел посетитель, который представился как майор Алексеев и просит разрешить подняться в номер. Уваров ответил, что спустится к нему сам. Заодно можно будет и перекусить.

Перед тем как покинуть свои апартаменты, Павел Сергеевич посмотрел в зеркало на стене в коридоре и остался весьма недоволен увиденным: «Запустил ты себя, Паша. Мешки под глазами, кожа дряблая, второй подбородок растет. А пузо отрастил – еще немного, и станешь похож на японского борца сумо. Не зря генерал Кравченко однажды подметил: “Хороший ты, Паша, мужик. Только в последнее время какой-то стал несобранный, как манная каша”».

Помню, подумал тогда, что за глупое сравнение. А теперь вижу, почему “каша” – потому что размазня. Все, с завтраш-

него дня начинаю новую жизнь. Сажусь на диету, по утрам – зарядка, по субботам – спортзал, в воскресенье – баня. И никаких романов. Надо дать организму восстановиться. Хорошо, что все подружки остались там, в прошлой жизни».

В холле, у сувенирной лавки, стоял невысокий худощавый мужчина лет сорока с хвостиком, в форме майора МВД. Форма ему совсем не шла, китель висел мешком, как на тремпеле, а брюки были явно длиннее необходимого и гармошкой спускались к полу. Майор смотрел на приближающегося подполковника поверх сдвинутых на нос очков и сильно щурил глаза:

– Алексеев Владимир Игнатьевич, ваш заместитель по политико-воспитательной работе и кадрам, – представился майор и протянул подполковнику руку.

Павел Сергеевич руку пожал, но представляться в ответ не стал, поскольку в этом не нуждался. Замполит еще неделю назад получил приказ о назначении нового руководителя и не только изучил его сам, но и ознакомил с ним всех штатных сотрудников ЛТП. И, естественно, собрал всю информацию о новом начальнике, какую смог раздобыть по своим каналам.

Уваров предложил майору вместе пообедать, и коллеги отправились в ресторан пансионата.

Зал ресторана пустовал, только молоденький бармен скучал за стойкой бара. Обеденное время закончилось, а до ужина оставалось еще часа три. Да и отдыхающих в пансионате

нате было кот наплакал – не сезон.

– Выпить чего-нибудь желаете? – обратился бармен к вошедшим офицерам, едва они присели за столик.

– И выпить желаем, и закусить, – развязно ответил майор и вопросительно посмотрел на подполковника, желая убедиться, что не сболтнул ничего лишнего. Чувствовалось, что Алексеев очень нервничает, и, чтобы разрядить обстановку, Уваров предложил вне службы обращаться друг к другу на «ты». Майор обрадовался, как ребенок, и попросил называть его Володей. Но Павел Сергеевич ответил, что это лишнее. Такая фамильярность возможна только между достаточно близкими людьми.

Бармен на минуту исчез, и тут же в зал вошла ОНА. Нет, не вошла, а вплыла. Как там у Пушкина: «А сама-то величава, выступает, будто пава...»

Майор что-то пытался спросить, но Уваров совсем его не слышал. Он с замиранием сердца наблюдал, как к ним, слегка покачивая крутыми бедрами, приближается Варвара-краса – длинная коса. Хотя на самом деле официантку звали Наталья – это было написано на бейджике, прикрепленном к блузке на левой стороне груди. Павел Сергеевич окинул красотку опытным взглядом старого ловеласа. Черная форменная юбка сантиметров на десять не доставала до колен и позволяла оценить стройные загорелые ножки в туфлях на высоком каблуке, а белая блузка-безрукавка плотно облегла груди пятого размера. «Мой любимый размер», – вспом-

нил Уваров фразу ослика Иа из мультфильма про Винни-Пуха. Две верхние пуговицы на блузке случайно оказались расстегнуты. Это позволило похотливому взору подполковника разглядеть достаточно, чтобы его буйная фантазия дорисовала остальное. Густые темно-каштановые волосы девушки были заплетены в толстую косу, которая целомудренно лежала на ее правой груди. Кожа у красавицы отливала бронзовым загаром, таким редким у бледнолицых северных девушек. Лицо вполне стандартное – губки бантиком, слегка вздернутый носик, ямочки на щечках. Только острый, пронзительный взгляд зеленых, как у кошки, глаз выдавал непростой характер.

– Будете смотреть меню или сразу закажете? – спросила фея общепита бархатным голоском.

– Нам триста грамм коньяка и закусить – по салатику и чего-нибудь мясного на ваше усмотрение, – выйдя из оцепенения и пытаясь не смотреть на девушку, произнес Уваров.

– Коньяк у нас только молдавский – «Белый аист», салат советую взять «Столичный», мясное блюдо, наше фирменное, – отбивная из оленины, на гарнир – жареный картофель, – проворковала богиня, словно голубица.

– Вот и отлично, – принял предложение подполковник, даже не поинтересовавшись мнением майора.

Официантка поплыла в сторону кухни, все так же призывно покачивая бедрами, а Павел Сергеевич понял, что пропал. Стрела амура поразила его в самое сердце.

Обед оказался на удивление вкусен, особенно блюдо из оленины. Майор как мог старался развлечь шефа. Постоянно рассказывал разные истории. Видимо, очень смешные, поскольку после каждого рассказа Алексеев заливисто хохотал. Уваров вежливо улыбался, но все его мысли были совсем о другом. Он ни на минуту не мог забыть эту обворожительную ложбинку, на которую невольно бросал взгляд каждый раз, когда официантка нагибалась, чтобы поставить или забрать тарелки.

Наконец подошло время расплатиться за обед. Наталья принесла счет и хотела было отойти, чтобы дать клиентам время обсудить размер чаевых, но майор Алексеев остановил ее и заявил, что желает расплатиться сразу. По счету выходило одиннадцать рублей и восемь копеек. Майор достал большой кошелек, позванивающий мелочью, выложил на стол десятку, мятый рубль и стал отсчитывать копейки.

Уваров посмотрел на красавицу и увидел в ее взгляде такой презрительный блеск, что невольно вздрогнул. Официантка забрала со стола две бумажные купюры, мелочь даже трогать не стала и уже собралась уходить, но тут Павел Сергеевич протянул ей купюру в три рубля и вежливо поблагодарил за отличное обслуживание. Красотка моментально изменилась в лице, широко улыбнулась, продемонстрировала свои ровные белоснежные зубки, мягким, кошачьим голоском произнесла на французский манер: «Мерси» – и поплыла на кухню, еще откровеннее покачивая своими аппетитны-

ми формами.

Остаток дня Павел Сергеевич провел в своем номере. Распаковал вещи, принял ванну, а затем краем глаза взглянул на бумаги, оставленные майором Алексеевым. Это были различные приказы об организационной структуре, штатном расписании и прочая лабуда.

«Зачем он мне это в гостиницу притащил? Выслужиться хотел, рвение показать? Странный он какой-то, этот майор. Ну да ладно, время покажет. Если что, заменить его никогда не поздно», – подумал новоиспеченный начальник ЛТП, бросил бумаги на подоконник и стал укладываться спать.

Во сне к нему явилась обворожительная официантка. Совершенно обнаженная, в одних туфлях на высоком каблуке. Наталья расплела косу, и густые каштановые волосы закрыли ее очаровательные перси. Уваров предпринимал попытку за попыткой, чтобы обнять чаровницу, но всякий раз красotka каким-то чудом ускользала из его рук, заливаясь при этом звонким, бесстыдным смехом.

В то время как Павел Сергеевич предавался сладким эротическим снам, майор Алексеев общался по телефону со своим закадычным другом, заместителем начальника ЛТП по оперативной работе майором Сысоевым:

– Скажу тебе, Коля, без прикрас – попали мы, как кур в ошип. Этот спуску не даст. Серьезный мужик. Я перед ним и так, и этак, анекдоты смешные травлю, а он брови насупил,

смотрит в одну точку и о чем-то своем все время думает. Я и за обед в ресторане заплатил, одиннадцать целковых отстегнул, а он сделал вид, что ничего не заметил. Нет, Николай, с этим не забалуешь, не даром из области слухи доходили, что он любимчик генерала Кравченко. Чует мое сердце, устроит он нам Варфоломеевскую ночь, полетят наши буйные головышки. Осталось мне до пенсии четыре года дослужить, но чувствую, не дотяну.

– Ты, Володя, раньше времени не кипешишь, может, не так страшен черт, как его малюют, – успокоил товарища Сысов, – вот до меня слухи дошли, что лечебно-трудовые профилактории хотят скоро вообще закрыть. У нас же теперь курс на демократизацию, понимаешь ли. А держать больных людей, не совершивших уголовных преступлений, за колючей проволокой – это, говорят, не совсем демократично. Вот такая петрушка.

– Ну ты, брат, «успокоил». Только не верится мне, что такую махину могут разом ликвидировать. Ты вот сам подумай, сколько лет выстраивали систему. И вот так взять и все разрушить? Расползутся алкаши и наркоманы по стране, как тараканы. В результате получим взрывной рост преступности. А куда девать бомжей? Мы ж на весь мир раструбили, что у нас в стране с бродяжничеством раз и навсегда покончено...

Майор Алексеев еще долго и вполне аргументированно доказывал своему другу, что система принудительного лече-

ния алкоголиков и наркоманов незыблема, как скала.

А что, собственно, представляла собой эта система? И каковы ее исторические и правовые корни?

Уже в первые годы своего существования молодое Советское государство озаботилось необходимостью борьбы с алкоголизмом. Одной из самых эффективных и перспективных мер большевики считали принудительное лечение. 11 сентября 1926 года Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-воспитательной работы по борьбе с алкоголизмом». Декретом предписывалось Народному комиссариату здравоохранения организовать лечение алкоголиков, а Народным комиссариатам внутренних дел, юстиции и земледелия – разработать и внедрить эффективные меры принуждения.

Сразу возник вопрос, по каким критериям определять круг лиц, подлежащих насильственному лечению. Разъяснения внесла «Инструкция по применению принудительного лечения алкоголиков, представляющих социальную опасность». Согласно инструкции, датированной 9 апреля 1927 года, принудительному лечению подлежали лица, у которых на почве алкоголизма проявляются психические расстройства, а также граждане, злоупотребляющие алкоголем и при этом систематически нарушающие общественный порядок и несущие угрозу семье и окружающим.

И все же вплоть до конца 50-х принудительное лечение считалось чисто медицинской проблемой и правоохранительные органы привлекались к этому процессу исключительно в порядке оказания помощи медикам.

15 декабря 1958 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками», которое стало основой для принятия союзными республиками собственных правовых актов. Упор делался на принудительной госпитализации алкоголиков и наркоманов в психоневрологические больницы, правда, исключительно по предписаниям медиков.

Дальше всех пошли в Украинской ССР. Там по постановлению суда хронических алкоголиков, ведущих паразитический образ жизни и уклоняющихся от общественно полезного труда, стали направлять в лечебно-трудовые профилактории, созданные при исправительно-трудовых колониях. Максимальный срок реабилитации – один год. По сути, ввели для алкоголиков уголовное наказание.

Первый не связанный с исправительными колониями лечебно-трудовой профилакторий появился в 1964 году в Казахстане. В РСФСР первые ЛТП открылись после опубликования Указа Президиума Верховного Совета республики от 8 апреля 1967 года «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». В соответствии с указом, в лечебно-трудовые профилактории

направлялись лица, уклоняющиеся от лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок и правила социалистического общежития. Решение о направлении принимал суд на основании обращения государственных органов, в первую очередь – милиции, общественных организаций, трудовых коллективов или близких родственников. Срок реабилитации устанавливался от одного года до двух лет, на усмотрение суда, в зависимости от общественной опасности алкоголика.

В 1969 году были внесены изменения в «Основы законодательства СССР о здравоохранении». В новой редакции документа алкоголизм и наркоманию отнесли к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих, и провозгласили право СССР и союзных республик законодательно устанавливать порядок принудительного лечения граждан, страдающих алкоголизмом и наркоманией.

В 1971 году приняли Закон РСФСР «О здравоохранении», который ввел обязательное диспансерное наблюдение больных алкоголизмом и наркоманией и их принудительное лечение в ЛТП.

В развитие положений Закона 25 августа 1972 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией», согласно которому наркозависимые граждане, уклоняющиеся от лечения в органах здравоохранения, по решению суда направлялись в ЛТП на срок от полугода до

двух лет. Что интересно, для наркоманов был установлен минимальный срок реабилитации в полгода, а для алкоголиков – год. Видимо, наркомания считалась меньшим злом, чем алкоголизм. А возможно, причина в том, что заставить наркоманов заниматься физическим трудом было крайне сложно. Да и какие из них работники.

1 марта 1974 года Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» расширил перечень оснований для направления на принудительное лечение. Добрались до бомжей. Согласно тексту указа, подлежали направлению в ЛТП хронические алкоголики, не имеющие постоянного места жительства и занимающиеся бродяжничеством или попрошайничеством либо ведущие иной паразитический образ жизни.

Еще одним нововведением в середине семидесятых стали женские лечебно-трудовые профилактории.

Новое дыхание системе принудительного лечения придала антиалкогольная кампания, которая развернулась в СССР с приходом к власти М.С. Горбачева. 7 мая 1985 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». Согласно пункту 4 постановления органам власти всех уровней предписывалось упростить порядок направления в ЛТП лиц, страдающих алкоголизмом. Теперь для направления в профилакторий требовался

лишь формальный отказ алкоголика от добровольного лечения или продолжение употребления алкоголя после проведенного лечения. Допустим, закодировали медики алкаша, а он возьми да и раскодируйся. И вышел из «завязки». Кто виноват? Да, конечно, он сам и виноват, мало ли, что лечение оказалось профанацией, а где же сила воли, стремление к здоровому образу жизни и тому подобное? Если медицина оказалась бессильна, наверняка поможет трудотерапия. А потому отправляйтесь, больной, на три буквы – в ЛТП. Там, практически в санаторно-курортных условиях, и поправите здоровье.

Может быть.

Последним значимым правовым актом, подводящим черту под формированием системы, стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 августа 1986 года, который предусматривал организацию принудительного лечения несовершеннолетних наркоманов, достигших шестнадцатилетнего возраста, в лечебно-воспитательных профилакториях. Этот указ стал своеобразной «вишенкой на торте». Правовое здание системы принудительного лечения алкоголиков и наркоманов приняло окончательный вид. Однако реального воплощения идея создания лечебно-воспитательных профилакториев для подростков-наркоманов не получила. Наступили новые времена.

В своей речи на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года Горбачев объявил курс на демократизацию и гласность.

И в эти новые реалии система насильственного принуждения алкоголиков и наркоманов к лечению вписывалась с большим трудом, поскольку под фиговым листком «трудотерапии» скрывалась обыкновенная эксплуатация дешевой рабочей силы. Лечебно-трудовые профилактории входили в состав пенитенциарной системы и к медицине имели отдаленное отношение. Управление ЛТП было возложено на органы внутренних дел. Внешне профилактории мало чем отличались от исправительно-трудовых колоний общего режима. Тот же глухой забор с колючей проволокой и наблюдательными вышками плюс внутренние ограждения периметра из нескольких рядов колючки «егоза», те же штрафные изоляторы для злостных нарушителей дисциплины, такое же деление на жилую и рабочую зоны. Вот только тюремные бараки, официально именуемые общежитиями, имели одно существенное отличие – камеры в них не закрывались на замок. Свобода передвижения в пределах жилой зоны в дневное время не ограничивалась. В жилой зоне, кроме общежитий, располагались здания штаба, столовой, банно-прачечного комплекса, а также медицинской части, где проводились все процедуры, предусмотренные лечебными планами. Пациенты профилактория имели возможность в любое время обратиться к дежурному медперсоналу за медицинской помощью. Правда, перечень процедур и лекарственных средств был весьма скудным.

Организационная структура лечебно-трудовых профи-

лакториев была такой же, как в исправительно-трудовых колониях. Алкоголиков и наркоманов, проходящих лечение в ЛТП, как и отбывающих наказание в ИТК, делили на отряды, начальниками которых служили офицеры МВД.

Бригадиров, звеньевых, нарядчиков и прочих руководителей низшего звена назначали из числа административно-осужденных. Для этой категории лечащихся предусматривалась существенная привилегия – при отсутствии грубых нарушений режима администрация профилактория могла принять решение о сокращении срока лечения в два раза. Рядовые пациенты ЛТП пренебрежительно называли их «половинщиками». А особо рьяных, которые всячески выслуживались перед начальством, открыто презирали.

Но среди «половинщиков» встречались и признанные авторитеты, как правило имевшие за плечами уголовное прошлое.

Система принудительного лечения алкоголиков и наркоманов в СССР достигла вершины своего развития к концу 1986 года, когда в 314 ЛТП одновременно лечились более 100 тысяч пациентов. А общее число административно-осужденных, прошедших за более чем 20 лет через лечебно-трудовые профилактории, превысило полтора миллиона человек.

Но уже к началу 1988 года, под воздействием общественно-политической трансформации советского общества, си-

стема принудительного лечения стала приходить в упадок.

А 4 июня 1988-го к непосредственному исполнению обязанностей начальника лечебно-трудового профилактория приступит подполковник Уваров.

Но это будет утром, а пока Павел Сергеевич спит и видит чудесный сон, в котором он настиг-таки красавицу Наталью и заключил ее в свои объятия.

Глава 2. Первые шаги

Утром подполковника Уварова у входа в пансионат ожидал служебный «УАЗ-469». За рулем сидел худой, наголо бритый водитель лет сорока пяти в синей тюремной робе. Он настороженно смотрел на нового начальника глубоко посаженными глазами. Когда Павел Сергеевич разместился на переднем сиденье, водила представился:

– Административно-осужденный Зимин.

– А имя у тебя есть, осужденный? – с легким сарказмом спросил Уваров.

– Иван, гражданин подполковник.

– Ты вот скажи мне, Ваня, кто тебя научил так обращаться к начальству?

– Так ваш предшественник, полковник Мищенко, гражданин подполковник.

– Ну что ты заладил, как попугай: «гражданин» да «гражданин», ты же не уголовник какой-нибудь и твои гражданские права никто не ограничивал, так что называй меня впредь Павел Сергеевич, добро?

– Добро, гражданин, ой, извините, Павел Сергеевич.

– А ты скажи мне, Ваня, как так получилось, что хроническому алкоголику, находящемуся на принудительном лечении, разрешили управление автомобилем и, более того, доверили возить начальника ЛТП, у тебя что, и права води-

тельские есть?

– Обижаете, Павел Сергеевич, я без малого четверть века за баранкой. Первый класс и ни одного серьезного ДТП. И пьяным за руль ни разу в жизни не сел.

– А как же ты в профилакторий угодил?

– Да жена, сука, сдала. Я дальнобойщиком работал, две-три недели в рейсе, домой приеду, с ребятами в гараже, естественно, расслаблюсь. А как без этого, стресс-то снять надо. Домой приду, а она – в истерику, да еще руки распускать стала. А тут слухи до меня дошли, что любовник у нее завелся, ну я ее пару раз приложил слегка – в воспитательных целях. А она, зараза, в милицию пожаловалась, а там посоветовали заявление в суд подать и отправить мужа, меня то есть, на принудительное лечение. Участковый сильно старался: и заявление ей помог составить, и свое ходатайство приложил, и нескольких соседей уговорил жалобы на меня накатать... Вот и упекли меня на два года. А жена тут же развод оформила и за участкового выскочила. Вот такие дела. А здесь я не пью и не чифирю, хотя трудно удержаться, когда в бараке все чифирем балуются. Мне полковник Мищенко даже разрешил в гараже шконку сколотить и там спать. Я все машины в ЛТП наладил. А опытного вольнонаемного водителя разве найдешь? Вон, на стройке водилы по пять сотен в месяц зашибают, а на рудниках на «БелАЗах» и по семьсот, и по восемьсот заколачивают. А в ЛТП оклад у гражданского водителя – сто рублей. Даже со всеми «полярками» на руки

больше двух сотен не выходит. Сами увидите, какие «спецы» работают, ни хрена в машинах не разбираются, наездники. Вот я полковника и возил. У меня ласточка всегда в порядке, и шоферить мне в радость, хоть двадцать четыре часа в сутки, я привычный.

Иван закончил свою исповедь, а Уваров подумал, что это весьма удобно, когда водитель всегда под рукой и его можно эксплуатировать круглые сутки. Вот только для поездок в город надо бы его гражданской одеждой обеспечить, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Сорок пять километров от города до ЛТП ехали без малого час. Иван управлял автомобилем аккуратно, ловко объезжая многочисленные ямы и выбоины, но «козел», как в народе прозвали «УАЗ-469», подпрыгивал даже на самых мелких неровностях дороги, и подполковника раз за разом подбрасывало к потолку автомобиля. К тому же в цементобетонном покрытии трассы дорожники нарезали деформационные швы и залили их битумом. Работу они выполнили на тяп-ляп, а потому машины на этих швах часто лишались амортизаторов, теряли глушители и другие плохо закрепленные детали...

На всем протяжении бетонки слева по ходу движения пролегали горные хребты, а справа – заболоченные пустыри, поросшие мелким кустарником и деревьями, преимущественно березками.

На дороге часто попадались малые мосты-акведуки. Под

ними протекали быстрые каменистые речушки, сбегаящие с гор и несущие свои воды к озерам, которых немало встречалось в здешних краях.

Параллельно бетонке у самого подножья гор тянулась электрифицированная железнодорожная ветка, по которой то и дело медленно тащились думпкарные «вертушки» – вагоны-самосвалы, нагруженные под завязку рудой. А навстречу им гораздо быстрее следовали такие же составы, но уже порожняком. Руда добывалась на руднике «Северном» открытым способом и отправлялась на обогатительную фабрику, где превращалась в концентрат. А оттуда, уже в закрытых, хоперных вагонах направлялась по железным дорогам страны на заводы по производству минеральных удобрений и в морские порты, для отправки на экспорт.

В пятнадцати километрах от города Уваров обратил внимание на грандиозную стройку, развернувшуюся справа от бетонки. Да и невозможно было не заметить такое. Строительная площадка заняла территорию, равную небольшому городу, и растянулась вдоль дороги на несколько километров. На одном из съездов с трассы Павел Сергеевич рассмотрел на высокой бетонной стеле надпись: «Всесоюзная комсомольская ударная стройка». А под текстом плотным строем шагали молодые веселые парни и девушки в строительных спецовках и касках. Текст и изображение выложили на бетоне мозаичной плиткой.

Нетрудно было догадаться, что это и есть будущая третья

обогащительная фабрика Каменногорского ГОКа. По всем признакам, строительство приближалось к финишу. Практически все здания и сооружения были подведены под крышу, прокладывались многочисленные инженерные коммуникации, автомобильные проезды и железнодорожные пути, а кое-где даже приступили к благоустройству и озеленению.

– Вот здесь и вкалывают наши мужики, – зачем-то заметил водитель, как будто Уваров без него этого не знал.

За несколько километров до конечной точки пути низкорослые березы сменили стройные и довольно высокие сосны и ели, а болотистые, торфяные почвы перешли в песчаные и моренные грунты с большим содержанием камней разной крупности – от мелкой гальки до валунов размером с железнодорожный вагон.

Наконец «УАЗик» подъехал к бетонной площадке шириной в полсотню метров, по обе стороны которой размещались административные, бытовые и технические здания рудника. По левую сторону находилась автобаза, с гаражными боксами высотой с пятиэтажный дом. Перед воротами одного из них стоял огромный самосвал «БелАЗ», рядом с передним колесом которого курил человек, видимо водитель этого громилы. Его макушка не доставала даже до оси колеса. Рядом с «БелАЗом» высился шагающий экскаватор с ковшом размером с деревенский дом.

«Среди таких громадин чувствуешь себя, как Гулливер в стране великанов», – подумал Павел Сергеевич.

На противоположной стороне площадки расположились пожарная часть и столовая, а чуть поодаль – административно-бытовое здание и ремонтно-механические мастерские. В глубине двора, за пожарной частью, вздымалась к небу кирпичная труба рудничной котельной, которая обеспечивала теплом и горячей водой не только рудник и ЛТП, но и расположенный в трех километрах от профилактория небольшой поселок Торфяновка.

«УАЗик» повернул перед пожарной частью вправо, проехал мимо котельной и оказался перед контрольно-пропускным пунктом лечебно-трудового профилактория. От КПП в обе стороны уходил глухой дощатый забор, по верху которого на специальных кронштейнах была протянута колючая проволока. Местами ограждение накренилось к земле и удерживалось от падения исключительно благодаря подпоркам из бревен. По всему периметру забора, на углах поворота и на протяженных прямых участках, торчали деревянные смотровые вышки, на которых прогуливались охранники с автоматами. Оружие служило чисто для психологического воздействия, поскольку патроны охранникам не выдавали. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь чокнутый солдатик перестрелял больных людей, находящихся на лечении в профилактории.

За пределами периметра располагались гаражи из четырех боксов и хозяйственные постройки, назначение которых новому начальнику еще предстояло узнать.

У входа в КПП Уварова встретили два его зама – Алексеев и Сысоев. Вообще-то согласно штатному расписанию, которое в числе других документов подполковнику накануне вручил майор Алексеев, начальнику ЛТП полагалось четыре заместителя. Павел Сергеевич смотрел документы всего пару минут, но благодаря своей феноменальной зрительной памяти хорошо запомнил многие детали. Кроме замполита и зама по оперативной работе, в штатном расписании значился заместитель по производству. На данный момент эта должность была вакантной. В ранге заместителя также находился начальник медицинской части. Но так уж повелось, что начальники ЛТП старались не вмешиваться в работу медиков, а лишь оказывали им содействие в решении организационных и хозяйственных вопросов. Да и как они могли вмешиваться в лечебный процесс, не имея профильного образования? Так что медицинская часть была в некотором роде государством в государстве.

Вместе с двумя замами новый начальник ЛТП пересек КПП, вошел в здание штаба, поднялся на второй этаж и переступил порог своего кабинета. Уваров обратил внимание, что на входной двери красуется новенькая, отливающая золотыми буквами табличка с надписью: «Начальник ЛТП подполковник П.С. Уваров».

«Грамотно прогнулись, черти, ничего не скажешь», – подумал Павел Сергеевич и невольно улыбнулся.

Кабинет произвел на подполковника удручающее впе-

чатление. Поставленные Т-образно столы, два шкафа – платяной и книжный, дюжина стульев и тумбочка с телевизором «Горизонт» – вот, собственно, и вся обстановка. Вполне стандартный набор.

дело в том, что вся мебель имела цвет «темный дуб». Таким же лаком покрыли паркет на полу и панели на стенах.

«Какая-то мрачная деревянная шкатулка, надо будет здесь сделать ремонт и оживить этот канцелярский ужас», – подумал Уваров и погрузился во вращающееся кожаное кресло.

«А вот это – удобная вещь, единственное, что стоит здесь оставить, – подумал Павел Сергеевич, развернулся в кресле на сто восемьдесят градусов и уперся взглядом в портрет Горбачева, – ну и это, так и быть, пусть висит».

Все это время два его заместителя скромно стояли у входной двери и ждали дальнейших распоряжений. Наконец Уваров обратил на них внимание и велел пригласить руководящий состав ЛТП на совещание. Заодно и познакомиться.

Через двадцать минут в кабинете начальника собрался командный состав ЛТП. Кроме майоров Алексеева и Сысоева, с которыми Уваров уже был знаком, на совещании присутствовали: начмед – подполковник медицинской службы Егоров; начальник охраны капитан Павленко; три начальника отрядов – капитаны Сомов, Трусков и Ложечкин; начальник квартирно-эксплуатационной службы старший лейтенант Слободян и главный бухгалтер старший прапорщик Травкина Лариса Николаевна. Имя и отчество главбуха Уваров мягко выяснил у нее самой, поскольку не привык обращаться к женщинам по званию и фамилии.

На первое совещание все явились в парадной форме. Па-

вел Сергеевич обратил внимание, что из присутствующих только на старшем прапорщике Травкиной форма сидит как влитая. Было заметно невооруженным глазом, что Лариса Николаевна тщательно следит за фигурой. «Видимо, находится в активном поиске», – со знанием дела определил Уваров. А вот мужики, все, кроме майора Алексеева, имели явно выраженный лишний вес, а у майора Сысоева китель вообще не сходился на заметно выпирающем животе. Да и замполит не отличался военной выправкой, только на нем, наоборот, форма висела, как на вешалке.

«Да, распустились мужики. Служба – не бей лежачего. А с другой стороны – на себя посмотри. Ну ничего, будем исправлять ситуацию», – подумал новый начальник и представил слово главбуху.

Лариса Николаевна четко доложила о текущем финансовом положении учреждения. Из доклада следовало, что львиную долю доходов и прибыли ЛТП получает по договорам со строительными организациями, в которых трудятся лечащиеся. А вот собственное производство приносит одни убытки. Еще хуже обстояло дело с подсобным хозяйством, призванным обеспечить потребности ЛТП в свежих мясопродуктах. Как выразилась Травкина:

– Это просто какая-то черная дыра. Вбухиваем деньги в закупку кормов, платим коммунальные платежи, закупаем поросят и крольчат, а на выходе получаем какие-то крохи.

Павел Сергеевич поинтересовался, кто из руководителей

отвечает за собственное производство и подсобное хозяйство. Выяснилось – никто. Место зама по производству пустовало уже больше года. Предшественник Уварова, полковник Мищенко, решал все производственные вопросы с бригадами, назначенными из числа лечащихся. А следить за подсобным хозяйством поставил коменданта Тарасова, тоже из числа административно-осужденных. К обсуждению подключился майор Сысоев и заявил, что неоднократно докладывал полковнику Мищенко свои подозрения о злоупотреблениях коменданта Тарасова, но начальник доверял этому алкашу, как самому себе. Павел Сергеевич предложил не спешить с выводами, а Сысоеву, как заму по оперативной работе, не заниматься пустословием, а представить конкретные доказательства и предложения. При этих словах шефа майор заметно покраснел, втянул голову в плечи и украдкой посмотрел на своего друга Алексеева. В ответ замполит едва заметно пожал плечами, что могло означать: «А я тебя предупреждал!».

Следующим взял слово подполковник Егоров. Он так долго и нудно рассказывал об успехах медицинской службы, что некоторые присутствующие стали засыпать. А в конце доклада начмед посетовал, что антиалкогольная кампания, которая в последние годы проходит в стране, негативно отражается на работе медиков, поскольку постоянно снижаются лимиты и наблюдаются сбои в поставках водки, так необходимой для результативного лечения.

Уваров обещал разобраться с этой проблемой, после чего отпустил всех, кроме главного бухгалтера. Оставшись наедине с шефом, Лариса Николаевна одарила подполковника взглядом, в котором читалась такая преданность и готовность исполнить любое его желание, что Павел Сергеевич невольно смутился, опустил глаза в стол и насколько мог официально обратился к Травкиной:

– Лариса Николаевна, объясните мне, пожалуйста, что вы имели в виду, когда назвали подсобное хозяйство черной дырой?

– Дело в том, что какие-то странные у нас свиньи, Павел Сергеевич, – дрожащим голосом поведала главбух. – Я сама выросла в сельской местности, и у нас если сдавали свинью на мясокомбинат живым весом, то не меньше центнера. А согласно отчетам коменданта Тарасова и заведующего складом Мамедова, наши свиньи за сезон набирают живой вес в среднем сорок кило. А по данным заведующего столовой, из такой «туши» выходит около пятнадцати кг мяса и пять-шесть кило сала.

– А вы спрашивали Тарасова, как такое возможно?

– Конечно, спрашивала. Но у него на все один ответ: «Как кормим, так и растут». Но на корма мы тратим уйму денег. Я вам могу показать платежи, – лицо Ларисы Николаевны от волнения покрылось красными пятнами, а на лбу выступили капельки пота.

«Что это с ней творится, – удивился Уваров, – ведет се-

бя, как школьница в музее, впервые увидевшая статую обнаженного Аполлона».

– А с кроликами что не так? – стараясь не смотреть женщине в глаза, спросил Павел Сергеевич.

– С ними вообще беда. Крольчат и корма закупаем регулярно, а мяса за два года получили меньше центнера. Тарасов говорит, что они от болезнейдохнут. То у них миксоматоз, то пастереллез.

– Спасибо, Лариса Николаевна, подумаю, что с этим делать, а пока – можете идти.

Травкина ушла, а Уваров вздохнул с облегчением. Похоже, придется объясняться с этой дамой, чтобы не накручивала себя понапрасну, иначе работать с ней будет невозможно. Вот только как это помягче сделать, чтобы ее не обидеть?

Лариса Николаевна служила в ЛТП шестой год. Точнее, служила она три года, а до этого работала здесь же старшим экономистом. Поскольку оклады гражданских лиц, работающих в учреждениях пенитенциарной системы, не могли конкурировать с зарплатами в промышленности и строительстве, вольнонаемные специалисты устраивались на работу в ЛТП по двум причинам. Во-первых, за пропиской. Те, кто приезжал на Крайний Север автомобилем, без официального вызова или направления, часто сталкивались с тем, что не могли трудоустроиться без постоянной прописки в данном регионе. Даже если руководители предприятий были весьма

заинтересованы в конкретном специалисте, принимать его в штат не имели права. Получался замкнутый круг. Без прописки не устроиться на работу, а без работы – не получить прописку.

Послабление сделали только для сотрудников оборонных ведомств, а также организаций пенитенциарной системы и пожарных служб. Законная возможность получить прописку имела и в ЛТП, после чего можно было смело увольняться и устраиваться на более высокооплачиваемую работу.

Лариса Николаевна, когда шесть лет назад приехала в Каменногорск, уже имея опыт работы главным бухгалтером колхоза на родном Ставрополье, считала, что такого специалиста, как она, с руками оторвут. И действительно, в какую бы организацию она ни обращалась, везде ей были рады и готовы предложить место с достойной зарплатой и хорошими перспективами. Но, когда выяснялось, что у нее нет местной прописки, – с сожалением отказывали.

Зачем вообще молодая женщина покинула родные края и рванула на холодный Север? За любовь, конечно. Встречалась она с парнем, который работал механиком в их колхозе. Василий, так звали парня, попал в село по распределению после института. Он был моложе Ларисы на пять лет. Но это не помешало их любви. Все ее родственники и подруги, да и она сама, считали, что дело идет к свадьбе. А Василий мечтал о северах. Романтики ему хотелось, понимаешь ли. Да и денег срубить, чтобы через несколько лет вернуться в се-

ло не с пустыми руками. Дом хороший купить, хозяйством обзавестись... Это он такую лапшу Ларисе на уши вешал, а она соглашалась бежать за любимым хоть на край света. Но ее родители настаивали, что сначала надо свадьбу справить, а потом – летите, голубки, куда пожелаете. Однако Василий с предложением руки и сердца не торопился, а однажды собрал втихаря вещички, сел на поезд да и был таков, даже записки не оставил. Сначала Лариса страдала, все подушки и перины, которые мама приготовила в качестве приданого, слезами залила. Но через пару месяцев, не дождавшись от Василия никаких весточек, решила найти беглеца и провела небольшое расследование. Прижала к стенке его коллег по МТС и от них узнала, что как-то по пьянке Васька проболтался, мол, получил вызов от своего бывшего однокашника из Каменногорска, где разворачивается комсомольская ударная стройка и можно быстро заколотить хорошую денюгу.

Собрала она чемодан и рванула в дальние края – за любимым... А когда приехала, оказалось, что Васька, сволочь, успел завести на стройке бабу-комсомолку, на восемь лет моложе Ларисы. Чуть глаза этому козлу не выцарапала. А потом задумалась: что дальше делать? Возвращаться домой не солоно хлебавши – стыдно. А жить в гостинице и бороться за любовь этого кобеля – глупо. Да и прошла уже любовь, завяли помидоры. И деньги подходили к финишу. Вот и решила Травкина устроиться на работу, пожить здесь несколько лет, может, и судьбу свою найти. Мужиков-то на здешних

шахтах да стройках было немерено. Вот тут и столкнулась девушка с проблемой прописки. В отделе кадров одного из предприятий, куда она обратилась в поисках работы, посоветовали съездить в ЛТП. Лариса с трудом представляла, что это за организация. Слышала, конечно, что там алкоголиков и наркоманов лечат, но как это выглядит – понятия не имела. А когда приехала и увидела обыкновенную тюрьму, хотела сразу убежать, но преодолела страх и напросилась на прием к начальнику ЛТП – полковнику Мищенко. Полковник встретил ее радушно, называл дочкой и не лез без надобности в душу, а прямо спросил:

– Что, дочка, прописка нужна и жить негде? Обычное дело. Ладно, помогу тебе, только давай условимся, что ты хотя бы год у нас отработаешь, а то текучка жуткая, не успеет человек в дела вникнуть, а уже лыжи наострил.

На том и порешили.

Лариса обещала отработать минимум двенадцать месяцев, а Мищенко – предоставить ей комнату в общежитии и, соответственно, постоянную прописку. Общежитием оказалась обычная четырехкомнатная квартира в панельной пятиэтажке в поселке Торфяновка. Ларисе выделили комнату в 18 квадратных метров. Еще две комнаты занимала семья заведующего столовой ЛТП, а последняя, самая маленькая комнатка в шесть квадратов, временно пустовала. Жить в коммуналке для Ларисы было, мягко говоря, непривычно. Она ведь никогда раньше не покидала родного гнезда, жила

в просторном отчем доме, на всем готовом. Но делать нечего, пришлось смириться, тем более что потерпеть предстояло всего один год, а потом – найти работу с достойной зарплатой и перебраться в город, поскольку долго жить в такой дыре, как Торфяновка, врагу не пожелаешь.

Начальник ЛТП назначил Травкину старшим экономистом с окладом сто десять рублей. С учетом районного коэффициента на руки выходило полторы сотни. Не густо, конечно. Она в родном колхозе больше получала. Но там она практически не тратилась на питание. Разве что хлеб да сахар с солью покупала, а остальное обеспечивали огород и личное подворье. А здесь, на Севере, все приходилось покупать в магазине. Да и на одежду в родном Ставрополье Лариса тратила копейки. Шила ситцевые платья у знакомой модистки, сама вязала шерстяные кофточки. А в осенне-зимний сезон вполне обходилась легким пальтецом или плащом. А на Севере без добротной дубленки, а лучше – шубы из натурального меха просто не выжить.

Ларису, однако, не очень беспокоили низкие доходы. Она работала и считала дни до «дембеля».

Но незадолго до заветной даты случилось непредвиденное. Однажды после работы Лариса, как обычно, зашла в гастроном. Единственный в Торфяновке. Маленькие магазинчики, где можно купить овощи, молочку или кондитерские изделия, в поселке имелись, но чтобы все и в одном месте – это только в гастрономе. Самое удивительное, что в этой глу-

ши часто продавались такие дефициты, которых в ее родном Ставрополье днем с огнем не найти. Сразу на входе Травкина обратила внимание на две очереди. Одна за венгерским зеленым горошком, а вторая – за индийским чаем. Лариса встала в очередь за горошком и попросила мужчину, который встал следом за ней, сохранить ее место, а сама побежала в очередь за чаем. Тут же к ней подошел тот самый мужчина из горошковой очереди и встал за ее спиной. Травкина предложила мужчине разделиться. Она покупает на двоих чай, а он – горошек. Так и сделали. А потом познакомились...

И закрутил их водоворот любви. Любовника звали Анатолием, он с недавних пор работал учителем истории в единственной школе Торфяновки. Получил в поселке квартиру, в которой жил вместе с женой и десятилетним сыном. Одним словом, Толя оказался безнадежно женат. Разбивать семью Лариса не собиралась, если только любимый сам не надумает уйти к ней. А он никак не решался. Так и встречались украдкой. То в ее комнате, когда соседей не было дома, то в квартире, которую Анатолию любезно предоставлял для свиданий его коллега – учитель физики. Так прошел еще один год. Лариса по-прежнему работала в ЛТП и успела зарекомендовать себя как ценный специалист. А когда уволилась главный бухгалтер, полковник Мищенко предложил это место Травкиной. И она согласилась. А почему бы и нет. Работа знакомая, отношения с коллегами отличные, начальник

к ней со всей душой. Да и зарплата побольше. Но тут случился облом в личной жизни. Жена Анатолия узнала, что у мужа есть любовница. Добрые люди настучали. Поселок-то небольшой, все на виду. От назойливых глаз не скроешься. Супруга поставила Анатолию ультиматум – или остаешься и тогда должен немедленно порвать с любовницей, или проваливай к чертовой матери. Толя выбрал семью. А через месяц уволился из школы и вместе с женой и сыном отбыл в неизвестном направлении. В этот раз Лариса сильно не страдала и слез не лила. Ворованная любовь ее давно тяготила, и она сама собиралась прекратить эти отношения.

После расставания с любовником Травкина вернулась к мысли об увольнении. А тут еще ее пригласили на должность главного бухгалтера в одну из строительных организаций, с которой сотрудничал ЛТП. Зарплата – пятьсот рублей, плюс премии. Предоставляется комната в общежитии, а в течение трех лет – отдельная квартира в Каменногорске. Шикарное предложение. Лариса Николаевна написала заявление на увольнение и пошла к шефу. Мищенко бумагу прочел, отложил в сторону и тут же сделал ей встречное предложение. Видать, заранее подготовился. Полковник предложил Травкиной отдельную однокомнатную квартиру в Торфяновке. Но главное не это.

Главное – это предложение получить аттестацию и поступить на службу в органы МВД. Это и была вторая причина, по которой специалисты устраивались на работу в ЛТП. Ес-

ли за плечами имелось высшее образование и военная кафедра, то можно сразу стать лейтенантом МВД. Но даже при отсутствии военного образования и звания есть шанс получить аттестацию, если занимаешь руководящую должность, имеешь положительную характеристику и личное ходатайство начальника. Офицерское звание не присвоят, но получить погоны прапорщика вполне реально. Вот такое предложение поступило Ларисе Николаевне от полковника Мищенко. И документы для отправки в областное управление уже подготовили. Требовалось только ее согласие. Травкина попросила пару дней на размышление... И решила остаться.

Необходимо объяснить, что давала эта аттестация. Во-первых, заметно увеличивалось денежное содержание. Во-вторых, аттестованный сотрудник получал бесплатное продуктовое довольствие (паек), что в условиях дефицита продовольствия являлось отличным подспорьем. А в-третьих, аттестация позволяла в будущем продолжить службу в любом подразделении МВД в какой угодно точке страны. Лариса прикинула, что рано или поздно она вернется в родные края, и одно дело – трудиться в колхозе, а совсем другое – продолжить службу в органах.

Отдельная квартира, пусть и в Торфяновке, тоже не помешает. Соседи по коммуналке уже порядком надоели.

Так и стала главным бухгалтер ЛТП Травкина прапорщиком МВД. А еще через два года получила звание старшего прапорщика и больше не помышляла об увольнении.

Но случилось непредвиденное: где-то наверху решили, что полковник Мищенко больше не справляется со своими обязанностями и пора его отправить на пенсию. Что вскоре и произошло. Лариса Николаевна переживала увольнение шефа как личную трагедию и с волнением ждала прибытия нового начальника. А как только увидела Уварова и услышала его вкрадчивый, ласкающий слух голос, обращенный лично к ней, у нее от волнения кровь ударила в голову. Когда вышла из кабинета начальника и немного пришла в себя, поняла, что вела себя как последняя дура и своим поведением только отпугнула шефа.

«Надо держать себя в руках и не поддаваться эмоциям, тогда, возможно, появится шанс на сближение», – решила Лариса Николаевна и направилась в туалетную комнату, чтобы привести себя в порядок.

Во второй половине дня Уваров провел совещание с гражданскими специалистами, в котором приняли участие энергетик Сеницын, завгар Смирнов, техник-строитель Дымов и зав столовой Тяпа. Каждый из них доложил о текущей работе и проблемах, для решения которых требовалось личное участие начальника ЛТП. Вопросы касались в основном финансов. Завгар просил денег на запчасти, энергетик и строитель – на расходные материалы. Только зав столовой ничего не просил, а лишь предупредил, что запас тушенки, круп и овощей на складе – дней на пять, не больше.

«Да, Паша, тут тебе не здесь. Придется впрягаться по полной, без раскачки, – размышлял Уваров, – а без зама по производству совсем зашьешься. Надо эту вакансию срочно закрывать».

Отдельный разговор начальник решил провести с комендантом ЛТП Тарасовым.

Виктор Тарасов находился на лечении в профилактории десятый месяц и за это время успел завоевать авторитет как у лечащихся, так и у руководства, точнее – лично у бывшего начальника. Полковник Мищенко и слушать не хотел, когда на коменданта поступали жалобы. А таковых было немало. Жаловался начальник охраны, капитан Павленко, на то, что комендант, пользуясь возможностью свободного выхода за периметр, проносит в жилую зону в больших количествах чай в пачках, а шмонать Тарасова по распоряжению шефа запрещено. На что полковник всегда реагировал одинаково: «Чай не водка – много не выпьешь».

Поступали жалобы и от заместителя по оперативной работе майора Сысоева, который подозревал коменданта в махинациях с продукцией собственного подсобного хозяйства. Но и этим претензиям Мищенко не давал хода. Полковник прекрасно понимал, что нет дыма без огня и Тарасов, конечно, не ангел, но заменить его было просто нечем. И найти желающих нести этот крест ой как непросто. Комендант обеспечивал контроль и учет выдачи лечащимся одежды и обуви,

постельных принадлежностей, средств личной гигиены, следил за чистотой и порядком в жилых помещениях, составлял графики уборки и следил за их четким выполнением, организовывал помывку личного состава в бане и решал еще целую кучу мелких бытовых вопросов. А подсобное хозяйство Тарасов курировал как бы между делом, по личной просьбе начальника ЛТП. И что удивительно, на коменданта не поступало ни единой жалобы от лечащихся. И дело было не только в его организаторских способностях, которых не отнять, но и в личном авторитете. Если провести параллель с уголовной средой, Тарасов стал в ЛТП кем-то вроде вора в законе. Бывали случаи, когда новичок, не успевший въехать в местные порядки, наезжал на коменданта с претензиями и даже с угрозами, но с ним тут же проводилась разъяснительная беседа, бунтарь быстро успокаивался и отправлялся в медицинскую часть лечить слегка отбитые почки. Поскользнулся и с лестницы упал, нечаянно.

В прошлой жизни Тарасов работал директором крупной плодоовощной базы в соседнем районе. Дело свое знал, а потому пользовался авторитетом у районного начальства. А как могло быть иначе, если он обеспечивал всю местную номенклатуру свежей витаминной продукцией. Подворовывал, конечно, но в меру – без фанатизма. А в короткий период правления Андропова его деятельностью неожиданно заинтересовался ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Тарасов обратился за помощью

к районному начальству, но те трусливо умыли руки. Время было тревожное, политика партии – жесткая, как бы самим не напроситься на неприятности. Короче, засудили директора базы, и отправился он на три года в исправительную колонию. А все нажитое имущество у него конфисковали. У супруги, с которой он прожил четверть века, не выдержало сердце, и она скончалась от инфаркта. Тарасову предоставили отпуск, но пока он добирался до дома, жену похоронили соседи, поскольку детей у них не было, а многочисленные родственники, которые раньше роем вились вокруг их дома и постоянно занимали деньги, куда-то вдруг пропали. Посидел он у могилки, пустил скупую мужскую слезу и отбыл обратно – в колонию. Отсидел Тарасов от звонка до звонка, а когда вышел, оказался никому не нужен. Все старые друзья и коллеги от него шарахались, как от прокаженного. С большим трудом устроился в продуктовый магазин – грузчиком. И запил, естественно. Несколько раз переночевал в вытрезвителе, после чего, по инициативе органов милиции и с учетом ходатайства директора магазина, в котором он работал, присудили ему два года принудительного лечения в ЛТП.

В первый же день по прибытии Тарасова в профилакторий на его послужной список обратил внимание нарядчик Писаренко и показал документы полковнику Мищенко, а тот, недолго думая, назначил бывшего директора базы и уголовника комендантом. И не пожалел. За несколько недель новый комендант навел в жилой зоне чистоту и порядок, с чем

ни один его предшественник не мог справиться. Если раньше лечащиеся заваливали руководство жалобами по самым разным вопросам бытового характера, то теперь наступила тишь да благодать. При этом Тарасов практически не задавал вопросов, а все решал сам, для чего добился от Мищенко разрешения на свободу передвижения. Комендант часто бывал в Торфяновке, а иногда ездил в Каменногорск. Для этих поездок он просил у начальника ЛТП машину и каждый раз привозил массу необходимых в хозяйстве вещей – от средств личной гигиены и бытовой химии до оконных занавесок и скатертей. Самое удивительное – на все это он не тратил ни копейки казенных денег.

Прежде чем вызвать коменданта на ковер, Павел Сергеевич ознакомился с его личным делом и пришел к выводу, что разговор будет непростой.

В кабинет медленно вошел среднего роста грузный сутулый мужчина с редкими седыми волосами, тяжелым подбородком и глубокими морщинами на лице. Он смотрел на подполковника таким пронизательным взглядом, как будто пытался прочесть его мысли.

– Вызывал, начальник? – хриплым низким голосом спросил он Уварова.

– Вызывал. Проходи, Тарасов, присаживайся.

– Насиделся уже, говори, чего вызывал, да пойду я – надо мужикам мыло да белье свежее выдать, банный день сегодня.

– А ты не сильно начальство жалуешь. Так и на неприятности нарваться недолго.

– Кого повесили, тот не утонет, – философски заметил комендант.

– Ладно, считай познакомились, теперь к делу. Скажи мне, что у нас происходит с подсобным хозяйством?

– А что с ним происходит?

– Вот я и хочу разобраться. А ты ничего рассказать не хочешь?

– Нечего мне рассказывать. Разбирайся, начальник, сам. Я могу идти?

– Ну иди, иди...

«Вот и поговорили, – подумал Павел Сергеевич, – надо этого деятеля хорошенько встряхнуть. И подумать, кем его заменить».

В конце рабочего дня позвонил генерал Кравченко, поинтересовался, как прошел первый день на новом месте. Павел Сергеевич не стал вдаваться в подробности, только высказал одну просьбу – помочь с заместителем по производству. Генерал обещал подобрать подходящую кандидатуру.

Следующие несколько дней новый начальник ЛТП знакомился с вверенным ему хозяйством. Осмотром жилой зоны он остался доволен. Внутренние помещения бараков, бани и столовой поддерживались в относительном порядке. Уваров

обратил внимание на чистые занавески на окнах и настольные клеенки в яркий цветочек. А в туалетах его удивление вызвало не столько начищенное до блеска сантехническое оборудование, сколько наличие туалетной бумаги.

«Надо признать – комендант не так прост, интересно, как он умудряется доставать этот дефицит, ведь в магазинах днем с огнем туалетной бумаги не найти. А централизованные поставки такую роскошь вообще не предусматривают. На то есть газеты «Правда» и «Известия», которые в изобилии распространяются среди лечащихся», – подумал Павел Сергеевич и обратился к сопровождавшему его начальнику КЭС Слободяну:

– А что происходит с поставками продовольствия? Зав столовой утверждает, что продукты на складе заканчиваются, а выполнение заявок срывается. Кто этим вопросом занимается?

– Так раньше полковник Мищенко сам это разруливал, через Тарасова, – ответил старлей.

– А без Тарасова здесь кто-нибудь что-нибудь решает? – с досадой бросил Уваров и подумал, что на первых порах придется найти подход к коменданту. А там видно будет.

В этот же день он второй раз вызвал Тарасова на беседу и решил сразу взять быка за рога:

– Скажу откровенно, ты мне не нравишься. И твое уголовное прошлое только усиливает мою к тебе неприязнь. Но дело свое ты знаешь, поэтому хочу сделать тебе предложе-

ние, – начал разговор подполковник.

– Я, начальник, не баба, чтобы мне предложение делать. Если есть что сказать – говори. Если не угоден, я хоть завтра пойду рукавицы шить или землю на стройке копать.

– Ты гонор-то свой поубавь и послушай. У тебя срок два года. Отбыл десять месяцев, остался год и два месяца. Верно?

– Ты это к чему, начальник, клонишь?

– Предлагаю сделку. Ты мне открываешь все свои схемы, а я через два месяца отпускаю тебя на свободу – по половинке, за хорошее поведение. С медициной я этот вопрос уже согласовал. Начмед считает, что ты вполне излечился. Ну, что скажешь?

Тарасов на минуту задумался, потом спросил, можно ли закурить, а получив добро, достал пачку «Беломора», вытащил папиросу и стал ее нервно мять трясущимися пальцами, не закуривая.

«Зацепило. То-то же, комендант, и к тебе можно ключик подобрать», – размышлял Павел Сергеевич, наблюдая за собеседником...

– Ладно, начальник, поверю тебе, – после затяжной паузы тихим, хриплым голосом ответил Тарасов, – Мищенко тоже половинку обещал, да не успел выполнить. Говори прямо, что от меня хочешь?

– Ты, конечно, в курсе, что на складе продукты на исходе? Скоро лечащихся кормить нечем будет, а офицеры и прапор-

щики второй месяц паек не получают.

– Вопрос непростой, – снова выдержав паузу, медленно заговорил комендант, – сейчас и на гражданке все в дефиците. Нас, как ты знаешь, снабжает торгово-закупочная база ГОКа. Директриса там, Клавдия Петровна Климова, – серьезная дама. Подход к ней нужен. Только будь готов, начальник, к нестандартным решениям. Придется идти на некоторые нарушения. Полковник Мищенко не боялся рисковать, может, потому и погорел. Есть тут у тебя кадры, если чего разнюхают, непременно настучат наверх.

– Кого ты имеешь в виду?

– Э, начальник, в таких делах сам разбирайся, я тебя только предупреждаю, что схемы, которыми ты интересуешься, не совсем законные.

Тарасов замолчал, смял из папиросы «козью ножку», достал из кармана спички и закурил.

Уваров смотрел на коменданта и думал, стоит ли доверять бывшему уголовнику. Но если ничего не предпринимать, через неделю, если не раньше, в ЛТП может начаться голодный бунт. А это, пользуясь шахматной терминологией, – «мат в дебюте партии».

– Я готов рискнуть. Говори, что надо делать, – обратился Павел Сергеевич к коменданту и открыл настежь окно, чтобы выпустить едкий табачный дым, наполнивший кабинет.

– Завтра с утра, если позволишь, мы с Иваном за тобой подскочим и поедем на ТЗБ, познакомлю вас с Клавдией

Петровной. Я ей прямо сейчас позвоню, чтобы предупредить. А там по ходу все и порешаем.

На следующее утро «козел», как обычно, подрулил к пансионату «Горный» в 7-00. За рулем был Иван, а на заднем сиденье – Тарасов. Уваров сел в машину, и «УАЗик» рванул в направлении торгово-закупочной базы.

ТЗБ Каменногорского ГОКа занимала огромную территорию. Складские корпуса растянулись на сотни метров. База являлась главным логистическим центром во всем районе. Кроме того, в ведении ТЗБ находилось большинство предприятий торговли. А в эпоху дефицита должность директора базы считалась весьма престижной и уважаемой. Как только Уваров с Тарасовым появились в приемной Климовой, молоденькая секретарша сказала, что Клавдия Петровна ожидает их, и проводила в кабинет. Директор ТЗБ вышла из-за стола, чтобы пожать руки вошедшим. Павел Сергеевич представился хозяйке кабинета и окинул ее оценивающим взглядом. Выглядела директриса внушительно. Выше среднего роста, высокая грудь, широкие бедра, но при этом достаточно узкая талия, и ноги стройные, хоть и немного полноватые. Одежда ее не имела ничего общего с товарами широкого потребления. Темно-синий деловой костюм из блейзера и юбки, очевидно, был пошит на заказ, и не в простом ателье, а у настоящего профессионала, а светло-голубая блузка и модельные туфли и рядом не лежали с продукцией отечественной лег-

кой промышленности. На шее у Клавдии Петровны отливало перламутром жемчужное ожерелье, а пальцы рук, все, кроме больших, были унизаны золотыми кольцами и перстнями с брюликами. Широкое лицо, с немного выступающими скулами, полными губами, крупным носом и узкими, как у азиатки, глазами, не отличалось красотой, но выполненный умелой рукой богатый макияж придавал ему определенный шарм. Довершал картину дорогой импортный парик.

– Виктор меня посвятил в ваши проблемы, – начала беседу богиня районной торговли, – что тут сказать, сейчас у всех сложная ситуация...

«Глядя на тебя, этого не скажешь», – подумал Уваров, а директриса продолжала:

– Но если с вами, Павел Сергеевич, мы найдем общий язык и продолжим сотрудничество в той же форме, что и с вашим предшественником, то я постараюсь изыскать резервы и обеспечить вверенное вам учреждение всем необходимым.

Климова замолчала и выжидательно посмотрела на начальника ЛТП.

А Уваров не знал, что ей ответить.

Клавдия Петровна поняла, что ее собеседник не в теме, и обратилась к Тарасову:

– А ты что, Виктор, начальника в детали не посвятил?

– Некогда было, подумал – сами договоритесь, – буркнул комендант.

– И договоримся – верно говорю, Павел Сергеевич? – директриса широко улыбнулась и показала неестественно ровные белоснежные зубы.

«Похоже, у нее челюсти вставные, не женщина, а киборг какой-то», – мелькнуло в голове подполковника.

– Лето пришло, наступила пора создавать запасы плодово-овощной продукции, – продолжила Климова, – а рабочих рук, как всегда, не хватает. Вагоны выгружать, сортировать овощи и фрукты, а то ведь, пока до наших краев довезут, сами понимаете...

Уваров начинал улавливать, только подвоха пока не видел. ЛТП закупает на базе продовольственные и непродовольственные товары официально, по договорам, и оплачивает по безналичному расчету. Если на ТЗБ требуются работники, заключаем договор и лечащиеся граждане работают на базе, а их труд оплачивается по взаимному расчету. Все абсолютно легально.

Клавдия Петровна внимательно наблюдала за выражением лица начальника ЛТП и поняла, что придется объяснять подробнее:

– Между нашими организациями существуют официальные договорные отношения. Но знаете, Павел Сергеевич, время сейчас такое, лимиты снижаются, поставщики подводят, приходится крутиться, как уж на сковородке. И закрыть потребности всех контрагентов ох как нелегко. А за деньги я могу и так работников найти. Только свистни, толпа же-

лающих сбежится, – директриса снова улыбнулась и многозначительно посмотрела на посетителя – неужели требуются дальнейшие пояснения.

Но Уваров наконец-то обо всем догадался: «Схема древняя, как мир. Я ей отдаю в рабство алкашей, а она оформляет на работу «мертвые души» и кладет денежки себе в карман. Нет, в карман такие бабки не поместятся, тут как минимум нужна хозяйственная сумка. Это пахнет уголовной статьей. И что делать? Развернуться и уйти? А чем завтра лечащихся кормить? Положение безвыходное – придется соглашаться».

– Ну так как, Павел Сергеевич, по рукам? – спросила Климова и добавила: – Да вы не сомневайтесь, наши договоренности за пределы этого кабинета не выйдут.

– И сколько вам рабочих требуется? – уточнил Уваров.

– Да сущая ерунда – всего-то человек тридцать, – ответила директриса и снова продемонстрировала свои фальшивые челюсти.

«У нее не улыбка, а оскал, как у волчицы. И хватка такая же – мертвая. Тридцать человек для нее мелочь, а как мне их скрыть?» – мысленно возмутился подполковник, а вслух сказал:

– Хорошо, Клавдия Петровна, по рукам. А когда можно будет закрыть заявки на продукты?

– Завтра я пришлю за людьми автобус, а послезавтра можете присылать машину за продовольствием. Будем дру-

жить, Павел Сергеевич, и многие ваши проблемы улетучатся, как утренний туман.

«Хороша подруга – схватила за горло так, что ни вздохнуть, ни перднуть», – подумал Уваров, а вслух выразил директору базы благодарность, попрощался и вышел вслед за Тарасовым из кабинета.

За час пути от базы до ЛТП Уваров с комендантом не проронили ни слова. Только водитель временами нецензурно выражал недовольство состоянием дороги. Павел Сергеевич размышлял о состоявшихся переговорах. Теперь ему было совершенно понятно, как Тарасов добывал туалетную бумагу и прочие занавески да клеенки. Оставалось выяснить одну деталь. На подъезде к профилакторию подполковник спросил коменданта:

– А куда ты эти затраты относишь?

– Так на собственное производство, куда еще, – спокойно ответил Тарасов.

«Выходит, рабочие швейного цеха вкалывают за себя и за того парня», – подумал Уваров, но вслух ничего не сказал.

В этот же день он посетил промзону и пообщался с бригадиром. Промышленную зону отделяли от жилой два ряда ограждений, выполненных из колючей проволоки «егоза». И даже глухие металлические ворота по периметру опутали колючкой. Для чего такая строгость – можно было только предполагать. Возможно, остерегались, что кому-то вздума-

ется проникнуть под покровом ночи в промзону и пустить «красного петуха».

Собственное производство размещалось в длинном двухэтажном кирпичном здании. На первом этаже располагались складские помещения и бытовки, а на втором – швейный цех. Ассортимент продукции не отличался разнообразием. Шили брезентовые рукавицы. К зимнему сезону дополнительно выпускали рукавицы из ватина. Продукция отправлялась на ГОК и в строительные организации района. Среди лечащихся швейное производство, мягко говоря, не пользовалось популярностью. Вкальываешь в прямом смысле не разгибая спины, а в итоге даже на еду не всегда удается заработать.

Стоит отметить, что лечащимся в ЛТП начислялась зарплата. Часть дохода уходила на оплату питания и обмундирования, совсем немного выдавалось на руки – на курево, а остальное, если что-то оставалось, поступало на личный лицевой счет, и получить эти денежки можно было только после окончания срока лечения. Тем, кто работал в строительных организациях, не филонил и не допускал серьезных нарушений трудовой дисциплины, платили рублей по пять в день. В месяц выходило больше сотни. После вычетов оставалось на счету рублей пятьдесят, и за два года лечения набиралось больше тысячи целковых. А на швейке даже самым умелым и шустрым редко удавалось заработать за сме-

ну трешку, а большинство едва сводили концы с концами.

Были и такие, кто к концу срока накапливал значительную задолженность. Впрочем, при освобождении все долги списывались...

В итоге добровольцев, желающих шить рукавицы, не находилось и бригады комплектовались исключительно за счет штрафников.

Бригадиры просили увеличить расценки, но это не входило в компетенцию начальника ЛТП – расценки утверждались в областном управлении. О том, что им приходится содержать еще и рабочих, занятых на торгово-закупочной базе, на швейке знали все. Но никто не возмущался, поскольку появлялась редкая возможность вырваться за зону и подышать воздухом свободы, ведь на базу отправлялись как раз работники швейного цеха. По очереди. Не было шансов выбраться за колючку только у самых злостных нарушителей режима.

А еще на базе кормили от пуза. Никакого сравнения со скудной пайкой в столовой ЛТП. Да и чифирить никто не мешал. Более того, работники ТЗБ сами в качестве стимулирующих бонусов обеспечивали лечащихся дешевым грузинским чаем.

Павел Сергеевич выслушал претензии и просьбы бригадиров и решил, что следует продумать, как эффективнее организовать производство. Как вариант, можно расширить ас-

сортимент выпускаемой продукции. Вот для этого ему и нужен зам по производству...

После ознакомления с жилой и промышленной зонами Уваров обратил свой взор на автохозяйство. В сопровождении завгара Смирнова Павел Сергеевич осмотрел гаражи.

Игорь Смирнов работал в ЛТП шестой месяц. Он приехал на Север из Казахстана, после окончания автотранспортного техникума.

А в ЛТП устроился исключительно ради прописки. И не скрывал, что находится в активном поиске более высокооплачиваемой работы. Хотя большого интереса к его кандидатуре работодатели не проявляли. Опыта работы у парня не имелось, да и образование – так себе. Если и соглашались его взять, то только по рабочей специальности – автослесарем. Точнее – учеником слесаря.

Но Смирнов копать в мазуте не хотел. Не для того он целых три года штаны в техникуме протирал.

Автохозяйство ЛТП состояло из четырех единиц техники. Со своим персональным «козлом» Павел Сергеевич уже был хорошо знаком, как и с водителем Иваном, который в данный момент занимался ремонтом другого автомобиля – грузового фургона «УАЗ-452», прозванного в народе «буханкой». Третий и четвертый боксы занимали выдавший виды грузовик «ГАЗ-53» и такой же потрепанный жизнью автобус «ПАЗ-672». В автобусе сидели два молодых человека, лет по

двадцати от роду, и играли в карты.

– Сергей, ты чего тут дурака валяешь? – громко окликнул одного из игроков завгар. – Ваня твою машину ремонтирует, а ты тут прохлаждаешься.

– Обеденный перерыв у меня. Да и что там делать, только Ивану мешать, – нервно ответил худой рыжий парень, стриженный под ежика.

«Наездники», – вспомнил Павел Сергеевич определение, которым наградил своих молодых коллег Иван.

– А кто из них автобус водит? – спросил Уваров Смирнова, когда они вышли на улицу.

– Да что вы, кто ж им доверит людей возить, у них и категории нет. Автобус у нас не так часто используется. В основном для коллективных поездок в Каменногорск – на концерты разные да праздничные мероприятия. А рулит Ваня, больше некому.

– А эти двое чем занимаются?

– Они за продуктами да за другими товарами в город мотаются. А Сергей ежедневно на «буханке» в поселок ездит – за кормом для свиней.

«Странно, – подумал Павел Сергеевич, – согласно бухгалтерским документам ЛТП регулярно закупает корма в областном центре и платит за них приличные деньги. Что тогда привозят из Торфяновки? Еще одна загадка, которую придется разгадать».

Но, пораскинув мозгами, подполковник Уваров решил на

некоторое время отложить разгадку тайн «черной дыры». Через два месяца выйдет на свободу Тарасов, тогда и можно будет устроить настоящую ревизию, а пока лучше не вступать с комендантом в серьезный конфликт. Кто его знает, что у того на уме. Прижмешь его к стенке, а он после освобождения возьмет да и накатает телегу в прокуратуру. И темные делишки с «работоторговлей» вскроются. Нет, этого даже теоретически допускать нельзя. Пусть пока все остается как есть.

К тому же накануне Уварову позвонил генерал Кравченко и сообщил, что подыскал ему отличного заместителя по производству и через неделю тот прибудет в ЛТП.

«Вот пусть новый зам и разгребает эти авгиевы конюшни», – решил Павел Сергеевич.

Глава 3. Новая метла

Поднимая облака пыли, на территорию ЛТП влетел новенький «УАЗ-469», на полном ходу подрулил к КПП и встал как вкопанный у самого входа. Выждав, пока осядет пыль, из машины вышел высокий широкоплечий мужчина в форме подполковника МВД. Выглядел он на все сто. На вид – лет сорок. Стройный, подтянутый, с волевыми чертами лица и решительным блеском в слегка выпученных голубых глазах. Не теряя ни секунды, быстрым, размашистым шагом мужчина рванул через контрольно-пропускной пункт, на ходу показал дежурному служебное удостоверение, перепрыгивая через две ступеньки, взлетел по лестнице на второй этаж и в узком штабном коридоре чуть не столкнулся с женщиной в форме старшего прапорщика, которая едва успела прижаться к стене, чтобы пропустить несущегося, как курьерский поезд, подполковника.

«Хам, даже не извинился», – поправляя прическу, подумала Лариса Николаевна и бросила пронизательный взгляд на удаляющегося мужчину, который не обратил на нее ни малейшего внимания. Похоже, вообще не заметил ее присутствия. Он целенаправленно прошагал до конца коридора и без стука ворвался в кабинет начальника.

– Подполковник Скибкин! Прибыл для дальнейшего прохождения службы! – громогласно доложил вошедший.

От неожиданности Павел Сергеевич, изучавший в этот момент квартальный отчет, представленный главным бухгалтером, едва не опрокинулся на пол вместе с креслом.

Уваров еще три дня назад получил личное дело нового зама по производству и успел с ним ознакомиться.

Скибкин Алексей Михайлович родился в 1946 году в Красноярском крае. После школы был призван в армию. Служил конвойным в колонии строгого режима в Архангельской области. После окончания службы по призыву поступил в училище внутренних войск, которое окончил в 1971-м и с тех пор, вот уже семнадцать лет, нес службу на различных должностях в системе исправительно-трудовых учреждений. В отличие от Уварова, который восемнадцать лет протирал штаны в областном управлении, Скибкина изрядно помотало по Стране Советов. Служил он в Магаданской и Иркутской областях, в Туркмении и в Казахстане. А последние три года занимал должность заместителя начальника по производству в одной из исправительных колоний строгого режима в Карелии.

Обычная ментовская биография, каких тысячи. Но что-то насторожило Павла Сергеевича. Может, то, что подполковник Скибкин ранее служил исключительно на «строгаче» и имел дело с отпетыми уголовниками. А это, безусловно, накладывает отпечаток на характер и манеры поведения любого человека.

– Присаживайся, Алексей Михайлович, – предложил Уваров, – для начала давай решим бытовые вопросы. У нас сейчас свободна однушка в Торфяновке. Ты с семьей или как?

– Я уж пять лет как в разводе, и однушка мне в самый раз.

– Добро, тогда после нашей беседы зайдешь в кадры – оформишься и получишь ключи от квартиры. А теперь – перейдем к делу. Перво-наперво обрати внимание на наше производство. Вот смотрю отчет главбуха за последний квартал – опять швейный цех принес убытки. Даю тебе месяц, чтобы вникнуть в тему и подготовить предложения, как исправить ситуацию.

– Не вопрос, товарищ начальник, мне это как два пальца обоссать... об асфальт. Я в Карелии такие дела проворачивал, кому рассказать – не поверят. У меня уголовнички пахали, как рабы на галерах. А кто косячил – сразу в карцер, на хлеб и воду. И с выполнением плана никогда проблем не было, – похвалился Скибкин.

– Это, конечно, хорошо, но у нас все-таки не колония строгого режима и контингент другой, – заметил Уваров, – здесь нужен несколько иной подход.

На этом первая беседа начальника с новым замом закончилась, Скибкин отправился в кадровую службу, а Уваров углубился в изучение отчета.

На следующее утро новый зам по производству первым делом пригласил к себе в кабинет завгара Смирнова.

– У тебя в гараже найдется место для моей машины?

– Нет, все четыре бокса заняты.

– А если подумать и все-таки освободить одно местечко, – настаивал Скибкин.

– Это только с письменного разрешения начальника. Вам ведь гараж надолго нужен. Летом еще можно обойтись, а наступят холода. В здешних краях уже в октябре до минус двадцати бывает. Поди, заведи на морозе наш металлолом. Вот если еще один бокс пристроить, место позволяет. Вы бы переговорили с Олегом Дымовым – это наш строитель. Он с прежним начальником, полковником Мищенко, как-то обсуждал эту тему.

– Значит так, ты сегодня же освобождаешь место для моей машины, а я решаю вопрос с пристройкой нового бокса. Дело-то выведенного яйца не стоит. На «строгаче» я бы не то что бокс – ангар для самолета за месяц построил, а до октября можно новую зону отгрохать. Беги, найди мне Дымова и передай ему, что через полчаса мы с ним встречаемся у гаража.

Олег Дымов работал в ЛТП уже третий год. Мало кто из гражданских задерживался в профилактории на такой долгий срок. Разве что энергетик Николай Сеницын, который тянул ляжку еще дольше. Дымова и Сеницына удерживала в

ЛТП единственная цель – аттестация. Оба закончили институты с военной кафедрой и имели воинское звание – лейтенант запаса. Полковник Мищенко заверял их, что все необходимые для аттестации документы направлены в областное управление. Но время шло, а результата не было. А когда полковника отправили на заслуженный отдых, у Олега и Николая совсем руки опустились, и они решили дождаться назначения нового начальника и поставить вопрос ребром: «Не будет аттестации – увольняемся». Работать за гроши порядком надоело. А строители и энергетики требовались на каждом углу. Как раз в то время, когда подполковник Скибкин разговаривал с завгаром, Дымов и Сеницын беседовали с начальником ЛТП в его кабинете:

– Павел Сергеевич, я хочу получить конкретный ответ, когда состоится аттестация, иначе буду искать другую работу, – выдвинул шефу ультиматум Дымов.

– И я тоже, – поддержал товарища Сеницын.

Уваров выдержал паузу, делая вид, что обдумывает ответ. На самом деле он готовился к этому разговору и накануне звонил в кадровую службу областного управления. Как оказалось, никаких документов на аттестацию Сеницына и Дымова в управление не поступало. Полковник Мищенко просто водил парней за нос. Павел Сергеевич уточнил у кадровиков, насколько растянется процесс аттестации, если подать документы сейчас. Ответ получился уклончивым. Областное управление такие решения не принимает, а отправ-

ляет документы в Министерство внутренних дел. А там рассмотрение может затянуться на несколько месяцев. И никакой гарантии положительного решения нет. В МВД намечается сокращение штатов, и в аттестации гражданских лиц, с большой долей вероятности, Москва откажет, поскольку в первую очередь вакантные должности замещаются выпускниками училищ МВД.

Перед Уваровым встала непростая дилемма – раскрыть парням всю правду или попытаться потянуть время. Потерять техника-строителя начальник ЛТП не боялся. Его вполне способен заменить лечащийся Косинкин. А вот энергетическое хозяйство целиком и полностью лежало на плечах Синицына. Под его началом находились два электрика и один сантехник из числа лечащихся, но положиться на них никак нельзя. Те еще кадры. А впереди – подготовка к зиме. Придется тянуть время, а там будь что будет.

– Дело в том, что Москва вернула ваши документы в областное управление. Там какие-то проблемы с характеристиками. И заявления надо переписать по новой, поскольку сроки рассмотрения предыдущих уже истекли. Зайдите в кадры и заполните бланки заявлений, а я прослежу, чтобы исправили характеристики и срочно отправили документы в область.

– Это мы уже не раз слышали от полковника Мищенко, я больше ждать не собираюсь. Буду искать другую работу, – решительно заявил Дымов.

А Сеницын промолчал. И это вполне устраивало начальника.

В коридоре Олег спросил Николая, как тот собирается поступить. Сеницын ответил, что перепишет заявление, поскольку слишком много времени потерял в ожидании аттестации. Но через месяц, если снова не будет результата, сам поедет в областное управление и выяснит, что к чему. Тогда и примет решение – что делать дальше.

На выходе из штаба Дымов столкнулся с завгаром Смирновым, который передал ему распоряжение зама по производству.

Подполковник Скибкин, заложив руки за спину, нервно прохаживался вдоль гаражных боксов с недовольным выражением лица и, когда увидел приближающегося техника-строителя, набросился на него, как коршун на зазевавшегося цыпленка.

– Я тебя уже лишние двадцать минут жду. Может, тебе распоряжение заместителя начальника – пустой звук?

Дымов никак не отреагировал на наезд подполковника и не стал оправдываться, а только спокойно спросил:

– И зачем я вам понадобился?

Скибкин удивленно посмотрел на Олега, видимо привык к другой реакции на свои наскоки, и перевел разговор в более спокойное русло.

– Мне машину негде ставить. Надо срочно пристроить до-

полнительный бокс. Даю тебе на это две недели.

– Погодите, товарищ подполковник, больно резво у вас получается. А где взять материалы? А аренду техники кто оплатит? А зарплату рабочим на каком основании платить будем? – поинтересовался Дымов и разъяснил новому заму.

– Прежде чем приступить к работе, напишите рапорт на имя начальника ЛТП и, если получите положительную резолюцию, я подготовлю смету, которую проверит экономист и утвердит Уваров. После этого закупим материалы и заключим договор на аренду техники. Вот тогда и построим вам бокс.

Все время, пока говорил техник-строитель, лицо Скибкина наливалось кровью и наконец приобрело пунцовый цвет. Подполковник больше не сдерживал гнева:

– Ты кому лапшу на уши вешаешь? – заорал Скибкин бешеным голосом. – За дурака меня держишь? Я прошелся тут, пока тебя ждал, и все необходимое для пристройки нашел. Кирпич и три плиты перекрытия находятся рядом со свинарником. Остается достать цемент, рубероид на кровлю и металл на ворота. Это я беру на себя. А про какую технику ты мне тут заливаешь?

– Во-первых, ничего я не «заливаю», а во-вторых, кирпич и плиты закуплены для строительства свинарника. Если шеф разрешит – можем их использовать на гаражный бокс. Но нужны еще фундаментные блоки. А как без экскаватора обойдемся и без крана?

– А эти, как вы их тут называете, лечащиеся землю копать никак не могут? Да и зачем копать, кому этот фундамент вообще нужен?

– Можно, конечно, обойтись без блоков, но тогда придется заливать монолитную плиту, а для этого нужна арматура и кубов десять бетона. А это еще дороже выйдет. И дренаж придется делать, поскольку здесь высокий уровень грунтовых вод, – высказал свои соображения техник-строитель.

– Что ты мне тюльку травишь. Какая плита? Какой дренаж? Здесь же не болото. Вон какая земля твердая – танками не продавишь, сплошной валунник. По кирпичу и плитам я сегодня же с Уваровым переговорю, а ты срочно рисуй свою смету, и чтобы завтра приступил к работам.

– Вы что, товарищ подполковник, всерьез предлагаете строить кирпичный бокс без фундамента? – уточнил Дымов. И, получив утвердительный ответ Скибкина, добавил: – Тогда предоставьте мне об этом письменное распоряжение, и, если шеф разрешит использовать кирпич и плиты, с завтрашнего дня приступим.

На следующий день работа на объекте закипела.

Ремонтно-строительная бригада ЛТП состояла из пяти человек. Все имели большой опыт работы в строительстве. А, как говорится, опыт не пропьешь. Возглавлял бригаду административно-осужденный Косинкин.

Илья Антонович Косинкин попал в ЛТП по глупости... По глупости супруги, Ольги Васильевны, с которой они прожили в счастливом браке долгие тридцать семь лет и воспитали двоих сыновей. Вся трудовая жизнь Косинкина прошла в одном строительно-монтажном управлении, где он проделал путь от помощника мастера до начальника СМУ. Руководителем Илья Антонович считался весьма успешным. Управление, которое он возглавлял, стабильно признавалось одним из лучших в тресте. Однако время берет свое, и в один, далеко не прекрасный, момент Косинкина с почетом проводили на пенсию. Сыновья давно жили своими семьями – один в Ленинграде, а второй – в Норильске. Оба получили хорошее образование и занимали руководящие должности. Родителей, ввиду занятости, навещали редко, только внучат на каникулы подкидывали.

Выпить в компании друзей и коллег, да под хорошую закуску, Илья Антонович любил, но алкоголиком не был. Косинкин отлично знал свою меру. А на заслуженном отдыхе, то ли от тоски, то ли по какой другой причине, стал все чаще прикладываться к рюмке. Никакой угрозы обществу его поведение не представляло: пил он, как правило, в одиночку – дома, на кухне. А когда пьянел, тихо укладывался спать. Но жена всерьез обеспокоилась здоровьем супруга, стала читать какие-то медицинские книги о разрушительном влиянии алкоголя на организм человека. И пришла к выводу, что надо спасать мужа, пока не поздно. А как это сделать, не знала.

Затащила Илью Антоновича на прием к местному наркологу, который предложил зашить ему «торпеду» с лекарством, да такую, что если пациент продолжит пить, то «торпеда» лопнет и может привести к летальному исходу. Косинкин от такого лечения наотрез отказался, даже бумагу подписал. А доктор нашептал супруге, что по действующему закону в случае, если алкоголик письменно отказался от лечения, его можно отправить на реабилитацию в лечебно-трудовой профилакторий. Что такое ЛТП, Ольга Васильевна понятия не имела, но слово «профилакторий» ей пришлось по душе. До пенсии она работала на железной дороге и несколько раз отдыхала в санатории-профилактории Министерства путей сообщения. И по собственному опыту знала, какое благотворное влияние на организм оказывает отдых в профилактории. Ольга Васильевна с ностальгией вспоминала построенное в стиле «сталинский ампир» белоснежное здание санатория, раскинувшееся на берегу лесного озера, среди высоких сосен и стройных березок, вежливый и заботливый медицинский персонал. А какое там было питание – пальчики оближешь. А оздоровительные процедуры – массаж, бассейн, грязелечение и даже обертывание морскими водорослями. После каждого посещения профилактория Ольга Васильевна чувствовала себя помолодевшей лет на десять. А потому она без всяких сомнений доверилась наркологу, который от ее имени подготовил заявление в суд. В судебном заседании Косинкин принимать участие отказался, присутствова-

ла только его жена. Судья долго пыталась у нее выяснить, насколько болезнь Ильи Антоновича запущена и какую угрозу он представляет семье и обществу, но так ничего и не доби- лась. Истица на все вопросы отвечала одной фразой: «Пусть его вылечат».

Судья все же проявила некоторое участие, и Косинкин по- лучил минимальный срок принудительного лечения в ЛТП – один год.

Когда за Ильей Антоновичем приехал милицейский «во- ронок», Ольга Васильевна начала сомневаться, что поступи- ла правильно, и отправила телеграммы сыновьям с коротким текстом: «Папу забрали в ЛТП».

Сыновья прибыли уже через сутки. Старший, который из Ленинграда, приехал на персональной «Волге», а младший, из Норильска, прилетел на самолетах – с двумя пересадка- ми. Досталось маме, конечно, по полной. За то, что послуша- ла какого-то козла нарколога, а родных детей даже в извест- ность не поставила. На следующий день сыновья с матерью отправились на машине в ЛТП. Когда черная «Волга» подъе- хала к КПП профилактория, дежурный предупредил началь- ника ЛТП, полковника Мищенко. А тот выбежал навстречу гостям, поскольку подумал, что прибыл генерал Кравченко, который иногда появлялся в их краях с внеплановой провер- кой. Это формально, а фактически генерал приезжал поры- бачить да попариться в русской баньке. Ну и водочки под

ушицу попить. Как же без этого.

Но в этот раз полковник ошибся. Вместо генерала прибыли родственники лечащегося Косинкина. Мищенко пригласил гостей к себе в кабинет...

Когда Ольга Васильевна увидела собственными глазами, в какой «профилакторий» она упекла мужа, у нее едва удар не случился. Пришлось начальнику ЛТП вызывать врача медчасти, который сделал женщине укол и оставался в кабинете до ухода гостей.

Пока дежурный по распоряжению начальника искал Косинкина, сыновья Ильи Антоновича попытались выяснить у полковника, как можно освободить отца. Предлагали большие деньги. Однако Мищенко от денег отказался, поскольку отменить решение суда никак не мог. Но пообещал, что, если административно-осужденный Косинкин в течение полугода не нарушит дисциплину и медицинская служба даст заключение, что лечение проведено успешно, он постарается сократить срок реабилитации вдвое. На большее у него нет полномочий. Можно, конечно, попытаться пересмотреть решение суда. Но это займет не меньше времени и не гарантирует результат.

В этот момент в кабинет начальника вошел Илья Антонович. В синей тюремной робе, которая мешком висела на его худощавой фигуре, и с огромным синяком под левым глазом. Мищенко тут же попытался выяснить происхождение

фингала, но Косинкин заявил, что сам споткнулся и упал.

Когда Ольга Васильевна увидела Илью Антоновича, она бросилась перед ним на колени и в слезах стала умолять о прощении. Сцена получилась весьма трогательная. Косинкин пытался поднять супругу с колен и заверял, что у него все нормально, лечение проходит успешно и что срок реабилитации пролетит быстро, но жена продолжала каяться и рыдать. Пришлось врачу сделать ей еще один укол – успокоительный. А сыновья взяли мать под локотки, и семья Косинкиных отправилась в комнату для длительных свиданий – пообщаться без посторонних.

С этого дня прошло без малого пять месяцев. За это время близкие Ильи Антоновича еще неоднократно навещали его. Не только жена и сыновья, но и невестки с внуками. Привозили много дефицитных продуктов, которыми Косинкин делился со всем баракком. Особо лечащиеся нахваливали индийский чай «Три слона».

Чифирь из него получался отменный.

До половины срока Косинкину оставался всего месяц, когда уволили полковника Мищенко, а на его место назначили Уварова. Илья Антонович тут же обратился к новому начальнику с просьбой отпустить его по половинке. Но Павел Сергеевич никаких гарантий давать не стал, лишь обещал

подумать. А тут, как назло, техник-строитель Дымов собрался увольняться. И «дембель» Косинкина оказался под большим вопросом.

Когда Олег Дымов поставил перед бригадой задание, наступила немая сцена. Первым ее прервал Косинкин:

– Ты в своем уме, Олег? Как же можно построить кирпичный бокс, да еще с железобетонными перекрытиями, и совершенно без фундамента? А если он развалится, кто отвечать будет?

– Точно не я и не вы, – ответил Дымов. – Вот смотрите – это письменное распоряжение Скибкина, где черным по белому написано: «Строить без фундамента. Всю ответственность беру на себя. Зам начальника ЛТП по производству подполковник Скибкин». Дата, подпись. Все как в аптеке. Так что без лишних слов – вперед и с песнями. За две недели надо сделать, иначе, боюсь, этот Чапай нам всем шашкой головы снесет.

– Может, хоть монолитную ленту под стены зальем, – предложил Илья Антонович, – углубимся на метр, валунника кругом полно, добавим цементный раствор. Какой-никакой, а фундамент.

Тут на Косинкина обрушился шквал возмущения остальных членов бригады. Громче всех кричал каменщик Любшин:

– Тебе что, не ясно сказано – строить без фундамента! Ты

за половинку жопу рвешь, а мы должны отдуваться. Вот сам и копай траншею и валуны выковыривай да раствор мешай. Олег ясно сказал – за две недели сделать надо. А с твоим «каким-никаким» фундаментом мы не меньше недели потеем.

Гул одобрения подтвердил, что бригада на стороне Любшина. Косинкин больше не настаивал на своем предложении, поскольку уже был научен горьким опытом. Попрешь против коллектива, они ночью устроят «темную». Прошлый раз еще повезло – отделался фингалом, а в следующий раз, чего доброго, ребра сломать могут, если вообще до смерти не забьют.

Бокс построили за двенадцать дней. Скибкин, как и обещал, достал металл на ворота и кровельные материалы, а электрики провели в помещение электричество. Задача была решена с опережением установленного срока и с... Нет, про «качество» лучше промолчать. Тем более что дальнейшие события развивались стремительно. На третьи сутки после ввода гаражного бокса в эксплуатацию сорвался настоящий ливень. Поливало всю ночь, а ближе к утру стены пристройки покрылись многочисленными трещинами и бокс рухнул, похоронив под собой новенький «УАЗик» зама по производству. Как выразился выдавший виды водила Зимин: «Машина восстановлению не подлежит».

Подполковник Скибкин, когда увидел, что произошло,

сразу рванул к начальнику и пожаловался на Дымова. Но Олег представил Уварову распоряжение, подписанное собственноручно Скибкиным, и рассказал во всех подробностях, как на него давил зам по производству.

Когда Дымов вышел из кабинета, Павел Сергеевич спрятал распоряжение Скибкина на всякий случай в сейф и задумался. Сомнение, возникшее при первом знакомстве с новым замом, теперь только усилилось: «Не напрасно ли я попросил генерала Кравченко оказать помощь в подборе зама по производству? Вон, мой предшественник, полковник Мищенко, как-то без него обходился» ...

Происшествие с гаражным боксом и уничтоженным автомобилем несколько не охладило служебного рвения подполковника Скибкина. Скорее – наоборот. На третий день после случившегося фиаско он представил Уварову «План мероприятий по финансовому оздоровлению собственного производства».

Документ уместился на двух тетрадных страницах. На первой автор представил неутешительный анализ финансового состояния швейного цеха. Вывод напрашивался однозначный – швейное производство нерентабельно и его необходимо если не ликвидировать совсем, то значительно сократить. На второй странице Скибкин изложил свои предложения по расширению ассортимента продукции. Собствен-

но, предложение было одно – наладить изготовление пластиковых бутылочных пробок. В подтверждение экономической целесообразности пробочного производства Скибкин привел следующий довод: «На зоне в Карелии каждый пресс-станок давал в месяц триста рублей прибыли. Бригада из десяти заключенных на пяти станках зарабатывала полторы тысячи за вычетом издержек. За год производство пробок приносило восемнадцать тысяч рублей чистой прибыли!»

На словах автор «плана» доложил Уварову, что готов договориться с начальником карельской колонии о приобретении одного пресс-станка по сходной цене... Для начала. А потом можно расширить производство хоть до пяти, хоть до десяти станков. И деньги потекут рекой.

Внутренний голос подсказывал начальнику ЛТП, что доверять словам зама не стоит. Следует сначала внимательно изучить вопрос, проконсультироваться со специалистами.

А с другой стороны, чем он рискует? Только спешить с покупкой станка не будем, а оформим на пару месяцев его в аренду. Если окажется, что дело стоящее, тогда и о приобретении подумаем. На том и порешили. Подполковник Скибкин тут же рванул к себе в кабинет – звонить начальнику колонии и договариваться об аренде пресс-станка.

Через десять дней к контрольно-пропускному пункту ЛТП подъехал тягач с трейлером, на котором громоздился тот самый пресс-станок, о котором так восторженно отзы-

вался Скибкин. Загнать трейлер на промзону оказалось не так-то просто. Пришлось даже демонтировать ворота. Еще сложнее решалась задача с выгрузкой агрегата. Весила эта штука десять тонн. На руднике автокрана в этот день не оказалось. Скибкин позвонил в одну из строительных организаций, в которой трудились пациенты профилактория. Через два часа автокран прибыл. Станок выгрузили и осмотрели. Первым не сдержал удивления техник Дымов:

– Это что за мастодонт, смотри, – обратился Олег к Косинкину, – на станине выбит год производства – 1905-й. Интересно, для чего этот пресс предназначался в те времена? Пластиковые пробки тогда еще не придумали. Может, его для пыток заключенных использовали? Потому эти станки на зоне строгого режима и оказались.

Присутствующий тут же зам по производству бросил уничтожающий взгляд на Дымова и распорядился:

– Не умничай, если не соображаешь. Лучше подумай, где установить станок. Предлагаю часть швейного цеха перенести на первый этаж, а на освободившееся место поставить пресс.

– Но для этого потребуется разобрать кровлю, да и плиты перекрытия могут не выдержать такой нагрузки, – усомнился техник-строитель.

– Опять ты вздумал мне мозги компостировать, – повысил голос Скибкин, – надо демонтировать кровлю – демонтируй, а перекрытия никуда не денутся, они железобетонные. У нас

на зоне таких станков пять штук было, все стояли на втором этаже цеха и ничего с ними не случилось. Так что – не умичай, а выполняй приказ.

– Э нет, товарищ подполковник, пока не получу от вас письменное распоряжение – ничего предпринимать не буду, – спокойно ответил Дымов.

– Бюрократ хренов. Кран простаивает, надо все срочно сделать, потом опять к строителям обращаться придется. Так и быть, приступай к работе. Пока освободите место в швейном цеху, я напишу распоряжение.

Когда место под пресс было освобождено, и кровля частично разобрана, а письменное распоряжение подполковника Скибкина техник Дымов надежно упрятал во внутренний карман пиджака, начался процесс монтажа.

Станок опустили через проем в кровле и поставили на пол второго этажа. Едва отцепили стропы и собрали кран, послышался треск и дореволюционный пресс, продавив плиту перекрытия, с диким грохотом рухнул на первый этаж – прямо в помещение склада готовой продукции. Хорошо, что кладовщик в это время вышел покурить. Обошлось без человеческих жертв. А вот без материального ущерба не обошлось. Пресс упал прямо на стол кладовщика и превратил его в щепки, вместе со стулом. Кроме того, станок смял металлический стеллаж, на котором лежали приготовленные к отправке заказчику упаковки рукавиц. Когда пыль осела,

подполковник Скибкин и техник Дымов зашли в помещение полуразрушенного склада. Скибкин внимательно осмотрел станок и удовлетворенно заключил:

– Сразу видно – вещь. Сейчас таких не делают. С трехметровой высоты грохнулся и ни одной трещинки. Да что там трещины, даже царапин не осталось.

– Да, литье качественное, – не скрывая сарказма, произнес Дымов.

– Значит так, дырки в потолке и в перекрытии сегодня же заделать, кровлю восстановить, склад перенести в другое место, а пресс пусть здесь и стоит. Помещение просторное, если что, еще пара-тройка станков поместится, – резюмировал подполковник.

– А когда следующий пресс монтировать будем, опять кровлю и перекрытие ломать? Может, проемы временно досками зашьем да брезентом прикроем? – внес предложение Дымов.

– Никаких временных вариантов. Все надо делать капитально. Эх, учить вас еще и учить, молодежь, – махнул рукой Скибкин и размашистым шагом рванул в сторону штаба – доложить шефу о проделанной работе.

Однако его опередил завскладом Мамедов. Пока Скибкин с Дымовым разглядывали пресс, кладовщик пожаловался заведующему, а тот отправился к начальнику ЛТП и доложил о нанесенном ущербе.

В этот раз Уваров встретил зама по производству, не скрывая раздражения:

– Какого черта ты затащил этот станок в швейный цех? Переломал там все. Мы же эту железяку на два месяца всего арендовали. Поставил бы на улице, устроил временный навес от дождя. Сейчас лето, ничего бы с ним не случилось. А вот когда экономическая эффективность производства пробок подтвердилась бы, вот тогда мы выкупили бы станок и решили – в каком месте его установить на постоянной основе. А теперь что делать будем, если через два месяца этот пресс придется возвращать арендодателю? Опять весь швейный цех разворотим? – с досадой спросил Уваров.

– Никак нет, товарищ подполковник, ничего ломать не придется. Я принял решение временно зашить проемы досками и накрыть брезентом, – бодро доложил Скибкин.

На следующее утро Павел Сергеевич встретил у входа в КПП техника Дымова и выразил ему свое недовольство:

– Олег, ты почему со мной не посоветовался, прежде чем швейный цех крушить начал?

– Павел Сергеевич, я-то тут при чем, вот, посмотрите, распоряжение подполковника Скибкина, – Дымов вытащил из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенную бумагу и передал шефу.

Уваров, даже не взглянув на документ, сунул его в карман кителя и продолжил разговор с техником-строителем на по-

вышенных тонах:

– Что ты мне эти бумажки подсовываешь, думаешь, не понимаю, что ты решил в очередной раз Скибкина дураком выставить? Не знаю, какая между вами кошка пробежала, но своими действиями ты нанес материальный ущерб всему нашему учреждению. Хотя Скибкину ты тоже навредил – новую машину угробил.

– Да вы меня прям каким-то монстром рисуете, Павел Сергеевич. Ничего я такого не помышлял. Я только выполнял распоряжения вышестоящего руководителя, – ответил на обвинение Дымов.

– Ладно, свободен. Только давай на будущее договоримся – подобных авантюр без моего ведома не предпринимать. Даже по письменному распоряжению зама по производству, – подвел черту Уваров.

Следующие несколько дней подполковник Скибкин плотно занимался организацией нового дела. Прежде всего он заключил договоры на поставку пробок с двумя предприятиями, одно из которых производило уксусную кислоту, а другое – различные растворители и прочую бытовую химию. На первое время месячный объем поставки определили в сорок тысяч штук. Параллельно заключили договор на поставку сырья, и через неделю в ЛТП прибыла первая фура с листовым полиэтиленом. Все было готово для запуска производства. Осталось решить один вопрос – кто будет работать

на пресс-станке. Скибкин установил сменное задание в тысячу пробок на одного человека, или две тысячи на звено из двух «операторов». По его утверждению, в колонии строгого режима заключенные легко клепали по тысяче двести штук на брата. Еще и на перекуры время оставалось. Зарплату за одну пробку определили в одну копейку. Получалось, что при выполнении нормы «пробочники» могли заработать по десять рублей за смену.

Однако добровольцев, желающих заниматься столь прибыльным делом, не находилось. Посмотреть на станок приходили многие лечащиеся, но энтузиазма никто из них не проявлял.

В чем же состоял принцип действия этого диво-пресса? Все элементарно. Мощная чугунная станина служила чисто для устойчивости агрегата. А рабочий механизм состоял из литого несъемного цилиндра и расположенного внутри штока, который приводился в движение вручную, с помощью стального ворота с четырьмя ручками, по форме напоминающего корабельный штурвал. Принцип действия – простой, как хозяйственное мыло. Для лучшего скольжения штоку периодически требовалась смазка. С этой целью на цилиндре изготовители предусмотрели отверстие с заглушкой. На нижнем конце штока крепилась специальная металлическая насадка соответствующей формы. Один рабочий держал лист полиэтилена, а второй крутил за ручку ворот и

выдавливал штоком пробку. Вот, собственно, и вся «технология».

Когда стало ясно, что добровольцев на производство пробок не найти, подполковник Скибкин дал указание нарядчику Писаренко подобрать пару кандидатур из числа «новобранцев».

Как раз накануне на лечение поступили двенадцать новых пациентов. Нарядчик изучил их личные дела и решил направить на производство пробок административно-осужденных Мухина и Киреева. Почему именно на этих кандидатурах остановил свой выбор Писаренко, объяснялось просто. Мухин и Киреев проходили по одному делу и, если судить по представленным документам, являлись закадычными друзьями-собутыльниками. Одним словом – спаянный дуэт, а точнее – споенный.

Нарядчик, до того, как оказался на лечении в ЛТП, работал в отделе кадров крупного металлургического комбината и по собственному опыту знал, что на самых тяжелых и ответственных производственных участках лучших результатов достигают коллективы единомышленников, связанные не только работой, но и близкими дружескими отношениями.

Муха и Кирюха росли в одном дворе и дружили с раннего детства. Оба воспитывались в неполных семьях. Муха от-

да совсем не помнил. Ему едва исполнилось три года, когда батя скоропостижно помер, приняв на грудь лишний стакан денатурата.

Дозу не рассчитал.

Мать работала на железной дороге – путевой рабочей. Жили они в ведомственном общежитии и стояли в очереди на квартиру. Вот только перспективы получения отдельного жилья были весьма туманные.

Кирюха обитал в однокомнатной квартире, которую его мамаше предоставили за работу дворником в жилищно-эксплуатационной конторе. Папашу своего Кирюха видел только однажды, когда тот приперся после очередной отсидки стрельнуть у матери денюжат, но был отправлен куда подальше. А через неделю он снова надолго отправился в места не столь отдаленные.

Поскольку матери вкалывали как проклятые, чтобы прокормить своих непутевых отпрысков, воспитанием парней успешно занималась улица. И первой ходкой на зону они отправились вместе. За мелкую кражу. Друзья разбили витрину магазина и вынесли два ящика пива. Дали им, на первый раз, немного – по шесть месяцев на брата. Пока парни чаились на зоне, мать Мухи померла от инсульта, из общаги его выселили, и после освобождения оказался он на улице – влился в нестройные ряды местных бомжей.

Кирюха друга в беде не бросил – поселил у себя в квар-

тире. Его мамаша пыталась воспрепятствовать этому безобразию, пожаловалась участковому, за что получила от единственного сыночка отбивных по ребрам и оказалась на больничной койке. Чтобы, чего доброго, не лишиться жизни от руки своего отпрыска, сразу после выписки из больницы она уволилась из ЖЭКа и уехала жить к сестре, в деревню, затерянную где-то в вологодских лесах.

Общественно полезный труд не входил в планы Мухи и Кирюхи. Парни промышляли сбором пустых бутылок и мелкими кражами. И не миновать бы им второй ходки на зону, но их судьбой озаботился начальник ЖЭКа. Квартирку-то Кирюха занимал служебную. Мама уволилась и право на жилплощадь потеряла. Начальник ЖЭКа обратился за помощью к участковому инспектору, который и без того давно точил зуб на Муху и Кирюху. Инспектор собрал письменные жалобы от соседей, написал собственное ходатайство и передал бумаги в суд. Получили друзья по два года принудительного лечения и отправились на отдых в Каменногорский ЛТП. А квартиру, в которой они незаконно обитали, привели в божеский вид и предоставили для проживания кому-то из работников ЖЭКа.

Таким образом, после окончания срока принудительного лечения Муху и Кирюху ждала полная свобода выбора места обитания – от незапертых подвалов и чердаков до тепловых камер.

На следующее утро после прибытия на лечение Муха с Кирюхой приступили к производству пробок и за восемь часов ударного труда выдавили целых СОРОК ШЕСТЬ штук. Получается, что за первую рабочую смену друзья заработали аж по двадцать три копейки на брата.

Информация об этом уникальном результате достигла ушей начальника ЛТП, и Павел Сергеевич пожелал увидеть это «чудо-производство» собственными глазами. Естественно, в присутствии подполковника Скибкина. Зам по производству о достижениях пробочников уже был наслышан и не скрывал ярости. Первым под его горячую руку подвернулся нарядчик.

– Ты кого мне подсунул? – орал во все горло Скибкин на перепуганного Писаренко. – Если завтра это безобразие продолжится, сам отправишься пробки давить!

На следующий день у злополучного пресс-станка собрался целый консилиум. Кроме Уварова и Скибкина, присутствовали начальник КЭС Слободян, техник-строитель Дымов и комендант Тарасов. Собравшиеся наблюдали следующую картину.

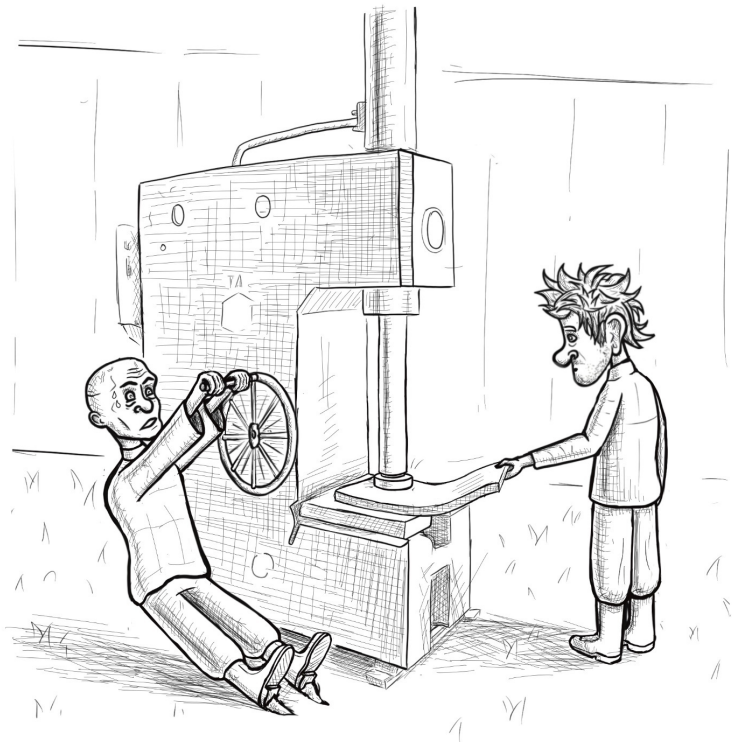
Лечащийся Киреев удерживал лист полиэтилена, а его напарник Мухин схватился двумя руками за рукоятку, оторвавшись при этом от пола, и дрыгал что было сил ногами, пытаясь провернуть штурвал. Это действие продолжалось до тех пор, пока рукоятка наконец-то не поползла вниз, и тогда

появившийся шток выдавил-таки злополучную пробку. Муха тяжело выдохнул, снял рукавицы и вытер ими пот со лба.

Затем напарники поменялись местами. Муха удерживал лист пластика, а Кирюха повис на рукоятке, прижимая колени к животу. Дрыгать ногами он не стал, только заметно поднатужился – даже лицо и уши покраснели от напряжения. Ворот вначале не поддавался, но потом резко провернулся, и Кирюха, оторвавшись от рукоятки, шлепнулся пятой точкой на бетонный пол. При этом все присутствующие услышали неприличный звук и в помещении распространился неприятный запах.

– Все, хана, перекур, – заявил Кирюха, не поднимаясь с пола, и полез в карман за папиросой и спичками.

В полной тишине вдруг разразился дикий хохот. Не смогли удержать эмоций Слободян и Дымов. Тарасов оказался более стойким, он смеялся беззвучно, но при этом слезы капались из его глаз. Как ни старался сдержаться Павел Сергеевич, но и ему это не удалось. Только Скибкин внешне не выказывал никаких эмоций, сохраняя спокойное выражение лица. Но это спокойствие было обманчивым. Он едва удерживался, чтобы не наброситься с кулаками на Муху и Кирюху, которые, казалось, не обращали никакого внимания на происходящее вокруг, а просто сидели на бетонном полу и курили.

Павел Сергеевич, конечно же, узнал в одном из пробочников своего бывшего соседа по подъезду, но не стал этого афишировать, а предложил присутствующим руководителям оставить Мухина и Киреева в покое и разойтись по своим делам. Только подполковнику Скибкину велел проследовать за ним в штаб.

– Ну и как ты это объяснишь? – спросил начальник ЛТП своего зама по производству, как только они вошли в кабинет.

– Это просто какое-то недоразумение, Павел Сергеевич. На зоне двое заключенных без особого напряжения выдавливали до двух с половиной тысяч пробок за смену. Это нарядчик Писаренко виноват – подсунул мне каких-то дохляк, – пытался оправдаться Скибкин.

– А у нас контингент такой – хронические алкоголики да наркоманы, если ты еще не понял. И качков среди них не найти. Я представляю, кто работал на таком станке в колонии строгого режима. Громилы и амбалы. Там такая братва часто встречается. Им подергать ручку, бицепсы подкачать – одно удовольствие, – доходчиво объяснил ситуацию Уваров. – Иди, подумай, что дальше с этим производством делать будем, материал-то закупили, управление в известность поставили, в план твои долбаные пробки включили, надо теперь как-то выкручиваться.

После полученного нагоняя подполковник Скибкин решил лично заняться подбором кадров для производства пробок. И первое, что пришло ему на ум, – использовать штрафников.

Тех, кто грубо нарушал установленные в ЛТП порядки, отправляли в ШИЗО – штрафной изолятор. Лечащие-

ся называли его «шизняк». При строительстве профилактория помещение для изолятора предусмотреть забыли, видимо, проектировщики посчитали, что тюремный карцер – не вполне подходящее место для лечения алкоголиков. А может, просто проглядели этот момент. В любом случае, изолятор пришлось обустраивать собственными силами. Под ШИЗО использовали часть полуподвала в здании штаба. Выложили кирпичные перегородки, установили металлическую дверь, две двухъярусные железные койки, грубо сколоченный стол, два табурета, рукомойник и деревянный постамент с ведром – в качестве параша. Получилась вполне сносная камера площадью восемь квадратных метров. В маленьком окошке под потолком карцера установили решетку. А вот с отоплением вышла незадача. Поскольку рядом с камерой располагался теплоцентр, тащить трубы и устанавливать радиаторы в помещении изолятора не стали, мол, и так будет тепло. Но первые же заморозки показали ошибочность такого решения. В камере стоял собачий холод. Зимой температура воздуха в «шизняке» не поднималась выше десяти градусов по Цельсию. Для полноты картины следует добавить страшную сырость, от которой по стенам и потолку расплзалась черная плесень. Постоянные жалобы лечащихся вынудили начальника охраны установить в ШИЗО электрообогреватель. Вот только толку от него было мало. Старая проводка не выдерживала нагрузки, что приводило к коротким замыканиям, а однажды даже случился пожар. Хорошо, что

вовремя подоспели охранники с огнетушителем. Но один из сидельцев все же попал в медчасть с отравлением угарным газом. В итоге обогреватель убрали. А вместо него выделили дополнительно на каждого штрафника по стеганому одеялу.

Надолго в карцер не помещали. В основном на сутки. Только самые злостные нарушители дисциплины задерживались до трех суток. Нередко после посещения «шизняка» лечащиеся оказывались на больничной койке с простудой, а иногда и с пневмонией.

И тем не менее изолятор практически никогда не пустовал.

Подполковник Скибкин в тот же день посетил ШИЗО и остался доволен «уловом». В камере отбывали наказание трое административно-осужденных – Перов, Лысов и Матюшенко. Накануне они попались на КПП, когда пытались пронести на зону три литра самогона.

Каждое утро, кроме выходных и праздничных дней, в 7-00 на территорию ЛТП въезжала колонна автобусов «ЛАЗ» и увозила на работу без малого шесть сотен лечащихся. А в 17-00 эта толпа возвращалась обратно в профилакторий и проходила в жилую зону через КПП. Для охранников это был самый сложный и ответственный момент. Шмонать всех подряд не представлялось возможным, иначе этот процесс мог затянуться на несколько часов. А лечащиеся обязаны

строго соблюдать распорядок дня. Им еще предстояло помыться, поужинать и пройти лечебные процедуры.

Никаких технических средств охрана не применяла. Все строилось на интуиции. Опытные вертухаи по выражению лица и нетипичному поведению вычисляли в толпе тех, кто вел себя подозрительно, и отводили их в сторону для индивидуального шмона. Трудно сказать, какой процент нарушений оставался незамеченным. Но судя по тому, что на зоне не переводился чифирь, который употребляли практически все административно осужденные, процент пойманных с личным был относительно невысок.

Троицу штрафников, которую обнаружил в ШИЗО подполковник Скибкин, поймали совершенно случайно. Работали они в одной строительной бригаде уже пятый месяц. Вольные работяги и даже прорабы относились к ним с пониманием и сочувствием. Кто его знает, как сложится судьба. Сегодня ты на воле, а завтра, чего доброго, сам угодишь на лечение. Перо, Лысый и Матюг – на такие погоняла отзывались наши герои – практически ежедневно проносили на зону несколько пачек чая, которым их снабжали сердобольные члены бригады. А однажды бригадир поинтересовался, не желают ли они приобрести у него домашний первач. Гону, мол, для себя, но излишки готов продавать по сходной цене. В тот же вечер вопрос обсудили в бараке. Участвовал в обсуждении и комендант Тарасов. Было единогласно решено, что дело стоящее, но рискованное. Комендант предложил

проносить самогон на зону в резиновых медицинских грелках. Грелки он взялся раздобыть в медчасти.

Конвейер заработал. Деньги брали из общака, который держал Тарасов. Продукт обходился сравнительно дешево – два рубля за пол-литра вполне приличного по качеству самогона. Поллитровка водки с наценкой посредников стоила до шести рублей. Да поди еще достань. В стране ведь продолжается антиалкогольная кампания. А тут – отличный товар, градусов под семьдесят. Почти спирт. И в три раза дешевле водки.

Дело пошло. Два раза в неделю Перо, Лысый и Матюг проносили на зону три грелки самогона, по литрухе в каждой. Грелки закрепляли под одеждой на груди изолентой. Однажды охранник что-то заподозрил и одного из курьеров выдернул из толпы и обшмонал... И ничего не обнаружил. Эффективность грелок подтвердилась.

Но в тот злополучный день, когда троица оказалась в «шизняке», случилось непредвиденное. Один из охранников заметил, что трое лечащихся, которые уже пересекли КПП, о чем-то весело перешептываются. Вертухай вместе с еще двумя коллегами догнали троицу, отвели в сторонку и стали шмонать. У двоих ничего не обнаружили, а вот с третьим случилось несчастье. Когда охранник шлепнул его ладонями по бокам, на землю упала грелка. Слабовато, видать, закрепил. Поленился или изоленту решил сэкономить. Охранник отвернул пробку, и воздух наполнился ароматом сивушных

масел. А двое лечащихся, успешно прошедшие осмотр, попытались затеряться в толпе. Но не тут-то было. Вертухаи их настигли, заставили оголиться до пояса и изъяли всю партию товара. Грелки с самогоном передали начальнику охраны капитану Павленко, а незадачливые курьеры отправились в ШИЗО, где и попали в цепкие руки подполковника Скибкина.

На следующее утро Перо, Лысый и Матюг, досрочно освобожденные из ШИЗО, заступили на смену к пресс-станку, а Муха с Кирюхой, пойманные накануне Скибкиным за распитием чифиря на рабочем месте, отправились на сутки в «шизняк».

Новое звено «пробочников» оказалось более эффективным, чем Муха с Кирюхой. На ручке они не повисали, ножками не дрыгали и газы не пускали. Во всяком случае при свидетелях. Пока один поддерживал лист полиэтилена, двое других хватались двумя руками за ручку и по условному сигналу резко проворачивали ворот. На изготовление одной пробки уходило секунд двадцать, не больше. Это был значительный прогресс по сравнению с достижениями Мухи и Кирюхи. Но желаемого результата подполковник Скибкин так и не добился. Работники быстро уставали и часто устраивали перекуры. В итоге за первую смену троица выдавила пятьсот сорок пробок – по сто восемьдесят штук на брата. Зам по производству пытался их подгонять, по несколько часов не отходил от станка. Но все бесполезно. В последующие дни

доблестная тройца итог первой смены так и не улучшила.

Эпопея с пробками продолжалась два месяца. За это время Скибкин шесть раз менял состав пробочников, но повышения производительности так и не добился. «Рекорд» в сто восемьдесят пробок на человека за смену остался непревзойденным. Среди лечащихся распространилась шутка, что Перо, Лысый и Матюг добились такого невиданного результата, поскольку задубели в «шизняке» и, чтобы согреться, в первый день дергали ручку, как ужаленные. Но запала хватило только на одну смену.

Когда истек срок аренды пресс-станка, его тут же отправили владельцу – в Карелию. После такого провала подполковник Скибкин как-то сник, перестал проявлять инициативу и большую часть рабочего времени проводил у себя в кабинете. Чем он там занимался, доподлинно никому не известно. Видимо, предавался воспоминаниям о том прекрасном времени, когда служил в колонии строгого режима, где по первому его требованию заключенные готовы были разбиться в лепёшку.

Пока продолжалась эпопея с пробками, в ЛТП произошли события, о которых нельзя не упомянуть. Вышел на свободу комендант Тарасов. Вроде пустяк, а уже через несколько дней зону было не узнать – в жилых помещениях лечащие-

ся развели грязь, занавески порвали на ветошь, клеенки на столах прожгли папиросами. Туалетная бумага исчезла, и в дело снова пошли газеты «Правда» и «Известия». И в целом появилось ощущение запустения и бардака.

С гораздо меньшими потерями прошло увольнение техника-строителя Дымова. По сути, оно повлияло на судьбу только одного человека – Косинкина, которому теперь придется тянуть весь срок и даже не мечтать о половинке.

Но наибольший резонанс вызвал демарш энергетика Синецина, который в один прекрасный день объявил начальнику ЛТП, что отбывает в областное управление, чтобы выяснить наконец-то, как продвигается его аттестация. Уваров пытался его отговорить, обещал, что лично займется его делом, но все тщетно – Николай Синецин уехал, оставив все энергетическое хозяйство на попечении двух электриков и сантехника.

Вначале ничто не предвещало беды. Короткое северное лето хоть и приближалось к финишу, но до первых заморозков и отопительного сезона еще оставался небольшой запас времени.

Павел Сергеевич позвонил в областное управление – начальнику кадровой службы – и попросил, чтобы тот убедил Синецина, что положительное решение по его аттестации будет принято в ближайшее время. Казалось, серьезных проблем возникнуть не должно. Но, как на грех, очередную сви-

ную подложил начальнику его зам по производству.

Подполковник Скибкин недолго переживал провал пробного производства. Как только Николай Сеницын уехал, Скибкин решил навести порядок в энергетическом хозяйстве, которое, по мнению зама по производству, находилось в запущенном состоянии. Первым делом он посетил помещение бойлерной, где у подчиненных Сеницына была обустроена уютная «кандейка». Поскольку горячая вода требовалась круглый год, бойлерная являлась самым теплым помещением в ЛТП. В «кандейке» зам по производству обнаружил электрика Лаптева и сантехника Чумаченко. Лапоть и Чума гостей никак не ждали, а потому спокойно сидели за столом и играли в карты. А чем еще заниматься электрику и сантехнику в рабочее время, если не в карты играть? Свет везде горит, вода по трубам течет. Все в полном ажуре. Если бы не бутылка водки, которая предательски возвышалась прямо по центру стола, да три граненых стакана, на четверть заполненные хмельной жидкостью.

Накануне выдался удачный день. К Сеницыну обратилась главный бухгалтер ЛТП – попросила заменить унитаз и раковину в ее квартире, в Торфяновке. Энергетик отправил на халтурку Лаптя и Чуму, а сам в тот же день уехал в областной центр. Хозяйка предложила мужикам за работу денег, но они наотрез отказались, а вот поллитровку взяли. Тем бо-

лее что Лариса Николаевна обещала принести водку на следующий день прямо на зону. Отличный вариант – никакого риска. Утром, как и договаривались, поллитровка была доставлена. Лапоть сбегал в столовую и притащил оттуда пару желтых соленых огурцов и полбуханки черного хлеба. И пошел пир горой. А для догонки наши герои еще и чифирь забодяжили.

Тут и нагрянул, откуда ни возьмись, подполковник Скибкин. И загремели Лапоть и Чума на двое суток в «шизняк». А третий их товарищ – электрик Захаров – чудом избежал наказания. В тот момент, когда подполковник Скибкин направлялся в бойлерную, Захаров находился в сортире – живот у него прихватило, видать съел чего-то. Это его и спасло от «шизняка».

Семен Захаров был по-своему уникальной личностью. Удивительная история его похождения из уст в уста распространялась среди лечащихся и сотрудников администрации профилактория. И погоняло к нему приклеилось подходящее – Сеня Залет. Дело в том, что Семен отбывал в Каменногорском ЛТП уже третий срок. А начиналось его затянувшееся лечение еще при Андропове – в 1983-м. Работал Сеня электромонтажником в родном Свердловске. Был женат и даже воспитывал сына. Ну как воспитывал, порол пацана как сидорову козу. И жену избивал, когда был пьян. А пил он регулярно. Но тут направили Сеню на три месяца в коман-

дировку на Каменногорский ГОК. Жена с сыном вздохнули с облегчением.

По прибытии в Каменногорск Семен заселился в общагу. В одну с ним комнату въехали еще двое командировочных. В первый же день парни хорошенько поддали за знакомство и отправились на осмотр достопримечательностей города. Однако гуляли друзья недолго. На выходе из пивнушки, расположенной в соседнем с общагой доме, их подобрал наряд милиции, и вечерний променад закончился ночевкой в медвытрезвителе.

Поскольку деньжата у Сени водились (он перед отъездом получил зарплату и суточные), на следующий день история повторилась. Только теперь Семен забухал с местными алкашами. Соседи по комнате решили держаться от него подальше. Вторую ночь Сеня снова провел в медаке. И третью, и четвертую. А когда наш герой оказался в вытрезвителе в шестой раз, менты составили необходимые бумаги и отправили в местный суд. Судья затягивать дело не стала, и ровно на десятый день с начала командировки, так и не удостоив своим присутствием Каменногорский ГОК, отправился Сеня на два года в ЛТП.

Вначале его отправили работать на строительство обогатительной фабрики. Но в первый же день Залет спер на стройке какой-то электроинструмент и обменял его на водку. Когда дело вскрылось, Сеня получил трое суток карцера, после чего выход за зону ему был навсегда закрыт. По-

пробовали его использовать на пошиве рукавиц. Но и здесь случился облом. Залет только материал портил. Тогда, учитывая его гражданскую специальность, определили Семена в команду энергетика. И, как ни странно, в новый коллектив Залет вполне вписался. Николай Сеницын отзывался о нем как о толковом специалисте. К тому же у Сени были все необходимые допуски по электробезопасности.

Когда первый срок Залета подошел к концу, он не уехал в Свердловск, к жене и сыну, а устроился на работу в жилищно-эксплуатационную контору в поселке Торфяновка – электриком. Помог ему в этом Сеницын. Сене предоставили служебную комнату – живи, работай и радуйся. Но остепениться Залет не смог. После первой же зарплаты забухал по-черному. И снова – регулярные ночевки в вытрезвителе, суд и очередные два года в родном ЛТП. Весь второй срок Сеня провел под началом Николая Сеницына. В «шизняк» Залет попадал регулярно, но дело свое знал, и энергетик был вполне доволен его работой. Когда наступил второй «дембель», Сеня никуда уходить не хотел. Для него ЛТП стал родным домом. Но закон есть закон.

И оказался Семен на свободе. За два года лечения и упорного труда он заколотил целых триста рублей. В этот раз искать работу Сеня не стал, снял комнату в Каменногорске и крепко забухал. А что еще делать, чтобы вернуться в родной профилакторий? В вытрезвитель Залет стремился умышлен-

но – специально шатался бухой по улицам города и старался попасть на глаза ментам. И меньше чем через месяц Сеня с триумфом вернулся в родные пенаты. Зона встретила его, как героя. Залета окружили таким вниманием, что он даже прослезился. На каждом углу Сеню угощали чифирем, а то и водочкой. Жизнь вернулась в привычное русло.

А как же семья? Часто ли навещали нашего героя жена с сыном и другие родственники? Ни разу не появились. За все пять лет и три месяца. Родители Залета давно покоились на кладбище. Родных братьев и сестер у него не было, а более дальних родственников его судьба совершенно не беспокоила. А что касается супруги Валентины, то первые два с половиной месяца она не могла нарадоваться отсутствию мужа-тирана. К концу срока командировки тревога стала нарастать. И сынок занервничал, глядя на мамку.

Но отец семейства в установленный день на пороге не появился. И на следующий день тоже. Через неделю Валя обратилась в администрацию предприятия, в котором работал Сеня, и с удивлением узнала, что ее благоверный «пропал без вести». По месту командирования он так и не появился и никакой информацией о его местонахождении в организации не располагают. Вполне возможно, что с ее мужем произошел несчастный случай. Сердце молодой женщины затрепетало в надежде, что ее ненавистного супруга черти забрали и она больше никогда в жизни не увидит эту против-

ную пьяную рожу.

Но в милицию Валентина все же обратилась. Соседка посоветовала. Иначе, мол, тебя, как законную супругу, могут заподозрить в организации убийства.

В милиции заявление о пропаже приняли и объявили Сене в розыск. И первый запрос отправили в Каменногорский отдел внутренних дел. А уж там личность гражданина Захарова установили без промедления. В итоге жена Залета получила из милиции официальный документ о том, что по решению суда ее муженек на два года направлен на принудительное лечение в ЛТП. Адрес и телефоны заведения прилагались. Конечно, Валентина предпочла бы информацию о его безвременной кончине, но и два года отдушины – тоже неплохо. Никаких поездок на свиданку с благоверным она, естественно, не планировала и звонить в ЛТП не собиралась. А когда по истечении первого срока лечения Сене дали еще два года, Валя решила, что беспокоиться больше не о чем – муженек завис надолго, возможно навсегда, и пора позаботиться о личной жизни. В первую очередь она в судебном порядке оформила развод. Залету направили уведомление о разводе, которое он разорвал на «косячок», а присутствующим при этом корешкам Лаптю и Чуме сообщил, что ему совершенно «по барабану».

Вскоре после развода Валентина нашла новую любовь. Но счастье ее длилось недолго. Новый суженый оказался не лучше прежнего. Так же бухал и регулярно поколачивал жену и

пасынка. Но, в отличие от Сени, нигде не работал и таскал из дома шмотки на продажу и пропой. Решила Валя, что такова ее карма и от судьбы не уйти. С большим трудом и не без помощи органов внутренних дел она избавилась от второго мужа и задумала наладить отношения с первым, для чего впервые за пять с лишним лет отправилась навестить Семена. Собрала нехитрые гостинцы – сала, тушенки, варенья. Прихватила и пару трехлитровых банок самогона – а вдруг получится угостить Сеню. Глядишь, и простит он ей измену. Сына оставила у своей мамыши, села на поезд и отправилась в дальний путь.

Когда Сеня Залет узнал о том, что Лапоть и Чума чалятся в «шизняке», он решил отомстить ментам за своих дружков. И даже представить не мог, насколько его месть окажется эффективной. Сеня открыл ключами, оставленными ему Синицыным, главный распределительный щит ЛТП и вырубил к чертовой матери электричество во всем профилактории. И сделал он это в самый подходящий момент – в пять часов утра. Отсутствие освещения не нанесло бы значительного ущерба, поскольку в это время уже наступил рассвет. Но проблема в том, что столовая ЛТП была оборудована электроплитами и повара не успели приготовить завтрак. В итоге – лечащиеся в полном составе отказались выходить на работу. Колонна автобусов, прибывшая, как обычно, к 7-00, уехала порожняком. Информация с быстротой молнии доле-

тела до руководства строительного треста, в котором трудились пациенты ЛТП, а оттуда сигнал поступил в областное управление исполнения наказаний. И когда начальник профилактория прибыл на службу, его телефон разрывался от звонков. Первый, с кем пообщался Павел Сергеевич, был генерал Кравченко:

– Объясни, Паша, что у тебя там творится?! Какая к дьяволу забастовка?! Ты понимаешь, чем тебе, да и мне тоже, грозит это ЧП?! – орал в трубку, не жалея связок, генерал. – Срочно разберись, прими необходимые меры, и чтобы через час, максимум через два все лечащиеся вышли на работу!!!

Уваров тут же собрал совещание, на которое созвал своих заместителей, начальника охраны, начальников отрядов и начальника КЭС.

Павел Сергеевич поручил Скибкину немедленно установить причину отключения электроэнергии и принять меры к ее срочному устранению. А остальным присутствующим провести с лечащимися разъяснительную беседу, обеспечить их сухими пайками и отправить на работу.

Автобусы уже вернулись и ожидали пассажиров.

Подполковник Скибкин сразу догадался, что ЧП – далеко не случайность, а следствие предпринятых им мер в отношении Лаптева и Чумаченко. Первым делом зам по производству отправился в ШИЗО, где побеседовал на высоких тонах с Лаптем и Чумой. Но так ничего и не выяснил, по-

сколькy оба штрафника не покидали «шизняк» и понятия не имели, что происходило за пределами изолятора.

Тогда Скибкин направился в «кандейку», где и застал Сению Залета. Тот мирно похрапывал на сколоченных из грубых досок нарах, прислонившись к теплому бойлеру. Подполковник грубо растолкал его, схватил за грудки, приподнял над полом и чуть не вытряс из Сени душу:

– Признавайся, сучий потрох, это ты, скотина безмозглая, обесточил зону?! – орал во все горло Скибкин, продолжая трясти Залета с такой силой, что казалось – еще немного, и из робы вывалится на пол Сенин позвоночник, рассыпавшись на отдельные позвонки.

Даже если допустить, что Семен захотел бы в чем-то признаться, сделать он этого не мог. От тряски его зубы стучали, как швейная машинка, и он резонно боялся отрыть рот, чтобы вообще не остаться без зубов и не откусить собственный язык.

Наконец Скибкин немного уgomонился, поставил электрика на пол и, насколько смог спокойно, спросил:

– Так ты будешь говорить, или тебя отправить к твоим друшкам – в «шизняк»?

Семен уже осознал, какой устроил шухер, и готов был включить рубильник, но боялся, что за такие «шуточки» ему точно светит карцер. Не меньше трех суток. А это, при его слабом здоровье, верный путь на больничную койку. И он решил схитрить:

– Не виноватый я, гражданин подполковник. Христом-богом клянусь. Это строители вдоль забора ЛТП траншею копают – водопровод прокладывают. Вот они, наверное, и рванули кабель.

Сеня не соврал, действительно на территории рудника, рядом с периметром ЛТП, шли работы по ремонту водопроводных сетей и уже неделю работал экскаватор.

Скибкин прикинул, что электрик говорит дело, и спросил:

– А у вас схема электроснабжения ЛТП имеется?

– Сколько здесь работаю – никаких схем не видал. Все делаем методом тыка, – с притворным расстройством ответил Сеня и добавил: – Николай Сеницын все схемы в голове держит. Он один знает, где какой кабель проходит.

В это время подполковник Уваров разговаривал по телефону с начальником кадровой службы областного УИН:

– Гена, подскажи, у вас там не появлялся мой энергетик – Николай Сеницын? У нас ЧП – электричество пропало, а, кроме Сеницына, никто в этом деле не шарит.

– Да заходил уже твой энергетик. С полчаса как ушел. Я его пытался убедить, что документы на аттестацию находятся в Москве, в министерстве, но он потребовал показать всю переписку, сопроводительные письма и прочее. Короче, пришлось мне признаться, что Мищенко никаких документов на него не присылал. В ответ твой Сеницын в сердцах кинул: «Ну и хрен с ней, с вашей аттестацией, пойду на рудник ра-

ботать! Меня давно туда зовут». И дверью хлопнул так, что она чуть с петель не слетела. Такие вот дела, Паша. Придется тебе нового энергетика подыскивать.

«Час от часу не легче», – подумал Уваров и позвонил дежурному, чтобы тот срочно разыскал и направил к нему подполковника Скибкина.

Через пять минут зам по производству, как всегда – стремительно, влетел в кабинет начальника.

– Ну, докладывай, Алексей Михайлович, какие меры принимаются, чтобы решить проблему с электричеством?

– Все под контролем, Павел Сергеевич. Я выяснил, что причиной отключения электроэнергии, вероятнее всего, стал порыв питающего кабеля, который идет к нам от подстанции, расположенной на территории рудника «Северного». Там уже неделю копаются водопроводчики, вот они, наверняка, и рванули кабель, – бодро доложил Скибкин.

– А в каком месте рванули, выяснил?

– Никак нет. Схемы электроснабжения отсутствуют, а водопроводчики утверждают, что никакого кабеля не видели и в чертежах, по которым они работают, кабель не указан.

– И что ты предлагаешь делать дальше? Скоро время обеда, сухим пайком больше не отделаемся.

Следует заметить, что утреннюю забастовку удалось остановить только после раздачи всем лечасьимся сухих пайков из рыбных консервов и хлеба с маслом. А главное – в состав

пайка включили по пачке грузинского чая. Это решение временно успокоило толпу. Бригады, занятые на строительстве фабрики, погрузились в автобусы и отправились на работу. Еще раньше отбыл автобус с бригадой на ТЗБ. На базе и так кормили неплохо. И с цифирем никаких проблем не было. Вот только швейный цех простаивал, без электричества машинки не работали. Для работников швейки объявили «парко-хозяйственный день». Заняли их на уборке цеха и прилегающей территории.

– Ну так что будем делать с обедом? – повторно спросил Уваров Скибкина.

– Я все предусмотрел, – как всегда бодро доложил зам по производству, – в течение часа придут две полевые кухни. Я договорился с командиром воинской части, что базируется на 45-м километре. И направил бригаду алкашей в лес – на заготовку дров для полевых кухонь.

– Но это все временные меры, что предпринимается для восстановления постоянного электроснабжения? – продолжал давить начальник.

– Еще одна бригада лечащихся в данный момент занимается шурфовкой кабеля вдоль нашего периметра. Ищем место порыва.

Тут послышался стук в дверь, и в кабинет заглянул начальник охраны капитан Павленко.

– Разрешите войти, товарищ подполковник, – обратился

он к Уварову.

– Входи, только не говори, что еще какое-то ЧП случилось. На сегодня и так уже достаточно.

– Никак нет, Павел Сергеевич. Пока все спокойно. Вот только несколько лечащихся копают траншею вдоль ограждения периметра. А за старшего у них Сеня Залет. Утверждает, что они выполняют распоряжение зама по производству, – начальник охраны вопросительно посмотрел на Скибкина.

– Ну да, это я распорядился. Место порыва кабеля они разыскивают, – нервно ответил зам. – А в чем, собственно, проблема?

– Просто уточнить хотел. Мало ли, может, алкаши вконец оборзели и решили подкоп устроить, – объяснил капитан Павленко и добавил, обращаясь к Уварову: – Разрешите идти, товарищ подполковник.

– Иди, конечно, – ответил Павел Сергеевич, а после того, как за капитаном закрылась дверь, строго взглянул на Скибкина.

– А другого «бригадира» нельзя было подобрать? За этим Залетом за самим глаз да глаз нужен, а ты на него руководство бригадой возложил. Не боишься, что он чего-нибудь отчебучит?

– Павел Сергеевич, уверяю вас, никаких проблем не возникнет. Я этого Сеню так прижучил, что он лишний раз вздохнуть без моего разрешения побоится. А что его за стар-

шего поставил, так ведь, кроме него, никто понятия не имеет, какой кабель надо искать. Залет ведь какой ни есть, а специалист, – объяснил шефу Скибкин.

А между тем бригада под руководством Сени Залета уже прокопала вдоль забора десятиметровую траншею шириной в метр и на глубину полтора метра. Копать Сеня велел вплотную к забору. В одном месте Залет распорядился прорыть под ограждением небольшой лаз. Караульный на вышке ничего не заметил, поскольку подкоп был сделан прямо под вышкой. Так как никакого кабеля не нашли, траншею засыпали, а лаз накрыли ветками и замаскировали дерном. Подполковнику Скибкину Сеня доложил, что кабель, наверное, «делает петлю» и проходит где-то в другом месте. Точнее определить может только энергетик Синицын.

Как и обещал Скибкин, ровно в полдень, с военной точностью, на территорию ЛТП въехал грузовик ЗИЛ-131, доставивший две полевые кухни. Первая, которая поменьше размером и на один варочный котел, стояла в кузове. А вторая, более габаритная и на два котла, прибыла на своих колесах, прицепом. Зам по производству лично руководил разгрузкой кухонь. С той, которая ехала прицепом, проблем не возникло, ее отцепили от фаркопа и тут же, не теряя ни минуты, запустили в работу. А вот со второй пришлось повозиться. Собственных грузоподъемных механизмов в ЛТП не было,

поэтому Скибкин принял решение – спускать кухню с кузова по доскам. Но оказалось, что найти на территории профилактория доски достаточной длины не так просто. После безуспешных поисков зам по производству распорядился оторвать несколько досок от ограждения периметра. Когда трое лечащихся стали ломami взламывать забор, конвойный на ближайшей вышке сообщил об этом по радиии дежурному, а тот поставил в известность начальника охраны. Капитан Павленко сорвался с места, как ошпаренный, за пару минут добежал до точки, где алкаши ломали ограждение, и, чередуя свою пламенную речь редкими цензурными словами, в основном междометиями, потребовал прекратить безобразие. Лечащиеся ему ответили, что выполняют распоряжение зама по производству. А тут и подполковник Скибкин подрулил, собственной персоной. И подтвердил, что это он распорядился отрывать доски. И обещал, что после выгрузки полевой кухни ограждение будет восстановлено в лучшем виде. Начальнику охраны ничего не оставалось, как смириться с этим безобразием. Он только велел конвойному не отходить от образовавшегося в заборе проема до тех пор, пока ограждение не будет восстановлено.

Настил из четырех шестиметровых досок казался вполне прочным, вот только одного Скибкин не учел – доски много лет стояли, неокрашенные, под открытым небом и только снаружи казались крепкими, а внутри оказались трухлявыми и изъеденными личинками жуков-короедов. Как только

лечащиеся выкатили полевою кухню на настил, доски подломились, и кухня рухнула с полутораметровой высоты на бетонную площадку. При этом у нее лопнула ось и отвалились оба колеса. В добавок ко всему один из лечащихся, выгружавших кухню, проявил нерасторопность и был придавлен котлом к бетонному покрытию. Позже выяснилось, что у него два перелома и трещина тазовых костей.

Когда котел приподняли и установили на «козлики», а мужика с переломами отправили в медчасть, Скибкин осмотрел полевою кухню и остался весьма доволен увиденным:

– Котел в полном порядке, никаких повреждений, только ось заменить да колеса на место поставить, – удовлетворенно заявил подполковник.

А один из лечащихся, занятых на выгрузке кухни, резонно заметил:

– Это надо Ваську благодарить. Он на свою жопу удар принял, потому котел и уцелел.

На этот раз начальник ЛТП не ограничился устным внушением, а объявил заместителю по производству строгий выговор за грубое нарушение техники безопасности, повлекшее тяжелую травму лечащегося. Отдельным приказом подполковнику Скибкину было поставлено на вид за превышение полномочий при нарушении ограждения периметра.

И в очередной раз Павел Сергеевич пожалел, что не оставил открытой вакансию зама по производству.

Между тем развернутые полевые кухни временно решили проблему с питанием лечащихся. Обед, хоть и с задержкой, был приготовлен. После обеда поварам и приставленным к ним помощникам отдыхать не пришлось. Сразу приступили к приготовлению ужина. Обедали в ЛТП только лечащиеся, занятые на швейном производстве да по хозяйственной части. А это всего-то человек сто пятьдесят. А к ужину подъедут еще без малого шесть сотен со строительства фабрики и торгово-закупочной базы. Поэтому в помощь поварам направили практически всех швейников и строительную бригаду Косинкина.

Когда на землю опустились сумерки, панорама жилой зоны напоминала съемки фильма о партизанах. В топках полевых кухонь весело потрескивали и искрились горящие березовые поленья, а из труб валил густой белый дым. Вокруг котлов сутились грязные от копоти и сажи мужики – одни кололи дрова и подбрасывали их в топку, другие таскали воду в ведрах, третьи, под чутким руководством заведующего столовой Тяпы, доставляли со склада продукты. И все это действие происходило в крошечной темноте. Только горящие в топках дрова да шахтерские фонари у конвойных на вышках слегка освещали жилую зону и навевали романтическое настроение.

Ночь прошла без серьезных эксцессов. Только какие-то

злодеи, пользуясь темнотой, залезли в медчасть и похитили тридцать бутылок водки, предназначенных для лечения. Медики заметили пропажу только утром. Замначальника по оперативной работе майор Сысоев порывался организовать по горячим следам шмон, но Уваров его не поддержал, дабы не вызвать нового бунта. Да и смысла в шмоне никакого не было, никто на зоне хранить водку не станет – «горючка» уже наверняка выпита, а пустые бутылки превращены в мелкие осколки и утилизированы.

На утренней планерке с душещипательной речью выступил начмед подполковник медицинской службы Егоров. Надрывным голосом он сообщил, что водки у медиков больше не осталось и процесс лечения пациентов профилактория придется приостановить, что может вызвать у лечащихся рецидив заболевания. Начальник ЛТП резонно заметил, что начмед сам виноват. Нужно было организовать надежное хранение «препарата», а еще лучше – в конце смены сдавать водку на склад.

Стоит сказать несколько слов о способах лечения алкоголиков в лечебно-трудовых профилакториях. Главным и наиболее эффективным методом реабилитации считалась трудотерапия. Все без исключения пациенты ЛТП привлекались к общественно полезному труду. Большинство лечащихся работали на стройках народного хозяйства. Строительная отрасль постоянно испытывала потребность в рабо-

чих кадрах. Правда, в ЛТП попадали те еще «кадры», но с учетом их низкой себестоимости строительные организации охотно привлекали лечащихся к выполнению работ, не требующих высокой квалификации. Но не только строители пользовались услугами пациентов ЛТП. Работали лечащиеся на заводах и фабриках, в жилищно-коммунальных конторах, в колхозах и совхозах. Кроме того, каждый профилакторий имел собственное производство, чаще всего – швейное. Ассортимент продукции был достаточно широк – от спецодежды и средств индивидуальной защиты до военной и школьной формы.

Кроме лечения трудом, применялись и чисто медицинские процедуры. Алкоголикам кололи препараты или заставляли глотать таблетки, которые, по идее, должны были вызывать отвращение к вкусу и запаху спиртного. А потом давали выпить от 30 до 100 граммов водки. Доза спиртного определялась в зависимости от реакции организма на медицинский препарат. Самым стойким доставалось больше водки. Основным лекарственным препаратом, применяемым для лечения алкоголиков в ЛТП, имел название «антабус». Лечащиеся окрестили его «автобусом». В сочетании с водкой «автобус» вызывал приливы крови к лицу, тошноту и сильную рвоту. Стойкое отвращение к спиртным напиткам «автобус» вырабатывал только в отчетах медперсонала. Алкаши охотно участвовали в «рыгаловке», как они любовно называли эту медицинскую процедуру.

После показательного выступления начмеда начальник ЛТП не только пожурил его за плохое хранение водки, но и обещал в ближайшее время решить вопрос с поставками горячительного напитка. Тут слово попросил подполковник Скибкин:

– Павел Сергеевич, мне тоже срочно водка нужна – двадцать бутылок, – заявил зам по производству.

От такой наглости Уваров просто опешил. Но, придя в себя, уточнил:

– А тебе-то зачем? Банкет собираешься устроить? И по какому поводу?

– Какой банкет. Вояки полевые кухни не просто так предоставили. Я с командиром части пытался за деньги договориться, а он ни в какую. Только за десять бутылок водки согласился.

– А еще десять бутылок для чего?

– Так это – компенсация за ремонт сломанной кухни, – глухим голосом, почти шепотом, ответил Скибкин.

– Ты сломал, ты и водку доставай, – резонно заметил Уваров и объявил, что планерка закончена.

Как только все руководители покинули кабинет начальника, в дверь заглянул энергетик Синицын и спросил разрешения войти.

Николай только утром вернулся из поездки в областное

управление и сразу направился к начальнику с заявлением на увольнение.

Павел Сергеевич внимательно прочитал бумагу, поданную энергетиком, и после довольно продолжительной паузы спросил:

– Может, передумаешь, а я постараюсь твою аттестацию как можно быстрее продвинуть?

– Нет, я уже все решил. Пойду работать на рудник. И так столько лет впустую потерял, – ответил Сеницын.

– Только ты обязан будешь отработать еще два месяца, а я за это время постараюсь найти тебе замену.

– Это я понимаю, в заявлении так и написано.

– Ну и на этом спасибо. А сейчас срочно разберись, что у нас произошло с электричеством, и сразу мне доложи.

Николая уже посветили в ситуацию. Первым, кого он встретил на подходе к КПП, был завгар Смирнов, который в ярких красках расписал Сеницыну всю картину произошедшего за последние сутки.

Выйдя из кабинета начальника, Николай отправился прямо в «кандейк» своим «орлам». Там он застал всю троицу подопечных в полном составе. Лапоть и Чума откинулись из ШИЗО, и по этому случаю был накрыт праздничный стол, состоящий из консервов, хлеба с маслом и чифиря – остатков вчерашнего сухого пайка.

– Ну что, вредители, – начал с улыбкой Сеницын, – у кого

ключи от щитовой?

Сеня Залет протянул связку ключей и, не скрывая волнения, спросил шефа:

– Ты сдашь меня, Коля?

– Да с какой стати. Ты такой праздник устроил, дурака Скибкина наказал, а я тебя сдавать буду. Наоборот, завтра пару пачек чая принесу.

Услышав эти слова, Сеня облегченно вздохнул, а его щербатый рот растянулся в счастливой улыбке.

– Сейчас пойдем, пороемся с часик для вида в щитовой, а потом включим рубильник. А Уварову я доложу, что в ГРЩ случилось замыкание. Этой версии и вы придерживайтесь, – подвел черту энергетик, и бригада в полном составе, вооружившись инструментами, отправилась за Сеницыным. А уже через час электроснабжение ЛТП было полностью восстановлено.

Глава 4. Беспокойное хозяйство

С выходом на волю коменданта Тарасова в жилую зону вернулся привычный бардак. Уборка в бараках и местах общего пользования производилась нерегулярно и из рук вон плохо. От туалетной бумаги, занавесок и прочих элементов комфортной жизни остались одни воспоминания. Но хуже всего обстояло дело с подсобным хозяйством. При Тарасове свежая свинина и крольчатина худо-бедно, но поступали в столовую профилактория. А после его «дембеля» лечащиеся невольно оказались на постной диете. Вроде бы и свиная и кроличья фермы работали в прежнем режиме, централизованная поставка кормов и молодняка не прекращалась, а отдача от подсобного хозяйства приближалась к полному нулю. Зав столовой Тяпа жаловался начальнику ЛТП, что в последнее время от собственного производства поступают только обглоданные кости да свиные рыла. А крольчатина совсем исчезла из рациона лечащихся.

При назначении Уварова на должность начальника ЛТП генерал Кравченко поставил ему задачу – в течение года добиться полного самообеспечения вверенного Павлу Сергеевичу заведения свежими мясопродуктами. Для достижения этой цели рядом с двумя действующими фермами развернули строительство еще одного свинарника. Работы выполня-

лись силами бригады Косинкина.

После увольнения техника Дымова Илья Антонович потерял всякую надежду на сокращение срока лечения. И трудовой энтузиазм его заметно поугас. Уваров это заметил и пообещал Косинкину, что отпустит его на волю, как только будет построен новый хозблок. Этот «стимул» не сильно вдохновил Илью Антоновича. С такими темпами, как сейчас, дай бог достроить свинарник к концу срока лечения. Начальник позволил ему набрать в бригаду дополнительно столько людей, сколько необходимо, чтобы выполнить задачу в кратчайшие сроки. Но толку от этого было мало. Чем больше становилась численность бригады, тем ниже опускалась выработка на одного рабочего. А в результате снижалась зарплата, и в глазах членов бригады виноват в этом был исключительно Косинкин. Каменщик Любшин, чье слово имело среди рабочих значительный вес, ностальгически вспоминал:

– Вот при Дымове мы нормально заколачивали. Меньше «пятеры» за смену не получали. А с этим ушлепком Косинкиным и по «трояку» не выходит.

И ладно бы все ограничивалось разговорами. Но уже дважды за последний месяц подчиненные устраивали Илье Антоновичу «темную» – прижмут ночью к лицу подушку и давай колотить его по почкам. Один раз так избили, что он три дня в медчасти под капельницей провалялся. Уваров пытался добиться от него – кто участвовал в избиении, но Косинкин упорно твердил, что случайно оступился и упал с лесов.

Тем не менее строительство нового свинарника мало-помалу продвигалось, а вот действующее подсобное хозяйство дышало на ладан.

Чтобы установить причины резкого снижения эффективности производства мясопродуктов, начальник ЛТП издал приказ о проведении инвентаризации подсобного производства, для чего была создана специальная комиссия.

Руководство комиссией Павел Сергеевич возложил на подполковника Скибкина. В состав комиссии также вошли: начальник квартирно-эксплуатационной службы старший лейтенант Слободян, заведующий столовой Тяпа и бухгалтер Скворцова.

Зиночка Скворцова работала в ЛТП второй месяц. В профилакторий ее устроил папа, который занимал должность начальника бульдозерного участка на руднике «Северном». Зиночка окончила школу в 1987-м. Пыталась поступить в институт на экономический факультет, но провалила экзамены. Чтобы зря не терять целый год до повторного поступления в вуз, родители устроили её на бухгалтерские курсы. А когда Зиночка и на следующий год провалила вступительные экзамены в институт, её отец договорился с Уваровым, чтобы она поработала в ЛТП, набралась опыта. Устроить на рудник папа ее не мог, там предъявлялись серьезные требования и к образованию, и к опыту работы сотрудников. А

руководители ЛТП часто обращались к начальнику бульдозерного участка за техникой. То экскаватор потребуется, то автокран, то грейдер. Одним словом, отказать Зиначкиному папе Павел Сергеевич никак не мог.

Тем более что одна свободная вакансия бухгалтера в штатном расписании ЛТП имелаcь.

Комиссия приступила к работе на следующий день после выхода приказа о ее назначении. Подполковник Скибкин выступил перед членами комиссии с пламенной речью, в которой сделал акцент на особой важности их миссии. Настроил, так сказать, на боевой лад. После вводного инструктажа, комиссия в полном составе выдвинулась в сторону свинофермы.

Впереди широкой, стремительной походкой шагал Скибкин. За ним, едва поспевая, семенил зав столовой Тяпа. А Слободян и Скворцова даже не пытались угнаться за подполковником, а потому заметно поотстали от лидера. Старлей на ходу нашептывал что-то веселое Зиначке на ушко. Девушка пыталась сохранять серьезное выражение лица, для чего закатывала к небу глазки, надувала покрытые румянцем щеки, но удержаться от приступов смеха у нее не получалось. Хохотала она так громко, что обращала на себя внимание Скибкина, который каждый раз оборачивался и бросал на Зиначку и Слободяна испепеляющий взгляд.

Когда члены комиссии в полном составе собрались у сви-

нофермы, их взорам представилась следующая картина.

Перед входом в хлев на пустых ящиках сидели свинари Хромой и Потный (в миру – Хромов и Потапов) и жарили на выложенном из кирпича очаге свиную вырезку с грибами. Рядом с большой чугунной сковородой, в которой шкворчала аппетитная жареха, на железной решетке, уложенной на кирпичи, в поллитровых алюминиевых кружках кипел чифирь. А чуть в сторонке между двумя березками была натянута тонкая бельевая веревка, на которой сушились грибы.

Погода в это утро выдалась на славу. На голубом небе не наблюдалось ни единого облачка. И на широких, ярко-красных в белую крапинку, грибных шляпках отражались слепящими бликами солнечные лучики.

Подсобное хозяйство ЛТП располагалось за пределами закрытой зоны, и лечась, которые занимались уходом за свиньями и кроликами, разрешался свободный выход за периметр.

За фермой раскинулся широкий пустырь с порослью молодых деревьев, преимущественно березок и осинок. В народе это место окрестили Погорелый лес. Хотя о том, что здесь когда-то росли высокие деревья, напоминали только большие трухлявые пни, торчащие то тут, то там среди густых серебристо-зеленых мхов. Погорелый лес славился изобилием грибов и ягод. И в сезон привлекал к себе большое внимание любителей тихой охоты. Люди ехали сюда на сбор дикорастущих даров природы не только из Торфяновки, но из Камен-

ногорска и даже из соседних районов. Грибы в Погорелом лесу росли самые разные, но грибники предпочитали боровики, подосиновики, подберезовики и волнушки, отказываясь от многочисленных опят, маслят, моховиков и прочих, вполне съедобных, видов. Ягоды были обильно представлены морошкой, черникой, голубикой, брусникой и клюквой.

С наступлением сезона сотрудники ЛТП, в свободное от службы и работы время, занимались заготовкой грибов и ягод, а вот у лечащихся такая возможность отсутствовала. Кроме тех из них, кто имел право выхода за зону. Таковых насчитывалось совсем немного – это работники, занятые в подсобном хозяйстве, и строительная бригада Косинкина. Но у строителей вечно не хватало свободного времени. За их работой неусыпно следил лично начальник ЛТП. Павел Сергеевич по нескольку раз в день навещался на строительство свинарника, и любая самовольная отлучка с места работы могла привести к попаданию в ШИЗО с дальнейшим переводом на швейку. К тому же строители работали сдельно, и их зарплата зависела от выработки.

А вот свинари и кролиководы сидели на окладах и времени на сбор грибов и ягод у них было предостаточно.

При появлении комиссии свинари даже не дернулись с места, только одарили прибывшее начальство взглядами, в которых читался немой вопрос: «И какого лешего вы сюда приперлись?».

Первой прервала немую сцену Зиночка:

– Мужчины, вы для чего эти грибы развесили? – задала она свинаям наивный вопрос.

Ответил ей Хромой:

– Так это мы, барышня, на зиму заготовки делаем. Супчик с сушеными грибочками будем кушать.

– Да вы что, – возмутилась девушка, – это же мухоморы. Они ж ядовитые. Выбросьте их немедленно!

– Неужто правда? – наигранно удивился Хромой. – А мы с Иваном в грибах совсем не разбираемся. Какие нашли, те и собрали. Вот спасибо тебе, милая, надоумила дураков.

Слободян и Тяпа прыснули смехом. А Скибкин грозно насупил брови и крикнул на Хромого:

– Кончай цирк устраивать, тоже мне – клоун нашелся. Олег Попов. Правильно Зина говорит. Приказываю немедленно уничтожить эту отраву. Иначе отправлю обоих на перевоспитание в ШИЗО. За заготовку галлюциногенных грибов получите по трое суток карцера, шутники хреновы. И чифирь выплесните на землю.

Громкий, командный голос подполковника отрезвляюще подействовал на свинаярей. Потный быстро развязал веревку с мухоморами и забросил их в заросли крапивы, обильно растущей на территории фермы, а Хромой аккуратно выплеснул кипящую воду из кружек, стараясь сохранить при этом заварку.

Следует заметить, что чифирь в ЛТП употребляли практически все лечащиеся. Это был целый ритуал. Сам процесс приготовления чифиря порой вызывал жаркие дискуссии. Спорили по поводу дозировки и времени настаивания. Одни утверждали, что можно немного экономнее расходовать чай, но дольше настаивать напиток. И кипятить не меньше трех раз. Другие считали, что заварку экономить нельзя. А вот кипячения достаточно одного. Полемизировали и по поводу того, стоит ли добавлять в чифирь сахар. Кто-то считал это кощунством, другие, наоборот, доказывали, что сахар усиливает эффект.

Но большинство лечащихся придерживались «золотой середины» – 50 граммов черного листового чая высыпали в пол-литровую алюминиевую кружку, заливали кипятком и настаивали примерно полчаса. Затем повторно доводили до кипения. А добавление сахара считалось делом добровольным.

Влияние чифиря на организм человека сродни мощному энергетикку – резко усиливается сердцебиение, повышается кровяное давление, и в целом ощущается прилив энергии и наступает легкое помутнение в голове.

Вот только воздействие такого зелья на сердце и центральную нервную систему ни к чему хорошему не приводит. Сердечникам и гипертоникам баловаться чифирем предельно опасно для здоровья. Да и вполне здоровых людей злоупотребление таким чайком может довести до инфаркта или ин-

сульты.

В ЛТП чифирили даже те, кому по состоянию здоровья это было категорически противопоказано.

А вот грибочками закидывались только истинные ценители, поскольку у пылких поклонников мухоморов часто «слетала кукушка» и они отправлялись на продолжение лечения в психиатрическую больницу.

Наиболее распространенным способом употребления галлюциногенных грибов являлось курение. Сушеные мухоморы растирали в мелкий порошок, смешивали с табаком, заворачивали в самокрутки и курили. Некоторые «гурманы» добавляли сушеные галлюциногенные грибы в качестве приправы в каши, омлеты и другие блюда.

Хромой и Потный сами мухоморы не употребляли, а собирали и сушили их исключительно по заказу истинных ценителей. В обмен на чай.

Подполковник Скибкин, немного понизив тон, продолжил:

– Согласно приказу начальника ЛТП мы проводим инвентаризацию подсобного производства. Показывайте ваше хозяйство.

Первым в хлев шагнул Потный, за ним – члены комиссии, а замыкающим шел Хромой.

Зиночка зажала пальцами левой руки свой носик, поскольку в помещении стоял жуткий смрад. Слободян и Тя-

па тоже прикрыли носы ладонями. Только на свинарей и зама по производству зловонное амбре никак не действовало. Скибкин окинул взглядом свинарник и велел Скворцовой посчитать хрюшек и внести данные в акт инвентаризации. Зиночка медленно пошла по грязному, тускло освещенному проходу между деревянных загонов и вслух считала, при этом продолжая одной рукой зажимать нос:

– Газ, два, тги, четыге...

Скибкин и свинари шли следом за бухгалтером, а Слободян с Тяпой, воспользовавшись моментом, выскочили на улицу – отдышаться и покурить.

Осмотрев повнимательнее поголовье, зам по производству спросил:

– А что это у вас все хрюшки такие мелкие? Сплошной молодняк. А где откормленные свиньи? Мясо должно поступать в столовую регулярно.

– Последних откормленных мы только вчера забили и сдали на склад. Они пока там, в холодильной камере, находятся, – ответил Хромой.

– Это мы проверим. А почему свиньи такие тощие – кожа да кости? – не унимался Скибкин.

– На наших харчах сильно не разжиреешь. Поросята вообще отказываются эту гадость употреблять,дохнут, а не жрут, – тяжело вздохнул Хромой.

– А чем вы их кормите? – продолжил выяснять подполковник.

– Да вон, сами поглядите в корыто, – указал Потный на деревянный лоток, обитый железом, который протянулся по обе стороны от прохода вдоль всех загонов.

В кормушке Скибкин увидел рыбы головы, хвосты, чешую и внутренности. Среди рыбных отходов иногда попадались картофельные очистки и гнилые капустные листья. Даже на вид такая еда вызывала отвращение.

– Это и есть тот «корм», который мы получаем по централизованным поставкам? – уточнил зам по производству.

– Да, вот это дерьмо нам из области и везут. А овощные очистки забираем в нашей столовой. Но там совсем мало отходов. Кормят-то нас не шибко жирно, – объяснил Хромой.

– Но ведь раньше свинина, хоть и с перебоями, но не реже трех дней в неделю поступала в столовую, а за последний месяц только дважды и то одни головы да ноги, – подключился к разговору вернувшийся с улицы зав столовой Тяпа.

– Так то ж при Тарасове было, – заявил Потный так, как будто это все объясняло.

Скибкин попытался выяснить у свинарей, каким образом Тарасов решал эту проблему, но вразумительного ответа не добился. Хромой и Потный, несмотря на угрозы подполковника отправить их в «шизняк», так и не раскрыли секретов бывшего коменданта. Скорее всего, они этих секретов и не ведали.

После посещения свинарника инвентаризационная ко-

миссия отправилась на расположенную рядом кроличью ферму. Свинарум Скибкин велел следовать на склад и там дожидаться членов комиссии.

Кроликоферма по размерам не уступала свинару. Ворота крольчатника оказались заперты изнутри. Подполковник Скибкин саданул несколько раз ботинком по деревянной калитке с такой силой, что проломил доску и с трудом выдернул застрявший в прорехе каблук. Через минуту калитка отворилась и в проеме появилось перепуганное конопатое лицо кролиководы Никиты Волчкова, за которым в ЛТП закрепилось погоняло Зайчик. Почему Зайчик, а не Волчок, например? Да потому, что на хищника он не тянул ни внешностью, ни характером. Рост у Зайчика был средний – метр и семьдесят пять сантиметров. Но он сильно сутулился, как будто кланялся каждому встречному. И от этого казался гораздо ниже. Редкие рыжие волосы на голове, торчащие как локаторы уши и вечно печальные серые глаза на изможденном рябом лице придавали ему вид то ли кающегося грешника, то ли просящего милостыню нищего.

Характер кролиководы вполне сочетался с его внешностью.

Зайчик был робок, пуглив и замкнут. Он и на воле предпочитал одиночество и слыл затворником. Дожив до тридцати семи лет, Никита так и не женился и не обзавелся детьми. Жил вдвоем с мамой-пенсионеркой. Работал сторожем на птицефабрике. Сутки через трое. По выходным либо отсы-

пался после смены, либо встречался с единственным приятелем Кузьмой – соседом по лестничной площадке. От Кузьмы сбежала жена с двумя детьми – не вынесла его запоев и побоев. Зайчик сблизился с соседом на почве общего увлечения, можно сказать «хобби» – оба любили испытать крепленого винца. Друзья-собутыльники предпочитали плодово-ягодные напитки типа «Солнцедар», «Агдам» или «Золотая осень». Дешево, сердито и на закуску тратиться не надо. Пара карамелек на брата – вот и весь закусон.

После возлияний Кузьма засыпал мордой в стол, а Никиту тянуло на подвиги. Не хватало ему в жизни адреналина. Зайчик отправлялся в городской парк культуры и отдыха. Там он выискивал женщину, которая сидела в одиночестве на лавочке и читала книгу либо просто дышала свежим воздухом и рассматривала окрестные пейзажи. Молодых и красивых Никита отметал напрочь. Его интересовали леди бальзаковского возраста и рубенсовского телосложения. Он подсаживался вплотную к избраннице, обнимал ее за талию и, не откладывая в долгий ящик, фразировал даму непристойными предложениями. На какую реакцию рассчитывал Зайчик, понять невозможно. Он был сильно пьян и не отдавал себе отчета в своих действиях. А на следующее утро вообще не помнил, чем занимался накануне.

Большинство дам обзывали Никиту дебилом или идиотом и старались поскорее от него удалиться. Но попадались и такие, которые словами не ограничивались. Поэтому раз за ра-

зом Зайчик просыпался наутро не только с большой головой и с горящим от крепких пощечин лицом, но и с неприятными ощущениями в области паха.

Частенько он оказывался не в своей постели, а в медвытрезвителе, поскольку после совершения очередного «подвига» мирно отсыпался на садовой скамеечке, пока не попался на глаза милиционеру наряды, патрулирующему территорию парка.

Регулярные ночевки в казенной гостинице не прошли для Никиты бесследно. После шестого кряду посещения вытрезвителя дело Зайчика в упрощенном порядке рассмотрел районный суд. И отправился наш Казанова на два года в Каменногорский лечебно-трудовой профилакторий.

Но каким образом Никита оказался в должности кролиководы, ведь всю жизнь он прожил в городе и понятия не имел, как надо ухаживать за кроликами?

Все дело в том, что подобрать желающих возиться с кроликами, как и со свиньями, было непросто. Свиноарии и кролиководы относились к низшей касте. По аналогии с индийской кастовой иерархией их можно смело отнести к «неприкасаемым». А все из-за зловонных «ароматов», которыми насквозь пропитывалась не только их роба, но и все тело. И никакая баня не спасала от этого «амбре».

Свиноарии и кроликовод жили в хлеву, отведенном для молодняка. В этот закуток, общей площадью 18 квадратных метров, подвели центральное отопление, чтобы в зимний пе-

риод не заморозить поросят, и водопровод, чтобы поить животных и поддерживать в свинарнике относительную чистоту. От основной фермы его отделили кирпичной перегородкой и утепленной дверью. Здесь же оборудовали трехъярусные нары в качестве спальных мест для свиноматок и кролиководов. И в этом же помещении обустроили примитивную душевую кабинку. Закрепили под потолком металлическую бочку, к которой приварили стальной патрубок с душевым распылителем. На патрубок установили вентиль, чтобы перекрывать воду. Кроме того, в емкость врезали электрический ТЭН. Наполнил бочку водой, включил ТЭН в розетку, нагрел до нужной температуры и мойся себе на здоровье.

Обустройством «поросятника» руководил комендант Тарасов с разрешения полковника Мищенко.

Однако подобрать желающих жить в таком «люксе» и ухаживать за свиньями и кроликами было нелегко. Но на зоне не зря считали Тарасова знатоком человеческих душ. Он приметил троих лечащихся, которых чморили все кому не лень, и предложил им спокойную, уединенную работу и проживание подальше от тех, кто над ними издевался. А еще комендант разъяснил им, какими важными преимуществами обладают работники подсобного хозяйства. Во-первых, это свободная жизнь за пределами зоны, а во-вторых, всегда на столе свежие мясoproдукты.

Вот так Хромой и Потный стали свиноматками, а Зайчик – кролиководом. Тарасов, по мере возможности, опекал их и

не давал в обиду. Даже дополнительные банные дни специально для них устраивал. И организовал доставку еды со столовой прямо на ферму. Уход коменданта стал для свинаярей и кролиководов настоящей трагедией. В столовой над ними издевались, про баню вообще пришлось забыть.

И тогда закрылись наши герои еще больше. В столовую ходить перестали. С разрешения начальника ЛТП они получали по норме продукты со склада. И сами себе готовили еду. Да еще заготовкой грибков-мухоморчиков занялись и меняли их на чай. Так что все у них наладилось. А вот в столовой с мясопродуктами стало совсем неважно.

Когда Скибкин разъяснил Зайчику цель визита комиссии, Никита отступил в сторону и пропустил всех в помещение.

Внутри перед членами комиссии открылась следующая картина:

Рядом с входом из пустых кроличьих клеток была обустроена импровизированная кухня. На одной клетке стояла электрическая плитка, где в большой алюминиевой кастрюле кипело какое-то варево из крольчатины, приправленной грибами и листьями брусники с редкими недозревшими ягодками. На второй клетке стояла литровая алюминиевая кастрюлька с парующим чифирем. Под потолком на крюках из стальной проволоки висело восемь кроличьих шкурок, «распятых» на Х-образных крестах из березовых веток.

Скибкин схватил кастрюлю с кипящим чифирем и вы-

плеснул содержимое на пол. Члены комиссии и кроликовод с изумлением наблюдали за подполковником. Неужели он вообще не чувствует боли от ожогов? Железный человек. А Скибкин плюнул себе на кончики пальцев и направился по проходу, с двух сторон которого расположились кроличьи клетки. Только они были пусты. Все до единой.

– Зина, а сколько кроликов числится по бухгалтерским документам? – спросил подполковник.

– Сто сорок четыре, – ответила Зиночка, предварительно заглянув в папку с документами.

– И где они? – спросил Скибкин кроликоведа тоном средневекового инквизитора, пытающего еретика перед отправкой на костер.

Вконец перепуганный Зайчик дрожащим голосом стал объяснять, что в клетках кролики часто болеют идохнут, поэтому он выпустил их на свободу, благо в крольчатнике земляные полы и кролики быстро прорыли норы и живут себе в подземелье, как в дикой природе. А корм он разбрасывает им прямо на пол. Члены комиссии уже успели заметить, что на полу то здесь, то там лежат охапки травы, а рядом с ними можно увидеть в земле норки.

Вдруг, в подтверждение слов Зайчика, из одной норки появились длинные кроличьи уши. Никита схватил за них незадачливого зверька, вытащил его на белый свет и со

счастливой улыбкой заявил:

– Вот – первый, можете записать.

Тут же он отпустил кролика, и тот ускользнул в норку. Через минуту серые уши появились из другой норы, и Зайчик снова ловко схватил и вытащил грызуна.

– А это второй! – бодро доложил кроликовод.

– Да это вроде бы тот же самый, – усомнился Слободян.

– Нет, у первого, кажется, белое пятно на лбу было, а этот весь серый, – заметил Тяпа.

– Все, с меня довольно этого цирка. Там клоуны, тут фокусник – Игорь Кио, понимаешь ли. Если завтра же все кролики не будут сидеть по клеткам, отправишься ты, милоч, на трое суток в ШИЗО, – подвел черту Скибкин, сверля глазами оторопевшего от страха Зайчика.

После посещения крольчатника комиссия направила свои стопы в сторону склада, расположенного, как и ферма, за пределами зоны, ближе к КПП.

Завскладом Сардор Мамедов встретил гостей у центрального входа. Он стоял с закрытыми глазами, повернув лицо

к яркому солнцу, – принимал солнечные ванны, пользуясь такой редкой для здешних мест ясной и теплой погодой.

Мамедов работал завскладом в ЛТП уже три с лишним года. А до этого здесь же год лечился от наркомании. На самом деле никаким наркоманом Сардор себя никогда не считал. Ну курил травку, да кто ж ее в Узбекистане не курит. Это на Северах каннабис считается наркотиком, а в Средней Азии его даже младенцам дают, вместо соски – чтобы лучше спали.

Зачем Мамедов приехал из жаркого Узбекистана в холодное Заполярье, объясняется легко. За «длинным рублем», конечно. Хотел за несколько лет заработать денег, построить на родине большой дом, жениться и завести кучу детей.

Строго по шариату.

Но мечты мечтами, а реальная жизнь внесла свои коррективы.

Поначалу все у него складывалось вполне благополучно. Устроился Сардор кладовщиком на Каменногорскую торгово-закупочную базу. Получил место в общежитии. Живи и радуйся, зарабатывай «полярки» и копи денежку.

И посылки с родины получай.

Посылки приходили регулярно. И в каждой, среди прочего, хорошо замаскированные сушеные листья каннабиса.

Сардор, в полном соответствии с традициями восточного гостеприимства, делился содержимым посылок с соседями по общежитию и с коллегами на работе.

Не жалел для хороших людей и травки.

На том и погорел.

Кто-то настучал на узбека в органы.

Мамедова взяли под локотки и сопроводили в СИЗО.

От тюрьмы Сардора спасло только то, что он делился каннабисом бескорыстно, по-братски, и денег за травку не брал.

Следователь, который вел его дело, проявил к незадачливому узбеку сочувствие и предложил добровольно сдать имеющуюся марихуану, после чего снял обвинения в хранении и распространении наркотических средств. Оставил только потребление.

А это уже не уголовная, а административная статья.

Дело следователь передал в суд.

На суде судья спросила Мамедова, как часто он «потребляет» каннабис, на что наивный узбек честно ответил: «Каждый день».

И был осужден на год принудительного лечения в ЛТП.

Полковник Мищенко сразу взял Сардора на заметку. Узбек не пил водку, даже чифирем не баловался, а главное – отличался от других лечащихся честностью и исполнительностью. Учитывая, что Мамедов имел опыт работы на базе, начальник ЛТП назначил его кладовщиком.

После истечения срока лечения Сардор хотел вернуться на ТЗБ, но получил отказ. И вообще на работу его больше никто не брал. Кому нужен наркоман. Да еще после ЛТП.

Возвращаться на родину без копейки в кармане, да с таким позорным пятном в трудовой книжке, Мамедов никак не мог.

Вот и обратился он к полковнику Мищенко. А тот его не только взял на работу, но и поставил на должность заведующего складом.

И комнату в общежитии предоставил.

Так и осел Сардор в ЛТП. И хотя зарплата у него была совсем небольшая, он умудрялся с каждой получки откладывать денежку, чтобы когда-нибудь все же осуществить свою голубую мечту.

Как только члены комиссии приблизились к складу, к ним примкнули Хромой и Потный. Пока Скибкин и компания посещали крольчатник, свинари успели забодяжить и принять на грудь по кружке чифиря, а кроме того, достали из крапивы и повесили между березками вязанку с мухоморами.

А потом быстренько нагнали комиссию.

Зам по производству объяснил Мамедову, с какой целью они прибыли на склад, и Сардор проводил всех присутствующих к морозильной камере, в которой хранились свиные туши.

Когда завскладом распахнул дверцы морозилки, наступила немая сцена.

Первым прервал паузу Скибкин:

– Это что за хрень такая? – строго спросил подполковник

Мамедова.

– Это – свиньи, которых вчера сдали на склад Хромов и Потапов.

– Какие же это свиньи? Ты где таких свиней видел? – перешел на повышенный тон Скибкин.

– Товарищ начальник, я принимаю на склад то, что мне приносят. Сам я свинину не ем. У меня на родине свиней никто не держит. Вот в баранине я разбираюсь, а по свиньям все вопросы задавайте им, – спокойно ответил завскладом и указал пальцем на свинарей, которые тщетно пытались скрыться за спинами членов комиссии.

Тут не сдержался Слободян и заржал гомерическим смехом.

Скибкин посмотрел на старлея уничтожающим взглядом и велел ему заткнуться.

Зиночка долго и внимательно рассматривала содержимое морозильника, после чего с детской непосредственностью спросила:

– А в чем, собственно, дело? По вчерашним накладным на склад поступило – «свинья – 2 штуки». Все сходится.

Подполковник не стал ей ничего объяснять, а просто схватил за шиворот Хромого, вытащил его из-за широкой спины Слободяна и подтолкнул к морозильной камере.

– Второй раз спрашиваю – это что за хрень? – заорал

Скибкин.

– Это две свиньи, которых мы вчера забили и сдали на склад.

На полу морозильника лежали на полиэтиленовой пленке две свиные туши невиданной «породы». К головам животных плотно прилегали задницы, а под ними торчали ноги. Задние вплотную к передним. Туловище у хрюшек напрочь отсутствовало.

– Если это свиньи, то я – Папа Римский! – продолжал, срывая голос, орать зам по производству.

А Хромой, сохраняя полное спокойствие, разъяснил собравшимся:

– А чему тут удивляться. Кормим всякой дрянью, вот и выросло черт-те что.

Скибкин не сдержался и вlepил свинарю подзатыльник, после чего плюнул через левое плечо, словно хотел защитить себя от нечистой силы, и, не сказав больше ни слова, рванул в сторону КПП.

Остальные члены комиссии отправились за ним.

А Хромой и Потный поспешили к свинарнику, чтобы поскорее принять по кружке чифирия для снятия стресса.

На следующее утро в кабинете начальника ЛТП состоялось совещание по подведению итогов инвентаризации. Докладывал Скибкин.

Он подробно обрисовал плачевную ситуацию, сложившуюся в подсобном хозяйстве, а в заключение своего доклада предложил «закрыть эту лавочку к чертовой матери».

Однако Уваров решил иначе:

– Согласен с выводами комиссии о том, что с кролиководством надо заканчивать. Сплошные убытки. А вот свиноводство следует, наоборот, расширять. Перед нами стоит сложная задача – за год перейти на полное самообеспечение свежими мясопродуктами. Поэтому кроликоферму нужно срочно переоборудовать под свинарник и закупить дополнительно поросят. Кролиководца Волчкова перевести в свинари.

– А с кормами что будем делать? – поинтересовался за столовой.

– Я уже звонил в областное управление, там обещали разобраться с поставщиками. Они должны поставлять рыбную муку, а не чешую с хвостами, – ответил Уваров и добавил: – не понимаю, почему полковник Мищенко эту проблему не высвечивал.

– А потому, что Тарасов сам все вопросы решал. В том числе и с кормом для свиней, – заметил начальник КЭС Слободян. – Да и что это за корм – рыбная мука. Такая же дрянь, только измельченная. От такого корма свинина тухлой рыбой воняет.

– При Тарасове подсобное производство тоже приносило убытки. Хотя, надо признать, в столовую свинина поступала

регулярно. Следует разобраться, где комендант брал корма и на каких условиях. И еще необходимо срочно назначить ответственных за подсобное хозяйство, а то эти свинари без должного надзора так и будут «рожки да ножки» на склад сдавать, – подвел черту начальник ЛТП.

Когда члены инвентаризационной комиссии покинули кабинет, Павел Сергеевич вдруг вспомнил, как при первом посещении гаража завгар Смирнов говорил, что водитель Сергей ежедневно ездит на «буханке» в Торфяновку – за кормом для свиней. Уваров тут же отправился в гараж, где застал водителей Сергея и Михаила за привычным делом – они сидели в автобусе и резались в карты. А Иван Зимин ремонтировал «ГАЗ-53». «Наездники», – снова вспомнил подполковник, но читать нотации молодым водителям не стал, а только спросил Сергея:

– Где ты грузился кормом для свиней и что этот корм собой представлял?

– Я только баранку крутил. Всеми делами заправлял Тарасов. А грузились мы в Торфяновке – в школе и в двух детсадиках. Груз в закрытых бидонах был, но судя по всему – это пищевые отходы из столовых. После того как Тарасов «откинулся», я больше ни разу туда не ездил, – ответил Сергей.

«Вот оно что, – прикинул Уваров, – комендант получал отходы со столовых в школе и детских садиках. А отходов там много, не то, что в ЛТП. Наши лечащиеся и таракана оближут, а то и сожрут, если тот в суп попадет».

На следующий день Уваров посетил школу и два детсада в Торфяновке и пообщался с директором и заведующими.

Картина полностью прояснилась. Никаких договоров в письменной форме Тарасов, естественно, не заключал.

Все решалось «по-джентльменски». Комендант получал пищевые отходы в обмен на свежую свинину. Обмен производился по принципу – два сорокалитровых бидона отходов на килограмм мяса. А еще Тарасов менял свинину на чай. За kilo мяса он получал пять стограммовых пачек грузинского чая.

Вот такой бартер.

Теперь Уварову все стало ясно.

В том числе и то, почему при Тарасове подсобное хозяйство оставалось убыточным.

Павел Сергеевич припомнил по этому поводу реплику ко-та Матроскина из мультфильма «Каникулы в Простокваши-но»: «Если молоко отдавать, зачем тогда корова?».

Но полностью отказываться от наработок Тарасова начальник ЛТП не собирался. Идея-то хорошая. Только надо ее легализовать.

Уваров решил согласовать этот вопрос с областным руко-водством. Чтобы получать отходы вполне официально – по договору. И платить за них не мясом, а деньгами.

Пока Павел Сергеевич разбирался с подсобным хозяй-ством, лечащиеся и сотрудники ЛТП широко обсуждали но-

вое приключение Сени Залета.

А началось все с того, что к Семену приехала на свиданку бывшая жена. Это событие привлекло всеобщее внимание. Еще бы, ведь за пять с лишним лет лечения Сеню никто ни разу не навещал. И вдруг – на тебе, как снег на голову, занесло каким-то ветром бывшую супружницу.

На первое свидание Залета затащили чуть ли не силой его друзья – Лапоть и Чума. Убедил Сеню единственный аргумент: «Баба-то небось хавчик притаранила, что ж ей теперь – с полными сумками назад тащиться?».

Как прошла встреча и о чем говорили бывшие супруги – неизвестно.

Но вечером того же дня один из охранников на вышке поднял тревогу и Залета прихватили вертухаи, когда он вылезал из норы, прокопанной под ограждением. Подкоп находился прямо под вышкой и был хорошо замаскирован. Сения дождался, когда стемнеет, и незаметно проник в заранее подготовленный лаз. Но пробраться на другую сторону он не смог, поскольку тоннель на выходе оказался сильно заужен.

«Схалтурили, черти, выход пробили, а расширять не стали. А я, дурак, сразу не проверил», – подумал Семен и негромко окликнул:

– Валька, ты где, сучка?

– Тута я, Семушка, прямо у ямы стою, – тихо ответила Валентина.

– Давай, опускай банки по одной в дырку, только смотри,

не урони. Если разобьешь – убью, – предупредил бывшую супругу Залет.

Валентина легла животом на землю и двумя руками аккуратно подала первую трехлитровку с самогоном в лаз, но Семен не смог до нее дотянуться. Не хватило всего каких-то полметра.

– Подвинь еще немного вперед, не достаю, – шепотом командовал Сеня.

Валя, вслед за руками, в которых держала драгоценную банку, сунула голову, а затем с большим трудом протиснула в узкую яму плечи.

И застряла.

Залет подхватил банку с зельем и стал пятиться по тоннелю назад.

Валентина сообразила, что самой ей из этой ловушки не выбраться, а ждать помощи от бывшего муженька не придется, и заорала во все горло:

– Спасите!!! Помогите!!!

Караульный на вышке услышал крики и направил на голос луч прожектора.

Изумленному взору охранника представилась забавная картинка – с внешней стороны периметра рядом с ограждением из земли торчали пышная задница в широких белых панталонах и пухлые женские ноги в коричневых чулках. Юбка сползла на спину владелицы, предательски обнажив нижнее белье. Туфли дама предусмотрительно засунула

в большую хозяйственную сумку, чтобы было удобнее пробираться в темноте вдоль забора.

В этой же сумке стояла вторая трехлитровка самогона.

Женщина дрыгала ногами и орала во все горло.

Догадливый охранник перевел луч прожектора на другую сторону забора и осветил вход в подкоп, откуда как раз появились две ноги в кирзовых сапогах.

Караульный тут же радировал дежурному, и буквально через минуту к месту подкопа подбежали два вертухая и приняли Сенью с поличным – он только что выполз из норы, прижимая к груди трехлитровую банку самогона.

Банку не без труда вырвали из цепких рук Семена, а его самого тут же препроводили в штрафной изолятор. Охранники, сопровождавшие Сенью в «шизняк», рассказывали, что он всю дорогу последними словами костерил бывшую супругу и за глаза угрожал ей: «Выйду на свободу – убью суку».

После доставки Залета в карцер караульные отправились на помощь Валентине. Приблизившись к несчастной жертве, охранники не смогли удержаться от смеха, за что были тут же наказаны. Они схватили женщину за ноги и попытались тащить, но Валя, пребывая в состоянии аффекта, лягнула ногами с такой силой, что караульные отлетели на несколько метров и распластались на земле.

Когда женщину наконец-то освободили, она еще долго тряслась всем своим пышным телом и ревела белугой.

Больше Валентина не горела желанием встречаться с Се-

меном, а утром села на московский поезд и отчалила восво-
яси...

С целью преодоления выявленных в ходе инвентаризации узких мест подсобного хозяйства в срочном порядке был разработан и утвержден начальником ЛТП «План мероприятий по наращиванию производства свинины».

Ответственным за выполнение плана Уваров назначил своего заместителя по производству подполковника Скибкин. Непосредственное руководство подсобным хозяйством возложил на заведующего складом Мамедова – по совместительству, с повышением должностного оклада на 50%. Сардор пытался уклониться от столь почетной миссии, ссылаясь на свои религиозные убеждения, с которыми свиноводство ну никак не стыковалось. Но подполковник Уваров настоял на своем, утверждая, что такие убеждения только на пользу делу – Мамедов наверняка не станет воровать свинину для личного потребления.

Решение вопросов, связанных с подсобным хозяйством, временно отвлекло внимание начальника ЛТП от главной медицинской проблемы – отсутствия водки. Поначалу Уваров не придавал этому серьезного значения – мало ли чего требует начмед, сам профукал «лекарство», а теперь жалуется. Подождет немного, ничего не случится. А лечашимся даже лучше – отдохнут от неприятной процедуры.

Но, как оказалось, Павел Сергеевич глубоко заблуждался.

Не прошло и недели с той памятной ночи, когда по халатности медперсонала исчезли тридцать бутылок водки, как случилось новое ЧП.

Полтора десятка лечащихся, пришедшие на плановую «рыгаловку» в процедурный кабинет медчасти, в очередной раз получили отлуп от дежурной медсестры:

– Чего вы сюда ходите каждый вечер. Вам же не раз было сказано – водки нет, когда поступит – вас сразу пригласят на процедуры.

– Ты на нас не ори, мы люди больные, нам положено лечение, – спокойно заметил один из пациентов. А другой добавил:

– Пока не привезут водку, мы отсюда не уйдем и тебя не выпустим. Звони начальству.

После этих слов лечащиеся забаррикадировали обе входные двери медчасти и все окна первого этажа шкафами, кушетками и стульями.

Медсестра позвонила дежурному по ЛТП и, перемежая нецензурные слова бурными рыданиями, сообщила о происшествии, после чего была заперта в тесной кладовке, где хранились медикаменты. Это помещение протестующие выбрали не случайно – только в нем напрочь отсутствовали окна, а единственная глухая дверь закрывалась на ключ.

Для полного исключения побега заложницы перед дверью установили пост из двух лечащихся.

Инцидент в медчасти начался примерно в 19 часов. Единственным представителем руководящего состава, который в это время находился на рабочем месте, оказался замначальника ЛТП по оперативной работе майор Сысоев. Он часто допоздна засиживался на службе и корпел над бумагами, поскольку спешить ему все равно было некуда и не к кому.

Николай Данилович Сысоев служил в Каменногорском ЛТП седьмой год. А должность главного опера занимал около трех лет. Звезд с неба не хватал, но и серьезных проколов по службе не допускал.

Сысоев никогда не был женат и не имел детей. Жил былым в однокомнатной квартире в поселке Торфяновка. В связях с женщинами замечен не был.

От слова – совсем.

Частично это объяснялось внешностью Николая Даниловича, которая, безусловно, повлияла на формирование характера. Сысоев имел очень маленький рост – всего 152 сантиметра. Но это еще не беда. У него с рождения были выпученные глаза. Настолько, что к нему приклеилась кличка Рыбий Глаз. Кроме того, он всю жизнь заикался. А за годы службы в ЛТП Николай Данилович сильно расплнел. До такой степени, что коллеги и лечащиеся за глаза стали его называть Лупоглазый Колобок. Единственным верным другом Сысоева стал майор Алексеев, с которым он проводил практически все выходные. Сблизила друзей фанатичная страсть

к рыбалке. Они даже отпуска брали в одно время – со второй половины сентября, когда начинался нерест сига.

Свои служебные обязанности майор Сысоев выполнял в строгом соответствии с должностными инструкциями и другими нормативными и руководящими документами. Никакая сила не могла заставить Николая Даниловича отступить от буквы закона и письменных распоряжений и предписаний вышестоящего начальства. За такой педантизм майора Сысоева ценили в областном управлении и считали одним из лучших руководителей оперативных служб и отделов. Письменные отчеты и доклады Николая Даниловича регулярно приводились в качестве образца для подражания всем оперативным работникам исправительно-трудовых учреждений области.

Когда Сысоев получил сигнал от дежурного о ЧП в медчасти, он сразу же сообразил, что ситуация непростая и, если попытаться разругать ее собственными силами и средствами, можно наломать дров. Захват заложника – это вам не шутка. Тут следует действовать в строгом соответствии с инструкцией. А инструкция предписывала – с «террористами» в переговоры не вступать и немедленно уведомить вышестоящее начальство. Николай Данилович набрал номер пансионата «Горный», в котором проживал начальник ЛТП. Но администратор ответила майору, что Павла Сергеевича в настоящий момент в пансионате нет – он отправился в кино

вместе с официанткой Натальей.

«Чертов бабник, ему бы только по девочкам шастать», – с возмущением подумал Сысоев, после чего набрал номер дежурного по областному управлению исполнения наказаний и сообщил о «террористическом акте с захватом заложника» в Каменногорском ЛТП.

Через несколько минут о ЧП было поставлено в известность все руководство областного УИН, в том числе и генерал Кравченко. Параллельно информация о «теракте» поступила к руководителям областного КГБ и УВД.

Еще через час на бетонную площадку перед КПП профилактория опустился вертолет, из которого высадилась группа спецназовцев. Первым делом они оцепили плотным кольцом медчасть, а на здании общежития и на смотровых вышках расположились снайперы. Лечащимся, которые находились на территории жилой зоны, поступил строгий приказ – сидеть в общежитии и не высовываться.

Так называемые «террористы» с удивлением и нескрываемым испугом наблюдали в окна медчасти за действиями бойцов спецназа. До них наконец-то дошло, что дело пахнет керосином, и они выбросили в одно из окон второго этажа «белый флаг». На переговоры с ними вышел командир спецподразделения с мегафоном и потребовал немедленно выпустить заложницу и сдаться, иначе будет открыт огонь на поражение. Через пару минут в дверях появилась заложница. Держалась она на удивление спокойно и даже попросила ко-

мандира спецназа не открывать огонь «по идиотам». Еще через пять минут из медчасти с поднятыми вверх руками стали выходить сами «террористы». Первый из них нес перед собой белую простыню, привязанную к ручке швабры. Эта сцена вызвала приступ хохота у бойцов спецназа. В подобной «контртеррористической операции» им еще не доводилось участвовать.

За то время, пока разворачивались упомянутые события, к контрольно-пропускному пункту ЛТП подъехало несколько спецавтомобилей Каменногорского отдела внутренних дел. Милиционеры затолкали «террористов» в «воронки» и уехали. Следом за ними погрузились в вертолет и отбыли к месту базирования бойцы спецназа.

Павел Сергеевич возвращался в пансионат за полночь в отличном настроении. Сегодня впервые Наташа согласилась пойти с ним в кино. Уваров при покупке билетов выбрал последний ряд – места для поцелуев. Зрителей в зале собралось совсем немного, и те сидели в первых рядах. И к концу сеанса у подполковника на языке ощущался стойкий привкус губной помады. А руки помнили каждый изгиб божественного тела возлюбленной.

А ведь еще несколько часов назад он о таком счастье мог только мечтать.

Прошло без малого три месяца с того памятного дня, ко-

гда Уваров впервые увидел красавицу Наталью и как мальчишка влюбился с первого взгляда. К каким только уловкам не прибегал Павел Сергеевич, чтобы обратить на себя внимание девушки. Огромные чаевые, которые он каждый раз оставлял официантке, – не в счет. Уваров пытался поразить Наталью искрометным юмором и энциклопедическими знаниями. Но на девушку это не производило никакого впечатления. Тогда Павел Сергеевич решил удивить ее своими талантами.

По выходным дням в ресторане пансионата играла живая музыка. Два преподавателя Каменногорской музыкальной школы наигрывали на аккордеоне и скрипке классические и популярные эстрадные мелодии. Иногда, по заказу гостей, в дело шла гитара и один из музыкантов набирал аккорды, а второй исполнял песни Высоцкого, Розенбаума, Визбора и других мастеров авторской песни.

Правда, как они ни старались, выходило, мягко говоря, – не очень. Гитарист из аккордеониста был никудышный, а вокалист из скрипача и того хуже.

Но посетители ресторана делали вид, что не замечают фальши, поскольку выбора у них все равно не было, а выпивать и закусывать под живую музыку гораздо приятнее, чем под низкокачественные магнитофонные записи.

В межсезонье, да еще в рабочие дни, заполняемость ре-

сторана находилась на очень низком уровне, и в такие смены в зале дежурила одна из двух штатных официанток – по графику. А по выходным дням, когда заполняемость зала резко возрастала, гостей обслуживали обе девушки.

Павел Сергеевич ужинал в ресторане пансионата только в смены Натальи. Но ее коллега, Светлана, хорошо знала Уварова и, в некоторой степени, находилась с ним в стоворе. Павел Сергеевич открыл девушке свою сердечную тайну и, стимулируя ее небольшими презентами типа коробки шоколадных конфет или бутылки «Советского шампанского», ловко привлек Свету на свою сторону. Светлана в присутствии Натальи всячески расхваливала подполковника: «Он такой щедрый, такой умный, такой веселый».

На что Наташа неизменно замечала: «Он такой старый».

Подруга этот аргумент отметала напрочь: «Какой же он старый? Мужчина в самом расцвете сил. Да и разница в возрасте у вас всего ничего – каких-то 16 лет. Обычное дело».

Но Наталья оставалась непреклонной и все ухаживания Уварова игнорировала. Вот только от щедрых чаевых никогда не отказывалась и каждый раз, когда получала сверх счета троячок, а то и пятерочку, одаривала Павла Сергеевича белозубой улыбкой и нежным голоском ворковала неизменное «мерси».

В один из субботних вечеров, когда в ресторане наблюдался аншлаг и в зале работали обе официантки, Уваров по-

дошел к музыкантам и заявил, что хочет спеть песню, а их попросил аккомпанировать. Музыканты не раз получали от Павла Сергеевича щедрое вознаграждение и поэтому охотно согласились.

Уваров объявил, что посвящает песню любимой девушке, и запел хорошо поставленным баритоном.

В ресторане установилась мертвая тишина. Посетители как по команде оторвались от тарелок и бокалов и все внимание сосредоточили на исполнителе.

В этот момент в зале присутствовала одна официантка – Светлана. Она побежала на кухню и буквально силой притащила Наталью.

А Павел Сергеевич пел:

«Почему ж ты мне не встретилась,
юная, нежная,
в те года мои далекие,
в те года вешние?»

Голова стала белою,
что с ней я подедаю?

Почему же ты мне встретилась
лишь сейчас?..»

Уваров пел настолько проникновенно, что практически все женщины, присутствующие в зале, пустили слезу. А официантка Света, то ли от нахлынувших чувств, то ли чтобы

подыграть вокалисту и растопить каменное сердце подруги, воткнулась лицом в плечо Натальи и рыдала, оставляя на форменной блузке коллеги мокрые пятна.

Когда Павел Сергеевич допел песню до конца, зал взорвался восторженными аплодисментами и криками: «Браво!!! Бис!!!».

Только одна Наталья сохраняла спокойствие и равнодушно взирала на происходящее вокруг безумие. Даже горькие слезы подруги не произвели на нее никакого впечатления. Она довольно грубо отстранила от себя Светлану и ушла на кухню.

А Уварову посыпались просьбы от гостей спеть еще. Некоторые посетители совали ему в карман купюры в пять, а то и в десять рублей, с просьбой исполнить песню для «юбиляра Владлена Даниловича» или для «любимой жены Виктории».

Павел Сергеевич от денег отказывался, но ушлые музыканты с радостью принимали купюры в раскрытый футляр от скрипки и умоляли Уварова не отклонять просьбы щедрых гостей.

И подполковник уступил. Не потому, что его уговорили, и вовсе не за деньги. Просто – накипело. Сердце, терзаемое безответной любовью, нуждалось в разрядке.

Он взял в руки гитару и до самого закрытия ресторана не покидал сцену, исполняя песни, которые заказывали посетители.

Музыканты пытались подыгрывать Павлу Сергеевичу на

аккордеоне и скрипке, дабы их не посчитали халявщиками и дармоедами.

Но аккомпанемент только снижал эффект от великолепного вокала и профессиональных гитарных переборов.

Настоящий фурор вызвала песня Высоцкого «Белое безмолвие», которую Уваров пел с характерной хрипотцой, немного подражая Владимиру Семеновичу:

«...Север, воля, надежда, страна без границ.
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключет глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья».

Но самое яркое впечатление на слушателей произвела песня «Почему ты замужем». Павел Сергеевич поставил к стене гитару, взял в руки аккордеон, и зал ресторана наполнился знакомой многим мелодией, но в такой аранжировке, которая никого из присутствующих не оставила равнодушным. Уваров сам услышал это исполнение всего год назад. Один знакомый подарил ему на день рождения кассету Михаила Гулько...

Сердца северян забились учащенно, когда Павел Сергеевич душевно и в то же время все громче и громче, с надрывом связок, выводил под переливы аккордеона:

«Ты здесь прочно осела:
радиола, уют.
Я ж подался на Север,

где норд-осты поют.
Там олень бродит замшевый,
сопки в белом снегу...
Почему же ты замужем?
Почему?

Этот город построен
здесь в таежном краю.
Сосны высятся стройные,
как солдаты в строю.
Это был наш экзамен
сквозь метель и пургу...
Почему же ты замужем?
Не пойму, почему?»

Песню несколько раз заказывали на бис.

Один из музыкантов в паузе шепнул своему коллеге:

– За одну песню мы уже получили больше денег, чем зарабатываем в ресторане за месяц.

Когда в очередной раз Павел Сергеевич, до предела напрягая свои голосовые связки, надрывно пел: «Это был наш экзамен сквозь метель и пургу», – ему подпевали практически все присутствующие в зале, в том числе – работники пансионата, столпившиеся у входа в ресторан.

Только Наталья по-прежнему равнодушно наблюдала за происходящим и даже пожаловалась бармену:

– Пока этот артист заливаётся соловьем, посетители почти ничего не заказывают – только его слушают. А наши дежежки уплывают музыкантам. Надо прекращать эту самодеятельность.

Все попытки очаровать красавицу Наталью так ни к чему и не привели. Светлана как-то в сердцах бросила подруге:

– Какая же ты, Наташка, черствая и бесчувственная. Мужик извелся весь от любви, а ты на него ноль внимания, фунт презрения. Эх, почему он в меня не втюрился, я б такой шанс не упустила.

– Так в чем дело, кто тебе мешает его очаровывать. Вперед и с песнями.

– Дура, он же тебя любит, на других даже не смотрит, – убеждала подругу Светлана.

– А что толку от его любви? Песенки я и по радио могу послушать, – подвела черту непробиваемая Наталья.

Шло время. Павел Сергеевич страдал от неразделенной любви, но растопить ледяное сердце избранницы ему никак не удавалось.

И вот в один из воскресных вечеров, когда Уваров ужинал в ресторане пансионата, он стал невольным свидетелем диалога Натальи и Светланы. Павел Сергеевич вышел в туалет, а на обратном пути заметил официанток, которые стояли за колонной, расположенной в холле пансионата, и о чем-то

взволнованно беседовали. Точнее, говорила Наталья, а Светлана только слушала подругу, лишь иногда вставляя короткие реплики.

Уваров не смог пройти мимо, поскольку впервые увидел свою возлюбленную настолько возбужденной. Павел Сергеевич встал по другую сторону колонны так, чтобы оставаться незаметным для девушек, но слышать, о чем они говорят. Первое, что уловил его слух, был вопрос, который задала Наташа Свете:

– Ты помнишь то вечернее платье, в котором я была 8 марта на концерте во Дворце культуры?

– Зеленое?

– Да – изумрудного цвета, с люрексом. Я вчера зашла в ювелирный на проспекте Кирова, а там на витрине лежит чудный гарнитурчик – сережки и перстенок из белого золота с изумрудами. Просто мечта. С моим платьем – полная гармония.

– Но это же очень дорого.

– Очень. Все бы за них отдала...

Дальше Уваров слушать не стал из страха быть обнаруженным.

А наутро дождался открытия ювелирного магазина и попросил продавщицу отложить кольцо и сережки с изумрудами до вечера. Денег для покупки драгоценных украшений у Уварова не хватало. Он едва набрал половину необходимой суммы.

«Придется у кого-то занимать», – прикинул подполковник.

Первым, кто зашел к нему в кабинет, как только он прибыл в ЛТП, оказался майор Алексеев. Но задать свои вопросы начальнику замполит не успел. Павел Сергеевич его опередил:

– Слушай, Владимир Игнатьевич, ты не можешь занять мне на пару месяцев 800 рублей?

Майор от неожиданности впал в ступор, но спустя несколько секунд взял себя в руки и ответил:

– Конечно могу. Только мне нужно снять деньги с книжки. Мы с женой на новый телевизор копили, но пару месяцев и старый посмотрим.

Уваров вскочил из-за стола и обнял замполита:

– Спасибо, друг, выручил.

От такого проявления чувств у Алексеева побежали слезы по щекам.

Вечером Павел Сергеевич выкупил кольцо и сережки и отправился прямо в ресторан пансионата «Горный». На ужин он заказал фирменное блюдо из оленины и яблочный сок. А когда Наталья, призывно виляя крутыми бедрами, принесла счет и, в ожидании оплаты и чаевых, слегка прильнула роскошным станом к спинке стула, на котором сидел подполковник, Уваров вручил ей пять рублей за ужин и красную бархатную коробочку в форме сердечка.

– А это вам, Наташенька, небольшой презент, от чистого сердца.

Официантка с равнодушным выражением лица взяла из рук подполковника коробочку, открыла ее...

Дальше события развивались стремительно. Наталья расплылась в белоснежной улыбке, бросилась Уварову на колени, в порыве страсти заключила его в объятия и расцеловала. После чего нежно проворковала:

– Пашенька, дорогой, проси чего хочешь!

А Павел Сергеевич вытащил из внутреннего кармана кителя два билета и скромно предложил:

– Пойдем сегодня в кино, на последний сеанс.

– Хорошо, – ответила красотка, – только Светке позвоню, чтоб меня подменила.

Когда Уваров вошел в холл пансионата, его окликнула дежурный администратор:

– Павел Сергеевич, вам тут срочное сообщение. Вас просили позвонить на домашний телефон генералу Кравченко. Сказали – в любое время, как только вернетесь.

Уваров набрал номер. Ответил генерал. Павел Сергеевич даже не успел поздороваться, как на него обрушилась лавина генеральского гнева:

– Подполковник, ты что там за богадельню развел? Сам где-то прохлаждаешься, а во вверенном тебе учреждении черт-те что творится. Надеюсь, тебе уже доложили о сего-

дняшнем ЧП?

Впервые за 18 лет службы в одном управлении генерал назвал Уварова только по званию – без имени и даже без фамилии.

– Никак нет, товарищ генерал, я совершенно не в курсе, – доложил Павел Сергеевич.

– А ты в последнее время постоянно «не в курсе». Что с тобой творится, Паша? Ты же не только сам подставляешься, но и все управление в пропасть тащишь. До меня тут слухи доходят, что у тебя очередная амурная история. Погубят тебя бабы, ох погубят, – сделал вывод Кравченко и добавил: – даю тебе времени до 10 часов утра. Разберись и доложи о принятых мерах.

Генерал бросил трубку, а Уваров подумал: «Вот так всегда, только почувствуешь себя счастливым, тут же все настроение испортят».

Не дожидаясь утра, Павел Сергеевич позвонил дежурному по ЛТП, который подробно рассказал начальнику о случившемся накануне. Не забыл упомянуть дежурный и о том, что первым, кому он доложил о ЧП, был майор Сысоев.

Утром Уваров вызвал к себе в кабинет всех своих замов, а также начальника охраны и начальников отрядов.

– Ну докладывайте, кто из вас в какое время узнал о вчерашнем инциденте и какие принял меры? – спросил начальник ЛТП и пристально посмотрел на майора Сысоева.

Но Николай Данилович уставился в потолок, на котором

сидела большая зеленая муха, и сделал вид, что не замечает обращенного на него начальственного взгляда.

Первым доложил подполковник Скибкин:

– Мне сообщили о ЧП в 21-30. В 21-50 я прибыл в ЛТП, но к тому времени все уже закончилось.

– Понятно. Кто еще желает что-то сообщить? – спросил Уваров и снова пристально посмотрел на зама по оперативной работе.

Но Сысоев продолжал рассматривать муху на потолке и делать вид, что не понимает, к кому обращается шеф.

Встал начмед Егоров и, как всегда пространно, рассказал о событиях в медчасти. И о героическом поведении дежурной медсестры. В заключение он подчеркнул, что первопричиной всего явилось отсутствие водки. И если срочно не решить эту проблему, инциденты, подобные вчерашнему, непременно будут повторяться.

На это заявление Павел Сергеевич заметил:

– По-вашему выходит, Андрей Викторович, что водка является неким «успокоительным» средством для лечащихся. А ведь она должна вызывать у них отвращение? Или я чего-то не понимаю?

Егоров никак не отреагировал на слова начальника ЛТП, только нервно передернул плечами.

После начмеда встал майор Алексеев и сообщил, что они с женой вчера допоздна засиделись у тещи и о происшествии он узнал только сегодня утром, по прибытии на службу.

После доклада замполита наступила пауза, и теперь уже все взоры обратились на майора Сысоева, а Уваров задал прямой вопрос:

– А где находился в момент инцидента наш главный оперативник?

Сысоев с тяжелым вздохом поднялся со стула и изложил свою версию вчерашних событий:

– О ЧП мне доложил дежурный в 19-05. Я работал в своем кабинете, готовил отчет о профилактике правонарушений среди лечащихся. Первым делом набрал номер пансионата «Горный», но вас, Павел Сергеевич, там не оказалось. Я решил немного выждать и связаться с вами позже, но тут позвонил дежурный по областному управлению и сообщил, что к нам направлен отряд спецназовцев и чтобы до их прибытия мы никаких действий не предпринимали.

– А кто доложил в областное управление? – уточнил Уваров.

Сысоев замялся, но ответил:

– Я не знаю. Возможно, дежурный по ЛТП.

Тут вставил свое слово начальник охраны капитан Павленко:

– Я беседовал с дежурным, он божится, что оповестил только зама по оперативной работе.

Лицо майора Сысоева стало пунцовым, а лоб покрылся обильным потом.

– Мне все ясно, – подвел черту начальник ЛТП, – а врать,

Николай Данилович, нехорошо. Тем более своему непосредственному руководителю и коллегам по службе.

Главный оперативник вытер пот рукавом кителя и заявил:
– Я действовал в полном соответствии с инструкциями и распоряжениями вышестоящего начальства. Если что-то нарушил – можете меня наказывать.

– Ну что вы, Николай Данилович, вас не наказать, а наградить следует. За проявленное мужество и героизм в борьбе с «международным терроризмом», – язвительно заметил Уваров, чем вызвал улыбки на лицах всех присутствующих, кроме Сысоева, Алексеева и Скибкина. Замполит не мог себе позволить насмеяться над другом. А зам по производству просто не понял юмора и уточнил:

– А почему «международного», Павел Сергеевич?

На что Уваров ответил:

– Потому что там целый «интернационал» собрался. И русские, и украинцы, и белорусы. А еще казах, татарин и латыш. Кстати, майор Сысоев, вы в курсе, что светит этим «террористам»?

– Статья 126 пункт 1 Уголовного кодекса «Захват заложников» – до 10 лет, – пробубнил под нос зам по оперативной работе.

– Все знает. Педант. А вы, Николай Данилович, сегодня ночью хорошо спали? Ничто вас не мучило? – задал последний вопрос начальник ЛТП, но ответа так и не услышал.

Ровно в 10-00 Павел Сергеевич позвонил генералу Кравченко и доложил, что последствия вчерашнего ЧП устранены, виновные наказаны, меры по недопущению в дальнейшем подобных инцидентов приняты.

– А с водкой что решил? – уточнил генерал.

– Завтра встречаюсь с директором Каменногорской торгово-закупочной базы, надеюсь закрыть этот вопрос.

– Ну-ну, попробайся. Это серьезная проблема. Не только у тебя. По всей стране волна забастовок в ЛТП прокатилась. И главное требование протестующих – обеспечить бесперебойную поставку водки. Вот только одного я не пойму – что это за лечение такое. Это как страдающих от ожирения пичкать пирожками да тортиками, пока их тошнить не начнет, – заметил генерал и добавил: – но это так – лирическое отступление. А вопрос с водкой надо решать. На централизованные поставки никакой надежды нет. Лимиты постоянно снижаются... Да, Паша, хотел с тобой обсудить еще один вопрос. Мой зам по оперативной работе ходатайствует о поощрении майора Сысоева «за строгое следование руководящим документам и инструкциям в условиях сложной оперативной обстановки». Ты как считаешь?

– А о каком поощрении идет речь, товарищ генерал? – уточнил Уваров.

– О переводе майора Сысоева для дальнейшего прохождения службы в одну из колоний строгого режима с присвоением ему очередного звания – подполковник.

– Я двумя руками «за». Сысоев опытный и грамотный оперативник, а у нас не тот масштаб оперативной работы, – ответил Павел Сергеевич, не скрывая радости.

Следующее утро Уваров начал с аудиенции у директора ТЗБ. Клавдия Петровна встретила его, как всегда, любезно и даже по-приятельски, но подполковник снова, как и в первую их встречу, почти физически ощутил, как на его шею сжимаются холеные пальцы с очень дорогим маникюром.

Выглядела Климова на все сто, а точнее – на миллион. В этот раз она облачилась в брючный костюм рубинового цвета и элегантную розовую блузку. На ногах сверкали рубиновые туфли на высоких шпильках. К созданию этих шикарных вещей, очевидно, приложили руку лучшие модельные дома Европы. Пальцы рук директрисы были унижены золотыми перстнями, а мочки ушей оттягивали два огромных рубина в золотом обрамлении.

«Если подкараулить эту дамочку в темном переулке и снять с нее побрякушки, можно после этого всю оставшуюся жизнь прожить, не заботясь о хлебе насущном, где-нибудь на берегу теплого моря», – подумал Уваров.

– Что вас, Павел Сергеевич, привело ко мне в этот раз? – одарив гостя широкой белоснежной улыбкой вставной челюсти, поинтересовалась Климова.

– Серьезная проблема у нас, Клавдия Петровна: нечем стало лечить алкоголиков...

– А вы ничего не перепутали? Мы лекарственными средствами не торгуем. Это вам надо обращаться в аптечную сеть, – перебила посетителя директриса.

– В том-то и дело, что наше лекарство в аптеке не купишь. Вся надежда только на вас, – со вздохом заметил Уваров и добавил: – Лечение наших пациентов можно проиллюстрировать пословицей – «клин клином вышибают». Может, вас это удивит, но нам для лечения алкоголиков нужна водка. Много водки.

– Насколько много? – уточнила королева районной торговли.

– По шестьдесят литров в неделю.

– Да, задачка не из легких. У нас на базе лишней водки нет. В магазинах тоже. Алкоголь под строгим контролем. Продажа исключительно по талонам. А вы просите сто двадцать бутылок в неделю. Это шесть ящиков. Ничего себе у вас, Павел Сергеевич, аппетиты, – выразила недоумение Климова.

– Но я же не просто так прошу, Клавдия Петровна, все будет официально. Мы с вами заключим договор, а областное управление исполнения наказаний согласует этот вопрос с облторгом, и вы сможете осуществлять нам поставки вполне официально, – убеждал директрису Уваров.

– Все это прекрасно, только одного разрешения облторга маловато, нужно где-то добыть эту самую водку. А это в наше время сделать ой как нелегко.

«Набивает цену», – подумал начальник ЛТП, а вслух сказал:

– Ну не мне же вас учить, Клавдия Петровна, где и как добывать дефицитные товары.

Пухлые губы директрисы, густо накрашенные блестящей помадой рубинового цвета, растянулись в широкой улыбке, снова представив взору Уварова неестественно ровные белоснежные зубы:

– А вы наглеете, Павел Сергеевич. Хотя вы правы, этому учить меня не стоит. Давайте, как говорил Ги де Мопассан, перейдем ближе к телу. Мои возможности не безграничны, поэтому могу удовлетворить вашу заявку только на 50%. То есть – три ящика в неделю...

Уваров на большее и не рассчитывал. Осталось услышать, что попросит Климова в обмен за услугу.

– Но у меня к вам, любезный Павел Сергеевич, тоже имеется маленькая просьбочка. Наступает осень, а там и зима не за горами. А у нас на пике завоз плодоовощной продукции. В иные дни по 10 вагонов разгружаем. Людей катастрофически не хватает...

– Сколько? – довольно резко оборвал даму Уваров.

– Немного. Добавьте десяток человечков и ладушки. Ну как – по рукам? – спросила Клавдия Петровна и протянула подполковнику правую руку.

Павел Сергеевич на несколько секунд задумался, но поскольку запасного варианта у него все равно не было, пожал

пухлую и слегка влажную ладонь директрисы.

Оформление документов с ТЗБ заняло пару дней, а на третий Уваров отправил в Каменногорск за водкой свой «УАЗик». Сопровождение ценного груза Павел Сергеевич поручил заведующему складом Мамедову, поскольку религиозные табу Сардора распространялись не только на свинину, но и на крепкие алкогольные напитки. Когда три ящика водки были доставлены в ЛТП, начальник распорядился занести их в его кабинет.

Слухи об этом тут же облетели весь штаб.

Первым к Уварову заглянул подполковник Скибкин и попросил у шефа ящик водки, чтобы расплатиться с командиром воинской части за полевые кухни. Павел Сергеевич разрешил ему взять десять бутылок, а еще десять обещал выдать в течение месяца. Скибкин не мешкая сунул две бутылки в карманы брюк, еще две – в карманы кителя, а остальные ловко зацепил между пальцами обеих рук и молнией выскочил из кабинета, видимо опасаясь, как бы Уваров не передумал.

Не успела за замом по производству закрыться дверь, а в кабинет уже входил майор Алексеев. После того как Владимир Игнатьевич любезно предоставил шефу весьма крупный денежный заем, отношения между начальником и замполитом перешли на новый уровень. Они даже обращаться друг к другу стали по имени. Правда, только наедине – с глазу на глаз.

– Что у тебя, Володя? – спросил Уваров, когда Алексеев с мрачным выражением лица подсел к столу начальника.

– Беда у меня, Паша, – горестно произнес замполит, – у моей супруги в следующую субботу юбилей.

– Поздравляю! Какая ж это беда. Наоборот – праздник.

– Да, был бы праздник, кабы я его не испортил. Три последних месяца всю купленную по талонам водку жена складировала на балконе – готовилась к именинам. А тут мы с Сысоевым решили съездить на рыбалку – на все выходные. Выезжали в пятницу вечером. Супруга еще с работы не вернулась. Ну я и прихватил с собой весь ее стратегический запас. Какая же рыбалка на сухую. А жена теперь со мной вторую неделю не разговаривает – крепко обиделась.

– А я чем могу помочь? – спросил Уваров, хотя уже догадался, о чем пойдет речь.

– Да я краем уха слышал, что к тебе в кабинет водку занесли, может, выручишь по-братски? – закинул удочку Алексеев.

– А сколько тебе надо? – уточнил Павел Сергеевич.

– Бутылок десять будет в самый раз, – ответил замполит.

– Ладно, бери, – разрешил Уваров.

Владимир Игнатьевич вытащил из кармана кителя авоську и стал укладывать в нее бутылки.

Едва удалился майор Алексеев, как в кабинет начальника заглянула главный бухгалтер.

– Вам что-то подписать, Лариса Николаевна? – поинтере-

совался Павел Сергеевич.

– Нет, я по личному вопросу, – ответила Травкина и стыдливо замялась, даже покраснела. При этом правую руку она почему-то прятала за спиной.

«Ну вот, опять двадцать пять. Я же ей объяснял, что между нами ничего быть не может. А она снова ведет себя, как школьница, влюбленная в учителя», – возмутился про себя Уваров.

Тем временем Лариса Николаевна взяла себя в руки и тихо, почти шепотом, обратилась к начальнику:

– Павел Сергеевич, дело в том, что я затеяла ремонт в квартире... Лучше бы я этого не делала. Так все сложно оказалось, вы даже не представляете. Найти нормальных мастеров почти невозможно. И никто не хочет работать просто за деньги. На ближайшие выходные пригласила плиточников на отделку ванной и туалета, но они требуют половину договорной цены оплатить «натурой».

У Уварова от удивления расширились зрачки и слегка отвисла челюсть, но Травкина успокоила шефа:

– Нет, нет, вы меня неправильно поняли. Они хотят водку, а я все свои запасы уже потратила на сантехников и электриков.

Павел Сергеевич облегченно выдохнул и поинтересовался:

– Сколько нужно водки?

– Если можно – бутылок пять... И еще, если позволите, у

моего заместителя, Елены Григорьевны, вчера умерла мама. Нельзя ли и ей бутылочек пять – на поминки?

– Берите и передайте Елене Григорьевне мои глубокие соболезнования, – участливо ответил Уваров.

Лариса Николаевна вытащила из-за спины картонную коробку, наполнила ее бутылками и, вежливо поблагодарив начальника, удалилась.

Павел Сергеевич взглянул на ящики. Один был опустошен полностью, второй – наполовину:

«А я что, хуже всех? В конце концов, мне надо к свадьбе готовиться», – прикинул подполковник, открыл громоздкий сейф, в котором лежало несколько ничего не значащих бумажек, и поставил на нижнюю полку десять бутылок «беленькой».

Едва Уваров успел запереть сейф на ключ, в дверь тихонько постучали.

– Входите! – довольно громко произнес подполковник.

Но никто не вошел, а тихий стук повторился.

Павел Сергеевич встал из-за стола, подошел к двери и запахнул ее настежь. На пороге стояла, робко потупив взгляд, Зиночка Скворцова.

– Входите, Зина, у вас что-то случилось? – заботливо поинтересовался подполковник.

– Нет-нет, у меня все хорошо. Просто я от вас ухожу, – Зиночка заметила удивленный взгляд начальника и поняла, что сморозила глупость. – Я имела в виду – увольняюсь. Се-

годня работаю последний день. Папа устроил меня на подготовительное отделение в институт.

– Об этом мне докладывала Лариса Николаевна, да и заявление ваше я подписывал, – все еще не понимая, чего от него хотят, произнес Уваров.

А Зиночка отвела в сторону свои по-детски наивные глазки, часто заморгала длинными ресничками и наконец выдала:

– У меня сегодня «отвальная», нельзя ли попросить у вас водки?

Такого пассажи Павел Сергеевич не ожидал.

– И сколько вам нужно водки? – не скрывая удивления, поинтересовался он у девушки.

– Три бутылки, если можно, – кротко ответила Зиночка.

– А маловато не будет – полтора литра водки на пятирх? – пошутил Уваров, имея в виду сотрудниц бухгалтерии и планово-экономического отдела.

– Так к нам Костя подойдет, а еще Валера, Сергей и Вадим, – еле слышно прошептала Скворцова.

– Тогда лучше берите сразу пять. Этим мордоротам три бутылки – как слону дробина.

До начальника ЛТП доходили слухи, что у Зиночки наметился роман с Костей Слободяном, а замполит Алексеев предупредил об этом ее папу, который тут же принял решительные меры и устроил дочку на подготовительное. А то,

чего доброго, выскочит замуж, нарожает детей – какая уж тогда учеба.

А Валера, Сергей и Вадим – это начальники отрядов капитаны Сомов, Трусов и Ложечкин. Сотрудницы ЛТП называли их «наши три богатыря». И было за что. Все трое имели высокий рост – под метр девяносто, косую сажень в плечах и упитанные, розовые, как у молочных поросят, морды лица. Именно про таких писал Александр Сергеевич: «Все равны, как на подбор». На службе они были не разлей вода – куда направлялся один, туда же выдвигались остальные. А вне службы капитаны собирались у одного из них на квартире вечером в пятницу и до субботнего вечера писали «пулю». Игра, естественно, сопровождалась пьянкой. Начальники отрядов уничтожали водку, конфискованную за неделю у подопечных лечащихся. А потом до утра понедельника отсыпались. И так продолжалось уже третий месяц.

Этот «преферанс по пятницам» порядком осточертел капитанским женам, и они сговорились и поставили мужьям ультиматум – или водка и карты, или семьи. Пришлось трем товарищам срочно менять дислокацию...

Когда Зиночка, загрузившись водкой, моментально растаяла в штабном коридоре, Уваров позвонил подполковнику Егорову и предложил ему забрать у него в кабинете «лекарство», пока не поздно.

Начмед не понял, почему может быть поздно, но на вся-

кий случай поспешил выдвинуться в сторону штаба. В помощь он позвал двух санитаров и врача-психотерапевта, который работал в ЛТП по совместительству и проводил прием лечащихся два дня в неделю.

В отсутствие водки основной упор в лечении алкоголиков делался на психотерапию. Проще говоря – на гипноз.

Врач вводил алкоголика в транс и внушал ему отвращение к спиртному. Достигал ли такой метод лечения результата – трудно сказать, но большинство лечащихся, побывавших под гипнозом, утверждали, что после сеанса сильно захотелось выпить...

Тем временем Уваров спрятал два пустых ящика в шкаф, дабы не смущать начальника медицинской службы. Тут в кабинет буквально влетел зав столовой Тяпа и, не давая шефу опомниться, заявил:

– Павел Сергеевич, мне срочно необходимо флакона три водки. Жену ночью увезли в роддом, вот-вот родит, а у меня дома ни грамма спиртного. Как ребенка обмывать буду? – озадачил он начальника.

Уваров посмотрел на оставшиеся 15 бутылок, подумал, что они все равно погоды в лечении алкашей не сделают, и разрешил Тяпе взять 3 «флакона», как выразился зав столовой.

Пока начмед с помощниками неспешно приближались к штабу, кабинет начальника посетил еще один проситель. На

этот раз им оказался завгар Смирнов.

Едва Игорь заглянул в приоткрытую дверь, Уваров нервно спросил:

– А тебе сколько водки и для чего?

Завгар не растерялся и четко доложил:

– Товарищ подполковник, у нас на автобусе карбюратор накрылся медным тазом. Я нашел у одного барыги в гаражах – совсем новый, муха не сидела. Но он за деньги не отдает, только за водяру. Два пузыря требует.

– Бери, – кивнул начальник на полупустой ящик и, откинувшись в кресле, закрыл глаза.

Не прошло и трех минут после ухода завгара, как в кабинет вошел подполковник Егоров. Своих спутников начмед предусмотрительно оставил в коридоре.

– Я слышал, Павел Сергеевич, что привезли 60 бутылок. Вот думаю, может, мне, от греха подальше, сдать 50 на склад, а в медчасть пока доставить 10. На ближайшие сутки нам на процедуры хватит, а там буду по мере реализации получать со склада. А то, не ровен час, опять какие-нибудь злоумышленники водку стащат.

Уваров пристально посмотрел на начмеда, на ходу сообщая, что бы ему ответить. Но ничего толкового так и не придумал, только показал взглядом на ящик и произнес:

– Это все, что осталось. Постарайтесь растянуть на неделю. В следующую пятницу получим еще три ящика.

Егоров взглянул на жалкие остатки водки, открыл тол-

стый портфель, с которым практически не расставался, уложил в него оставшиеся десять бутылок и, не проронив больше ни слова, покинул кабинет. Санитарам и психотерапевту, ожидавшим в коридоре, начмед объявил, что в их помощи больше не нуждается, и велел им отправляться в медчасть. А после ухода помощников подполковник Егоров двумя руками прижал тяжелый кейс к груди и двинул в сторону КПП...

На следующее утро начальнику ЛТП поступил звонок от супруги начмеда. Она сообщила, что муж немного приболел и не может выйти на службу.

Павел Сергеевич, хотя и не имел медицинского образования, тут же заочно поставил Егорову точный диагноз.

Запой у начмеда продолжался ровно пять дней.

Глава 5. «Стрелять так стрелять»

Кому посчастливилось прожить в Заполярье хотя бы один год, тот прекрасно знает, что общепринятый календарь, в котором зима, весна, лето и осень последовательно сменяют друг друга, и каждое время года состоит из трех месяцев, и каждый месяц, как в сказке Маршака, выполняет определенную функцию, – это чистая условность. Да и деление суток на день и ночь – понятие весьма относительное. Когда к концу октября температура воздуха опускается до -20 по Цельсию и сугробы наметает такие, что первые этажи домов оказываются погребены под трехметровым слоем снега, а жители вынуждены копать тоннели, чтобы выбраться на свет божий, и натаптывать тропинки по хрупкому насту на уровне подоконников второго этажа, разве придет кому-то в голову назвать это время осенью. Или когда в июне вдруг поднимется пронизывающий до костей колючий арктический ветер, сорвется пурга-метель и накроет город плотным белым покрывалом, даже у самых неисправимых оптимистов возникнет вполне обоснованное сомнение, что лето уже вступило в свои права.

На Крайнем Севере зимушка-зима полновластно хозяйничает большую часть года. А трем своим «коллегам» она оставляет лишь крохи с барского стола. Если весна еще успеет отметиться таянием снега, бурными паводками и пер-

вой зелены, а осень остается в памяти благодаря ярко окрашенной листве, то лето часто проходит совсем незаметно, как будто его и вовсе не было.

Жители умеренных широт и тем более южане, впервые оказавшиеся на Крайнем Севере, непременно замечают еще одну местную особенность. Привычные для них сутки делятся на утро, день, вечер и ночь. Но только не в Заполярье. Здесь несколько месяцев длится полярный день, когда солнце ни на миг не заходит за горизонт, а только наворачивает круги по небосводу, как велогонщик на треке, – то поднимаясь выше облаков, то скользя по вершинам сопков и касаясь зеркальной глади озер и рек.

Полярный день не требует особой адаптации, а чтобы в ночное время избавиться от света, достаточно задернуть плотные темные шторы, но вот полярная ночь, когда солнце несколько месяцев прячется за горизонтом, часто приводит к депрессиям, мигреням и прочим неприятностям. И чем дольше живешь за Полярным кругом, тем сильнее давит на голову эта непроглядная тьма. Потому с давних времен один из главных праздников северян называется «Встреча солнца».

Правда, если даже повезет и первый день после долгой полярной ночи вдруг окажется ясным и безоблачным, солнышко порадует своим присутствием лишь на несколько минут. Но главное – всепобеждающий свет пробился сквозь непроглядную тьму и появилась надежда, что бесконечная зима

вскоре отступит под напором весеннего тепла. Растает снег и лед, пробьются сквозь вечную мерзлоту первые весенние цветы, а на деревьях распусться молодая листва и наступит короткое, но такое долгожданное северное лето.

Лето 1988 года ничем не отличалось от среднестатистического. В начале июня молодую зеленую травку на пару дней укрыл снежный ковер. Юные девушки, которые доверились обманчивой северной погоде и поспешили сменить зимние сапожки на летние туфельки, скакали через снежные навалы, устроенные дворниками и снегоочистительной техникой, словно горные козочки...

Когда снег окончательно растаял, зачастили холодные дожди. Лишь в редкие солнечные дни воздух прогревался чуть выше 20 градусов и самые отчаянные северяне умудрялись открыть пляжный сезон в ледяной воде местных озер и рек.

В середине августа на почве появились первые заморозки, и короткое холодное северное лето ушло в прошлое. Но в начале осени нежданно-негаданно наступило «бабье лето», и первые сентябрьские деньки выдались на удивление солнечными и теплыми. Только по утрам на пожелтевшей траве и пожелтевших листьях деревьев и кустарников появлялись отчетливые следы ночных заморозков. Пройдет всего две-три недели, и листья разноцветным ковром укроют землю, а деревья и кустарники будут стоять голыми и серыми, пока их не укутает собой мягкое снежное покрывало.

Но пока на несколько дней воцарилась настоящая золотая осень.

Первого сентября из областного управления поступило сразу несколько приказов и распоряжений.

Согласно одному из них майору Сысоеву присваивалось очередное звание. Следующий документ предписывал новоиспеченному подполковнику следовать к новому месту службы – в одну из колоний строгого режима, расположенную в Архангельской области.

Николай Данилович не скрывал расстройств. За семь лет службы в ЛТП он привык к размеренной, спокойной жизни, а на «строгаче» не забалуешь, придется вкалывать, как рабу на галерах. А еще его сильно огорчала предстоящая разлука с лучшим другом – майором Алексеевым. С кем он теперь будет рыбачить в свободное от службы время?

Но приказы вышестоящих инстанций не обсуждаются, а выполняются.

Кто-кто, а Сысоев это знал прекрасно.

Еще один приказ предписывал провести проверку стрелковой подготовки офицеров и прапорщиков, состоящих на службе в ЛТП.

Караульных из числа солдат и сержантов срочной службы это мероприятие не касалось, у них был свой план подготовки.

Для лучших стрелков областное управление установило четыре денежных приза. За первое место – 100 рублей, за второе – 75, за третье – 50, за четвертое – 25.

Место под стрельбище присмотрели в трех километрах от ЛТП, в заброшенном песчано-гравийном карьере.

На обустройство стрелкового полигона Уваров направил строительную бригаду Косинкина.

Илья Антонович в последние дни пребывал в приподнятом настроении. Дело в том, что с первого сентября на работу в ЛТП устроился техник-строитель – Андрей Страхов. С появлением нового специалиста возродилась надежда Косинкина на досрочное освобождение. Уйти по «половинке» ему не удалось. И Илья Антонович мечтал сократить срок лечения хотя бы месяца на три.

Для выполнения работ в карьере завезли необходимые материалы – брус, доску, гвозди и белую краску.

Первым делом плотники сколотили четыре деревянных щита под мишени. Их закопали вдоль высокого земляного вала. Еще один щит установили рядом с огневой позицией. На него прикрепили подробные инструкции по безопасности при проведении стрельб.

Огневую позицию обустроили из деревянных настилов.

Поскольку стрелять предстояло из пистолета Макарова в положении «стоя», настилы сделали шириной всего в один метр.

Линию огня обозначили белой краской.

Расстояние от линии огня до линии мишеней составило 20 метров.

Сами мишени заказали в Каменногорской типографии.

В назначенный день ровно в 10-00 офицеры и прапорщики построились на плацу у КПП.

Перед ними выступил подполковник Уваров:

– Товарищи офицеры и прапорщики! В соответствии с приказом начальника областного управления исполнения наказаний генерал-майора Кравченко сегодня в нашем учреждении проводится проверка огневой подготовки личного состава. Я и мои заместители проедем к стрельбищу на автомобиле. Остальным приказываю выдвинуться к месту проведения стрельб пешим строем. Возглавить колонну поручаю начальнику охраны капитану Павленко.

Павел Сергеевич сам сел за руль «УАЗика», рядом с ним место занял майор Алексеев, а на заднем сиденье расположился подполковник Скибкин.

– А где начмед? – удивленно спросил Уваров.

– Так он опять «приболел». Как новую партию водки для лечения доставили, так Егоров и пропал. Уже третий день на службе не появляется, – доложил шефу майор Алексеев.

Павел Сергеевич в нецензурных выражениях выразил свое неудовольствие начмедом, после чего попросил Скибкина пригласить к ним в машину старшего прапорщика

Травкину.

Путь к стрельбищу занял минут двадцать. «УАЗик» медленно полз по глубокой колее, пробитой тяжелыми лесовозами, и подпрыгивал на многочисленных мелких валунах, выступающих из земли. При каждом прыжке автомобиля старший прапорщик Травкина оказывалась в объятиях подполковника Скибкина. И каждый раз Лариса Николаевна вежливо приносила ему свои извинения. Происходило это случайно или нет – трудно сказать. Но Скибкин смущался и краснел, как подросток, замечая ехидные улыбки на лицах Уварова и Алексеева...

Пару раз автомобиль едва не засел в глубоких лужах. Только благодаря полному приводу и отличным ходовым характеристикам «козлик» успешно преодолел все препятствия и добрался к месту проведения стрельб.

У огневой позиции руководящий состав ЛТП встретил Косинкин. Он протянул подполковнику Уварову четыре бумажных листа. Это были мишени, на которых четко обозначились по пять маленьких круглых отверстий, отдаленно напоминающих пулевые. На каждой из мишеней корявым почерком была начертана фамилия. Павел Сергеевич в недоумении рассмотрел все четыре листка. На первом, с надписью «Уваров», все отверстия кучно легли в «десятку», на втором, подписанном «Алексеев», три отверстия пробили «десятку», а два – «девятку». Третья мишень, с фамилией «Скибкин», была продырявлена на сорок пять очков, а по-

следняя, обозначенная как «Егоров», – на сорок три.

– И как это понимать? – строго спросил начальник ЛТП Косинкина.

Илья Антонович испуганно посмотрел на замполита.

Майор Алексеев тут же разъяснил шефу ситуацию:

– Это я распорядился, товарищ подполковник. У нас каждый год стрельбы проводятся. Полковник Мищенко считал, что призовые должны распределяться между первыми руководителями, в соответствии с их должностью, иначе могут возникнуть конфликты среди офицеров и прапорщиков.

Тут в разговор вмешался Скибкин:

– А почему у меня только третий результат? Я и по званию, и по должности выше майора Алексеева. Да и стреляю я гораздо лучше. Извини, Владимир Игнатьевич, но с твоим зрением ты не то что в мишень – в слона с 20 метров не попадешь.

Однако майор Алексеев с доводами зама по производству не согласился:

– У нас в стране со времен гражданской войны вторым лицом после командира всегда считался комиссар, или нынешнему – замполит.

– Давайте прекратим этот бесполезный спор, – вмешался в перепалку своих замов Уваров и поинтересовался у Косинкина:

– А чем ты мишени продырявил?

– Так гвоздем, чем же еще? – ответил Илья Антонович.

– Да, халтура, конечно. Но нарушать традиции не будем. А призовые за второе и третье место пусть будут равные – по 62 рубля 50 копеек.

Лицо Скибкина расплылось в довольной улыбке, а майор Алексеев, наоборот, приуныл.

– И еще, вот эту мишень с фамилией начмеда – порви и изобрази такую же с фамилией «Травкина», – распорядился начальник ЛТП, обращаясь к Косинкину.

– Так я же никогда оружия в руках не держала, – подала голос Лариса Николаевна. – Полковник Мищенко меня от стрельб всегда освобождал.

– Какое это сейчас имеет значение – держали вы в руках оружие или нет? Раз попали в командный состав – будьте любезны соответствовать, – заметил Павел Сергеевич.

На этом «стрельбы» руководителей ЛТП закончились. Замполит предложил это дело отметить и достал из своего потертого рыжего портфеля бутылочку «Столичной», четыре стопарика и бутерброды с докторской колбасой. Павел Сергеевич пить не стал, сославшись на то, что он за рулем. Лариса Николаевна чисто символически пригубила

хмельной напиток – за компанию. А вот Алексеев и Скибкин быстренько опустошили поллитровку и на радостях обнялись, трижды поцеловались и поклялись друг другу в вечной дружбе.

Время шло, Уваров от скуки решил пострелять по мишеням и, к изумлению Косинкина и членов его бригады, выбил 42 из 50. Слегка захмелевшие замполит и зам по производству присели на торчащий из земли огромный валун и, обнявшись, как закадычные друзья, о чем-то тихо беседовали.

Лариса Николаевна заметила невдалеке от карьера березовую рощицу и отправилась туда по известной только ей одной надобности.

Время шло, а офицеры и прапорщики, которых Уваров отправил пешим строем, как в воду канули.

Прямой путь от ЛТП до стрельбища пролегал через Погорелый лес. Как только капитан Павленко вывел команду за территорию профилактория, относительно ровный строй рассыпался горохом. Женщины откуда-то вытащили сумки и авоськи и занялись сбором грибов. А мужики, дождавшись старлея Слободяна и двух прапорщиков из службы охраны, которые специально задержались в ЛТП, дабы прихватить заранее приготовленные запасы «горючки» и закуски, нашли небольшую полянку, покрытую мягким серебристым мхом, и устроили пикничок. Хотели даже шашлык зажарить из заранее замаринованного мяса и уже стали разводить ко-

стер, но капитан Павленко пресек эту инициативу на корню, объяснив свое решение тем, что «отцы-командиры» уже заждались их. И если они не появятся «у барьера» в ближайшее время, могут последовать оргвыводы. Томить начальство долгим ожиданием – себе дороже выйдет. Народ принял аргументы капитана стоически, и, собравшись с духом, толпа офицеров и прапорщиков направилась в сторону стрельбища. К нестройным рядам мужчин присоединились и женщины. Самые проворные прапорщицы за время привала успели набрать по целой сумке волнушек. И делились между собой рецептами засолки. Как известно, соленые волнушки – отличная закуска.

Когда чаша терпения начальника ЛТП переполнилась, из-за ближайшей сопки наконец-то показалась нестройная колонна офицеров и прапорщиков. Капитан Павленко попытался создать хоть какую-то видимость организованного отряда, но, как он ни старался, ничего у него не вышло, и к стрельбищу приблизилась ватага, чем-то напоминающая стадо баранов или отару овец.

Уваров приказал прибывшим построиться в две шеренги и сделал объявление:

– За то весьма продолжительное время, пока вы добирались к стрельбищу, командный состав ЛТП в лице начальника, замполита, зама по производству и главного бухгалте-

ра уже отстрелялся. Докладываю результаты: подполковник Уваров – 50 очков из 50; майор Алексеев – 48 из 50; подполковник Скибкин – 45; старший прапорщик Травкина – 43. Прошу приступить к стрельбе.

Первыми из прибывших стреляли прапорщики из службы охраны и с ними их начальник – капитан Павленко.

Следующими выполнили стрельбу аттестованные медработники. Никому из них приблизиться к результатам руководителей не удалось. Ближе всех оказался начальник охраны, но и он выбил только 36 очков.

Последними к барьеру подошли начальники отрядов – капитаны Сомов, Трусов и Ложечкин – и с ними начальник КЭС старший лейтенант Слободян. Офицеры отстрелялись и пошли к своим мишеням.

Ничто не предвещало сенсации, как вдруг – разорвалась бомба. Старлей Слободян посмотрел на свою мишень и радостно вскрикнул:

– Оп-пачки – 4 «десятки» и «девятка», как с куста!

Первым нервно отреагировал майор Алексеев:

– Не может этого быть. Такого вообще никогда не было.

Но Слободян уже передал подполковнику Уварову свою мишень, и результат начальника КЭС не вызывал никаких сомнений.

Однако замполит решил идти до конца и обратился к начальнику ЛТП:

– Павел Сергеевич, вы обещали, что призовые за второе

и третье место будут одинаковые.

Но Слободян никому не собирался уступать ни копейки:

– Ничего не знаю. Есть приказ генерала Кравченко. Там четко прописано, что за второе место положено вознаграждение в 75 рублей.

Пришлось вмешаться Уварову:

– Действительно, согласно приказу начальника областного УИН, второй приз составляет 75 рублей. Благодарю за службу! – Павел Сергеевич пожал руку Слободяну и вручил конверт с призовыми.

– Служу Советскому Союзу! – бодро выкрикнул старлей и шепнул стоящему рядом с ним капитану Сомову:

– Сегодня вечером бухаем...

Но награждением начальника КЭС все не закончилось. Едва Уваров вытащил следующий конверт и хотел вручить его замполиту, раздался возмущенный голос Скибкина:

– Я не признаю результат майора Алексеева. Могу на что угодно спорить, что он с десяти шагов в корову не попадет.

Реплика подполковника вызвала всеобщее веселье, а у отдельных, не вполне сдержанных товарищей – гомерический смех. Чтобы как-то сгладить ситуацию, Павел Сергеевич объявил, что третье и четвертое место разделили подполковник Скибкин и майор Алексеев и им будут вручены призовые в размере 37 рублей 50 копеек каждому.

На этом мероприятие закончилось. Руководители уехали на «УАЗике», а остальные отправились в расположение ЛТП

пешком.

За весь обратный путь майор Алексеев не проронил ни слова. Всем своим видом замполит показывал, что сильно обижен на коллег. Прежде всего – на зама по производству.

А на заднем сиденье «козлика» происходило что-то невероятное, чего еще несколько часов назад не мог предвидеть даже самый искушенный экстрасенс.

Подполковник Скибкин обнял правой рукой прапорщика Травкину и прижал ее голову к своей широкой груди. Лариса Николаевна не возражала. Более того, она сделала вид, что задремала, и, как бы во сне, повернулась так, чтобы ладонь зама по производству оказалась на ее груди.

Уваров в зеркало, расположенное в салоне автомобиля, наблюдал эту картину. Но уже без всякого злорадства.

«Похоже, скоро вместо двух однушек придется подыскивать трешку», – прикинул Павел Сергеевич.

В начале сентября произошло еще одно событие, которое вызвало общее возмущение и лечащихся, и сотрудников профилактория.

Состоялся суд над «террористами», захватившими медчасть и требовавшими водки для лечения.

Как и предполагал в свое время майор Сысоев, «пришили» несчастным статью 126.1 УК РСФСР «Захват заложников». Двум горе-преступникам, как организаторам, дали по 5 лет колонии строгого режима. Остальным – по 3 года

«строгача». Не помогло даже письменное ходатайство самой «заложницы» с просьбой отпустить бедолаг.

Как говорили древние римляне: «Dura lex, sed lex» – «Закон суров, но это закон».

После успешной проверки стрелковой подготовки лично-го состава Павел Сергеевич все реже стал появляться в своем кабинете.

Чем целыми днями занимался начальник ЛТП, не имели ни малейшего понятия даже его заместители.

Но в отсутствие Уварова настроенный им механизм работал практически без сбоев.

По договору с районным отделом народного образования подсобное хозяйство ЛТП стабильно получало пищевые отходы со столовых школ и детсадов. Причем не только из поселка Торфяновка, но и из Каменногорска. Свиньи росли как на дрожжах, и никаких сомнений в том, что через год профилакторий сможет полностью обеспечить себя свежим мясом и салом, не было.

Тем более что с приходом нового техника-строителя заметно ускорилось возведение третьего свинарника. И дело не в каких-то особых способностях Страхова. Просто теперь Косинкин был избавлен от рутинной бумажной работы и от выяснения отношений с коллективом по поводу закрытия нарядов. И Илья Антонович сосредоточился на конкретной

работе. А новый техник-строитель, без страха и упрека, занимался приписками, натаскивая среднюю зарплату рабочих до 5 рублей в смену. У Косинкина такие номера не прокатывали. Его наряды тщательно проверялись сотрудницами планово-экономического отдела. А Андрей заносил девушкам тортик или пару шоколадок к чаю и легко получал необходимые визы.

С медицинскими процедурами тоже дело наладилось. Хотя начмед периодически уходил в запой, выпить всю поступающую в медчасть водку ему одному было не под силу. А собутыльниками подполковник Егоров своевременно не обзавелся, что катастрофически сказалось на его здоровье.

Как там у Высоцкого:

«Кто водку в одиночку пьет,
тот коллектив не признает.

И страшный вред наносит организму».

После очередного запоя начмеда посетила «белочка» – белая горячка. Пришлось ему в дополнение к привычной капельнице пройти курс реабилитации у психотерапевта. Но ни традиционные методы лечения, ни гипноз не дали желаемого результата. Егоров по-прежнему регулярно уходил в запой.

А вот перебоев с «рыгаловкой» больше не наблюдалось. И волнения лечащихся, вызванные отсутствием водки, на вре-

мя поутихли.

Между тем начальник ЛТП вовсе не почивал на лаврах, а в поте лица занимался решением неотложных вопросов, связанных с его личной жизнью. Закладывал фундамент будущего семейного счастья.

После того как Уварову, благодаря подарку ценой в трехмесячное жалование, удалось-таки растопить ледяное сердце красавицы Натальи, их отношения развивались по нарастающей. Павел Сергеевич проводил с любимой все вечера напролет. Если девушка работала, он сидел в ресторане пансионата до самого закрытия, а потом провожал ее домой. А когда у Натальи выдавался свободный вечер, они ходили в кино или в ДК «Горняк» на спектакли и концерты с участием известных московских и ленинградских артистов, которые регулярно наведывались с гастролями в Каменногорск.

Но ограничиться расходами только на культурные мероприятия Уварову никак не удавалось. Красотка вытягивала из него деньги, как мощный пылесос.

То она присмотрела «офигенные» финские сапожки, то кто-то, «совсем недорого, всего за 180 рублей», предложил ей итальянские джинсы, а однажды знакомый фарцовщик уговорил ее примерить «скромную» дубленку из натуральной кожи на меху из чернобурки.

Дубленка пришлась как раз впору...

Павел Сергеевич крутился как белка в колесе, чтобы удо-

влетворить все прихоти любимой, и все больше и больше увязал в долгах, как муха в липкой паутине.

О деньгах, занятых у майора Алексеева, Уваров старался не вспоминать – отдавать все равно было нечем. А срок возврата давно миновал. Замполит однажды вежливо напомнил шефу: «Телевизор совсем плохо стал показывать, жена ругается».

На что Павел Сергеевич ответил: «Так отвези его в ремонтную мастерскую. Можешь мою машину взять».

Кроме Алексеева, под прицел Уварова попали еще несколько сотрудников ЛТП.

Подполковник Скибкин одолжил начальнику 150 рублей со словами: «Больше никак не могу. На свадьбу деньги коплю».

Подполковник Егоров расщедрился на 300 целковых. Хотел отказать, да Уваров ему намекнул, что у начмеда «вся морда в пуху» и он до сих пор не улетел с насиженного места только потому, что начальник ЛТП его не сдал с потрохами.

По «сотке» стрельнул Павел Сергеевич у Сомова, Трусова и Ложечкина, когда случайно застал их в служебное время за игрой в преферанс в Красном уголке штаба. Капитаны прикинули, что о деньгах, попавших в руки к шефу, можно навсегда забыть.

И решили снова поменять дислокацию.

Уваров понимал, что долго так продолжаться не может,

но ни в чем отказать любимой не мог.

Одна мысль утешала подполковника: «Вот распишемся, может, тогда она уgomонится».

Так часто бывает – влюбленный мужчина, если и замечает недостатки своей возлюбленной, все равно пытается убедить себя, что со временем она обязательно возьмется за ум. И, как правило, его ожидает глубокое разочарование.

Предложение руки и сердца Павел Сергеевич сделал девушке еще в конце августа. К этому событию подполковник подготовился весьма основательно. Заказал столик на двоих в ресторане «Северное сияние». От варианта с рестораном пансионата «Горный» Уваров отказался, чтобы не привлекать лишнего внимания. Вдруг Наталья не примет его предложение. В присутствии персонала пансионата это станет настоящим конфузом. Потому Павел Сергеевич и выбрал нейтральную территорию. Купил золотое обручальное кольцо с бриллиантом.

К обручальному колечку приложил кулончик с изумрудом на золотой цепочке, на которой Наталья положила глаз, как только увидела его на витрине ювелирного магазина. Кулон просто идеально гармонировал с ее сережками и перстнем, благодаря которым Уваров и добился ее расположения.

Пришлось подполковнику изыскивать новых кредиторов. И, на его счастье, «добыча» сама попала в сети.

Уваров стрельнул денег у капитана Павленко и старшего

лейтенанта Слободяна – последних из офицерского состава ЛТП, которых до сих пор ему никак не удавалось взять на мушку. А тут такая удача. Заглянул как-то Павел Сергеевич в обеденное время в кабинет начальника охраны и застал его с начальником КЭС за трапезой. И все бы ничего, но дело в том, что молодые офицеры под легкую закуску дегустировали тот самый самогон, который был конфискован у лечащихся Перова, Лысова и Матюшенко и до сих пор хранился у начальника охраны в сейфе. Горючее находилось, как и в момент изъятия, в резиновой грелке, а пили Павленко и Слободян из чайных чашек. Более того, с целью маскировки они добавляли в самогон немного чайной заварки. Это могло ввести в заблуждение кого угодно, только не Уварова. К своему счастью, капитан и старлей отделались легким испугом. Начальник вынес им устное порицание и попросил займы денег. Пришлось офицерам одолжить шефу четыреста рублей – по две сотни с носа.

Как и остальные кредиторы начальника ЛТП, они не питали особых иллюзий по поводу возврата долгов. Но, в отличие от того же майора Алексеева, Павленко и Слободян несколько не жалели о потерянных средствах, поскольку за распитие на службе конфискованного самогона могли подвергнуться гораздо более строгому наказанию, вплоть до увольнения из органов.

Невзирая на драгоценные подарки, Павел Сергеевич до последней секунды сомневался, согласится ли любимая вый-

ти за него замуж. А когда сделал предложение и вручил ей колечко и цепочку с кулончиком, с замиранием сердца ожидал окончательного приговора.

Наталья великодушно приняла предложение руки и сердца, как и драгоценности, но поставила жениху одно условие.

– Я пойду с тобой, Пашенька, в загс только после того, как у тебя появится собственная квартира. Не в пансионате же нам жить.

На балансе ЛТП находилось несколько квартир. Но все они располагались в поселке Торфяновка. А это совершенно не устраивало Наталью.

Павел Сергеевич красочно описывал невесте все преимущества загородной жизни: чистейший горный воздух; красивейшие озера и речки; лес, изобилующий грибами и ягодами. И дома в поселке все новые, современные. А какая там питьевая вода – голубая и совершенно прозрачная. Ее добывают из артезианских скважин. Не то, что мутная жидкость, которая течет из кранов в Каменногорске. Сидишь в ванне и не видишь собственных ног.

Да и квартиру можно получить сразу трехкомнатную – квадратов на 80.

Но Наталья оставалась непреклонной:

– Сам живи в этой дыре. Пусть лучше будет однушка в «хрущевке», но только в Каменногорске.

Первым делом Уваров отправился на прием к начальнику областного УИН. Генерал Кравченко встретил своего про-

теже вполне радушно. Даже слегка приобнял за плечи. Но когда Павел Сергеевич обратился к нему с просьбой помочь в решении квартирного вопроса, на честном лице генерала отразилось заметное удивление. Эту тему он обсуждал с Уваровым еще до назначения последнего начальником ЛТП. Павлу Сергеевичу предлагалось заселиться в трехкомнатную квартиру в поселке Торфяновка, которую освободил его предшественник – полковник Мищенко. Но Уваров изъявил желание обосноваться в Каменногорске, объяснив это тем, что по роду службы ему придется часто обращаться в различные инстанции, расположенные в городе. А кроме того, он не намеревался надолго задерживаться в кресле начальника ЛТП, и пускать корни в Торфяновке не имело смысла. Кравченко с пониманием принял его аргументы и предложил поселиться в пансионате «Горный», где и сам неоднократно останавливался. Как сказал генерал:

– Место шикарное – горный воздух, отличная кухня и обслуживание по высшему разряду.

Уваров охотно согласился с этими доводами.

И вот тебе на – вдруг передумал. Генералу давно доложили, что Паша водит шашни с официанткой пансионата, но зачем ему понадобилась квартира, ведь, проживая в «Горном», крутить роман даже удобнее – предмет вожделения всегда под боком.

Пришлось Павлу Сергеевичу открыться и посвятить генерала в свои планы по поводу женитьбы.

Кравченко выдержал паузу, после чего произнес:

– А ты, Паша, все хорошо взвесил? У тебя ведь дочка взрослая – почти ровесница твоей невесте.

– Я влюблен, Евгений Андреевич. Никогда раньше так не влюблялся. Я просто жить без нее не смогу.

– Ну, если ты уже все решил, то мне остается только пожелать тебе счастья. А по поводу квартиры – не вижу проблемы. Насколько мне известно, «трешка», в которой проживал Мищенко, до сих пор свободна. И с детишками не надо затягивать. Квартира просторная – всем места хватит, – весело подмигнул Кравченко.

Но Уваров веселое настроение шефа не разделил:

– Не хочет моя невеста в Торфяновке жить. Ни в какую. Как только я ее не уговаривал. Согласна на однушку, но чтобы непременно в городе.

Кравченко снова на минуту задумался, а потом заметил:

– Ну что ж, ее тоже понять можно. Дело молодое. Каменногорск хоть и небольшой, но все же город. Культур-мультикультур всякий. Заезжие артисты, кино, рестораны, магазины, наконец. А в поселке что? Один гастроном да пара ларьков. Даже захудалого клуба нет. Там на пенсии хорошо жить – рыбу ловить да грибы собирать. Вот что, Паша, мы сделаем. Получу я в областном УВД ходатайство на выделение тебе квартиры в Каменногорске на льготных условиях. А ты уж с этим документом отправишься прямо в горисполком. Там председатель – Савченко Семен Васильевич, мой земляк. Хоро-

ший мужик. Я ему предварительно позвоню. Уверен – он тебе поможет.

На этой обнадеживающей ноте Павел Сергеевич простился с генералом и направился в гостиницу. Уваров еще на пару суток задержался в областном центре, пока не получил в канцелярии УВД заветную бумагу.

По возвращении в Каменногорск Павел Сергеевич тут же записался на прием к председателю горисполкома.

Ждать ему пришлось недолго. Уже на следующий день Савченко его принял. Чиновник внимательно выслушал просьбу начальника ЛТП, почитал ходатайство, подписанное начальником областного управления внутренних дел, и обещал подумать, чем он может помочь подполковнику. Упомянул Семен Васильевич и о том, что ему звонил земляк – генерал Кравченко – и очень просил решить вопрос Уварова.

На этом аудиенция у председателя горисполкома закончилась, и Павел Сергеевич, окрыленный надеждой, что дело непременно выгорит, полетел на крыльях любви к своей возлюбленной.

В большинстве советских городов жилищный вопрос стоял весьма остро. Государство предоставляло гражданам бесплатные квартиры. И это, несомненно, было одним из весомых преимуществ социалистического строя. Вот только ожидание этого счастливого момента часто растягивалось на долгие годы, а то и десятилетия.

Каменногорск в этом отношении скорее являлся исклю-

чением из правил. Город застраивался весьма активно. При этом две крупнейшие организации – горно-обогатительный комбинат и трест «Каменногорскстрой» – обеспечивали своих работников жильем самостоятельно. А поскольку на этих предприятиях трудилась добрая половина трудоспособного населения Каменногорска, это облегчало задачу местным властям. Но все же городские квартирные очереди, даже льготные, двигались медленнее, чем очереди в ГОКе и стройтресте.

Спустя три дня Уварову позвонила секретарша председателя горисполкома и пригласила его на прием к градоначальнику.

Семен Васильевич встретил Павла Сергеевича по-приятельски, даже предложил принять по «соточке» армянского коньячку «для расширения сосудов».

Что касается квартирного вопроса, Савченко предложил Уварову «однушку» в старом фонде. Семен Васильевич честно признался, что квартирка «так себе» и требует серьезного ремонта, но подобрать что-то получше в данный момент возможности нет. Как позже узнал Павел Сергеевич, эту жилплощадь предлагали всем льготным очередникам. И все отказались, надеясь в скором времени заселиться в новую пятиэтажку улучшенной планировки, которая достраивалась по соседству с «Пентагоном», в самом благоустроенном и современном районе города.

Уваров отказываться не стал, здраво рассудив, что ремонт

для него не составит большого труда. На то есть бригада Косинкина.

В тот же день Павел Сергеевич посетил будущее семейное «гнездышко». Председатель горисполкома позвонил начальнику ЖЭУ, который эксплуатировал искомый дом, с просьбой показать начальнику ЛТП квартиру. И если Уваров даст свое согласие, на следующей неделе состоится заседание жилищной комиссии и можно будет оформлять ордер и получать ключи.

На осмотр квартиры Павел Сергеевич направился вместе с молодой невестой. Дом располагался на въезде в город, рядом со стелой «Каменногорск – город горняков».

Стандартная панельная пятиэтажка, построенная в середине 60-х. Серая и неприглядная, как большинство типовых «коробок» того времени.

У подъезда Уварова и Наталью встретил начальник ЖЭУ Савелий Макарович Ключев. Обычно в таких случаях Савелий Макарович отправлял на показ квартир кого-то из своих подчиненных. Но в этот раз он сделал исключение, разумно рассудив, что личное знакомство с начальником ЛТП совсем не помешает. Мало ли что может случиться в жизни.

Квартира располагалась на верхнем, пятом этаже. Подъем по лестнице занял достаточно много времени. И все из-за начальника ЖЭУ. Савелий Макарович обладал весьма тучным телосложением, к тому же с утра пораньше изрядно опо-

хмелился, и движение вверх ему давалось с большим трудом. Он буквально обливался потом и устраивал привалы на каждой лестничной площадке. Наталью это сильно раздражало, и она не стала тащиться вместе с мужчинами, а быстро вспорхнула на пятый этаж, вытащила из сумочки косметичку и, любуясь отражением в маленьком овальном зеркальце, принялась наводить марафет на своем милом личике – подкрасила губки, бровки и реснички, припудрила носик и подрумянила щечки.

А тем временем Павел Сергеевич, из мужской солидарности, плелся вместе с начальником ЖЭУ и рассматривал стены с отслаивающейся штукатуркой, где красовались надписи и рисунки современных неандертальцев и питекантропов, которым от далеких предков передалась неумемная страсть к наскальной живописи.

Когда подъем наконец-то закончился, Савелий Макарович еще долго рылся в своем портфеле в поисках ключей. Наконец-то входная дверь была открыта, и будущие новоселы переступили порог квартиры. Перед ними открылась следующая картина.

С потолков свисали «гирлянды» отслоившейся краски. Обои на стенах были либо ободраны, либо вздулись пузырями. Покрытие полов отсутствовало напрочь. Только местами лежали почерневшие от плесени деревянные лаги. Несколько оторванных половых досок стояли в коридоре, рядом с входной дверью. Видимо, бывшие хозяева приготовили их к

вывозу, но по какой-то причине не успели этого сделать.

Совмещенный санузел даже порадовал Уварова. В нем отсутствовало все, кроме водопроводных и канализационных стояков. Ванну, раковину и унитаз вырвали «с мясом». В стене и на полу красовались дыры от крепежа. Бывшие жильцы утащили все санприборы, даже ободрали плитку на полу. Благо, стены в санузле были покрашены водоэмульсионкой. Все внутренние дверные проемы зияли пустотой. Двери «ушли» вместе с коробками. Некоторое удивление вызвало наличие на кухне газовой плиты. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что плита находится в жутком состоянии. И даже не подключена к газопроводу. Похоже, рабочую плиту бывшие жильцы тоже «спиионерили».

– Ну, что скажете? – заискивающе спросил слегка оторопевших от увиденного претендентов на жилище начальник ЖЭУ.

– А что тут скажешь, работы много. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают, – бодро ответил Уваров.

– Вот когда руки сделают так, чтобы глаза не боялись, тогда и о свадьбе поговорим, – нервно бросила невеста подполковника и быстро покинула помещение.

Павел Сергеевич устремился за ней вдогонку, а Савелий Макарович задумчиво посмотрел им вслед и подумал: «Пропал начальник. Высосет эта красотка из него всю кровь»...

С ремонтом квартиры Уваров затягивать не стал. Как

только получил ордер, тут же озадачил техника-строителя Страхова, чтобы тот сделал все замеры и посчитал – сколько и каких материалов потребуется. Купить что-то приличное в магазинах было невозможно. И Павел Сергеевич скрепя сердце отправился на аудиенцию к директору ТЗБ.

Клавдия Петровна встретила начальника ЛТП весьма радушно, угостила отличным колумбийским кофе и внимательно выслушала его просьбу. К полному изумлению Уварова, в этот раз Климова не ставила ему никаких условий, а предложила самим выбрать на складе ТЗБ необходимые материалы, а также присмотреть нужную мебель и оплатить покупку в кассу базы. По государственным ценам. И даже без торговой наценки.

Павел Сергеевич все же уточнил, чем он сможет отблагодарить за такую услугу. На что Клавдия Петровна ответила, что достаточно одного слова: «Спасибо». И объяснила подполковнику, что одно дело – производственные отношения и совсем другое – личные. И добавила: «Мы же с вами, Павел Сергеевич, друзья, не правда ли?».

Уваров ответил утвердительно. Причем почти не покривил при этом душой...

На следующее утро на территорию базы въехал грузовик «ГАЗ-53». За рулем сидел водила Сергей, а рядом с ним – Андрей Страхов. За воротами ТЗБ их встретила невеста начальника ЛТП.

Первый склад, куда направился Андрей, для Натальи не

представлял интереса, и техник-строитель достаточно быстро подобрал всякие шпатлевки, краски, штукатурные смеси, пиломатериалы... Короче – все, что не относилось к чистой отделке.

А вот когда дело дошло до обоев и керамической плитки, тут характер девушки проявился в полной мере.

Кладовщик предложил на выбор 24 вида обоев и 18 видов плитки. Обои – финские, а плитка – итальянская. Увидеть что-то подобное в магазинах Каменногорска было невозможно. Да и в областном центре, если и появлялись в продаже обои, то отечественные, неброских расцветок и с незатейливыми рисунками и узорами. Наиболее ходовыми считались желтые – с жуткими бабочками. Таковыми была оклеена добрая половина всего квартирного фонда Каменногорска.

С плиткой было еще проще. Торговые сети предлагали покупателям всего два вида – керамическая плитка для стен и метлахская – для пола. Размер стандартный – 15*15 сантиметров. Метлахская – грязно-коричневого цвета. Керамическая – без изысков, либо белая, либо других светлых оттенков, но всегда однотонная.

Материалы, предложенные кладовщиком ТЗБ, поражали разнообразием и качественными характеристиками.

Но Наталью выбор не устроил:

– И это все, что вы можете предложить? – с нотками брезгливости спросила она служащего базы.

На что слегка опешивший кладовщик ответил:

– Такого товара вы и в Москве днем с огнем не найдете. Посмотрите, вот виниловые обои, влагостойкие, 16 различных расцветок и рисунков. А это флизелиновые, с тиснением, под покраску. А вот, обратите внимание, – моющиеся фотообои. Просто произведение искусства. А плитка вся идеальной геометрии, и однотонная, и мозаичная, и с различными рисунками. Здесь – морская тематика с парусником, летящим по волнам, и дельфинами. А это – закат солнца в горах...

– Мне эти детские рисунки и светленькие тона ни к чему, – перебила кладовщика Наталья. – Я предпочитаю стиль «модерн». У вас есть что-нибудь «модерновое», в темно-серых или черных тонах?

– Весь лучший товар – перед вами. Если хотите потемнее, могу предложить вот эти, темно-зеленые обои. Товар добротный, отечественный, – с сарказмом заявил кладовщик и развернул перед невестой Уварова рулон ужасного грязно-зеленого цвета, с черными полосками крест-накрест.

– Вы что, издеваетесь! Я буду на вас жаловаться вашему руководству! – перешла на повышенные тона Наталья.

– Да жалуйтесь сколько угодно, – раздраженно ответил кладовщик, – мне велели показать вам лучший товар – я показал. Не нравится – не берите.

Андрей Страхов, наблюдавший эту сцену, подумал: «Ну и стерва. Бедный шеф, с кем он связался»...

В конце концов, вымотав нервы и кладовщику, и подоспевшему ему на помощь заведующему складом, Наталья выбрала обои и плитку, заметив при этом:

– Тоже мне, база называется. Ничего приличного подобрать невозможно.

И продефилировала в сторону склада сантехники.

А завскладом спросил Страхова:

– Ты, что ли, будешь ремонт этой дамочке делать?

И, получив утвердительный ответ, заметил:

– Ой, не завидую я тебе, парень. Тут потребуются железные нервы.

Андрей и сам это уже понял.

Останавливаясь на том, как Наталья выбирала сантехнику, а потом и мебель, нет необходимости. Все происходило по тому же сценарию, что и при выборе обоев и плитки.

Стоит только заметить, что свое предпочтение невеста начальника ЛТП отдавала всегда самым дорогим товарам. Если сантехника, то немецкая, или, на худой конец, финская. Если мебель, то итальянская, или, в крайнем случае, югославская. В результате, даже без торговых наценок, покупка вылилась в астрономическую сумму – без малого четыре тысячи рублей.

Когда Уваров услышал эту цифру, его едва «кондратий» не хватил. Где взять такие деньжищи? Занимать у сотрудников ЛТП он больше не мог. И так практически всем был должен.

Пришлось ему расширить «охотничьи уголья».

Павел Сергеевич отправился в областное управление и «настрелял» нужную сумму у своих бывших коллег. Больше всех расщедрился генерал Кравченко. От отстегнул Уварову полторы тысячи целковых.

Даже Зиночка Окулова заняла своему несостоявшемуся любовнику сто пятьдесят рублей. Павел Сергеевич от стыда чуть сквозь землю не провалился, но деньги взял и поблагодарил девушку. А Зиночка подумала: «Эх, Паша, Паша, остался бы со мной – как сыр в масле катался бы».

Ремонт квартиры продолжался чуть больше месяца. Руководил процессом техник Страхов, а за каждым его действием строго надзирала Наталья. К концу ремонта Андрей заметил в зеркале первые седые волосы на своей голове. А его левый глаз как-то подозрительно часто стал моргать. Гораздо чаще, чем правый. По ночам ему снился один и тот же сон – как он собственными руками душил невесту шефа.

Северная осень так же скоротечна, как и северное лето. Снегопады в Заполярье нередко случаются и в июне, и даже в июле, но устойчивый снежный покров накрывает землю, как правило, во второй декаде октября. А к началу ноября зима полновластно вступает в свои права.

Осень 1988 года не стала исключением. Уже к середине октября навалило столько снега, что ни пройти, ни проехать. А в первые ноябрьские дни установились крепкие морозы.

Даже в дневные часы стрелка термометра не поднималась выше -20 .

Но никакие морозы не стали помехой для Уварова в его желании как можно скорее заключить законный брак. Расписались Павел Сергеевич и его избранница первого ноября. Свадебных торжеств закатывать не стали. Так решила Наталья:

– Еще чего не хватало, толпу дармоедов поить и кормить на халяву. Лучше на эти деньги мне шубу купим. Вон какой дубак на улице стоит. Ты же, милый, не хочешь, чтобы твоя любимая заоченела от холода? Мне знакомый фарцовщик на днях предложил примерить отличную норковую шубку. Чудо, как хороша. И будто на меня сшита.

Уваров попытался возразить:

– Но у тебя же есть новая дубленка. На норковую шубку сэкономленных денег все равно не хватит, а гости на свадьбу не с пустыми руками придут. Кто-то подарит ценный подарок, а большинство – деньги. Может, на шубку и наберется.

На что тут же получил ответ:

– Что там они подарят? Скинутся по трешке, а сожрет и выпьет каждый не меньше, чем на червонец.

В загс, кроме молодых, пришли только свидетели. Со стороны невесты – ее подруга Светлана, а со стороны жениха – майор Алексеев. После торжественной регистрации брака выпили на крыльце загса по бокалу шампанского и разошлись по своим делам.

Уваров с молодой женой отправились в собственную, све-
жеотремонтированную квартиру.

Павел Сергеевич находился в предвкушении первой брач-
ной ночи и в грезах о долгой и счастливой семейной жизни.
А Наталья мечтала о норковой шубке.

Глава 6. «Новый год к нам мчится»

Последние дни уходящего 1988 года отметились крепкими морозами. По ночам стрелка термометра опускалась ниже -30° . Да и днем не поднималась выше -25° . Хотя какой может быть день в полярную ночь? А никакой. После полудня на пару часов ночная мгла сменяется полумраком, а потом опять накатывает крошечная тьма.

В предновогодние дни природа словно замерла. При полном безветрии на безоблачном небе полновластно царил луна. Однако лунное сияние, каким бы ярким оно ни выглядело, даже усиленное мерцанием мириады звезд, не в силах заменить солнечный свет.

На 30 декабря по инициативе заместителя начальника по воспитательной работе Алексеева и главного бухгалтера Скибкиной для работников ЛТП, проживающих в поселке Торфяновка, была организована поездка в Каменногорск на спектакль ленинградской комик-труппы «Лицедеи».

Да, Лариса Николаевна теперь носила фамилию своего мужа.

Травкина и Скибкин сочетались законным браком на День милиции – 10 ноября. Свадьбу сыграли в Каменногорске, в ресторане «Северное сияние». В числе приглашенных отметились все офицеры ЛТП, а также сотрудницы бухгал-

тери и планово-экономического отдела. Погуляли на славу. Вот только начальник ЛТП заскочил в ресторан всего на несколько минут. И без молодой жены.

Новоиспеченная супруга Уварова не пожелала присутствовать на свадьбе, поскольку в этот день во Дворце культуры «Горняк» отмечался День милиции. Программа праздника состояла из торжественной части, концерта с участием московских и ленинградских звезд эстрады и, естественно, банкета. На это мероприятие собралась вся местная элита. В числе приглашенных оказались и начальник ЛТП с молодой женой. Разве могла Наталья пропустить такое важное событие? В кои-то веки ей представилась возможность блеснуть нарядами и драгоценностями, да еще среди такой уважаемой публики.

Статус супруги известного в районе руководителя не позволял Наталье работать простой официанткой. А другой, более престижной профессии у нее не нашлось. Поэтому, уволившись из ресторана, она даже не пыталась найти работу, а целыми днями крутилась у зеркала, примеряя свои многочисленные тряпочки и побрякушки. И ей не терпелось выйти в свет и предстать во всей красе перед местным бомондом.

Уваров пытался ее убедить, что свадьбу своего заместителя и главного бухгалтера он пропустить никак не может.

Но Наталья, как всегда, настояла на своем.

Прежде чем отправиться во Дворец культуры, Павел Сергеевич все же заскочил на несколько минут в ресторан, по-

здравил молодоженов, вручил им ключи от трехкомнатной квартиры в Торфяновке и спел песню «Свадьба». Приглашенный из областной филармонии ведущий, впервые услышавший вокал Уварова, настолько поразился исполнению, что в шутку обратился к присутствующим в зале:

– А почему меня не предупредили, что на свадьбе присутствует сам Муслим Магомаев? Давайте попросим его спеть еще что-нибудь!

Гости бурными аплодисментами и криками «бис» поддержали ведущего, но Павел Сергеевич сказал, что у него срочное дело, извинился и ушел...

Желающих посмотреть спектакль «Лицедеев» набрался полный автобус. Все видели по телевизору «Асисяй», «Блю канари» и другие хиты в исполнении Вячеслава Полунина и его труппы. И желали лицезреть артистов вживую.

Только один человек выражал недовольство – Иван Зимин. Ему эта поездка была совсем не по душе. Старенький «ПАЗик» дышал на ладан. Никакой гарантии, что он не сломается в пути, Иван дать не мог. Да еще на таком морозе. В салоне автобуса и так было не жарко, хотя Ваня прогревал его с раннего утра. А если движок заглохнет, как пассажиров спасти? Придется костры разжигать и ловить попутки, которые в ночное время, да в такой мороз, на трассе Каменногорск – Торфяновка встречались крайне редко.

Когда Зимин еще состоял в административно-осужден-

ных, от подобных авантюр он категорически отказывался. И никто не мог заставить Ивана подвергать риску пассажиров, даже начальник ЛТП.

Но за последние месяцы в жизни Зимина произошли разительные перемены. Ваня, по ходатайству подполковника Уварова, досрочно откинулся. Точнее – вылезился. Павел Сергеевич предложил ему остаться в ЛТП в качестве вольнонаемного водителя. Иван согласился, поскольку возвращаться ему было некуда, никто его на воле не ждал.

Уваров предложил ему комнату в общежитии, но тут подсуетилась зам главного бухгалтера Елена Григорьевна Лосева и прибрала Зимина к рукам.

Елена Григорьевна проживала в Торфяновке, в двухкомнатной квартире, которую получила от ЛТП при полковнике Мищенко. Еще три месяца тому назад совместно с Леной проживали ее мама и дочь. Но дочка закончила школу и упорхнула из семейного гнезда. Поступила в педучилище и уехала в областной центр. А старушка мать, к несчастью, тяжело заболела и вскоре померла. Осталась Елена одна-одинешенька в просторной квартире площадью 58 квадратных метров. С мужем она развелась давно – пятнадцать лет назад. Бухал он, не зная удержу. А по пьянке руки распускал. И бил не только жену, но и маленькую дочурку. Елена воспитывала дочку одна, от бывшего супруга никакой помощи не получала. Да и какая от него помощь? Спустя месяц после

развода его за пьянку вытурили с работы, а вскоре он попался на краже – пытались с собутыльником ограбить винно-водочный магазин. И отправились друзья на три года в места не столь отдаленные. Вернуться к нормальной жизни после первой ходки бывший суженный не смог. Покатился дальше по наклонной. Так и пропал где-то на зоне. Получила Елена весточку от его сокамерника – помер, мол, твой Антоха. А как и почему помер – неизвестно. То ли сам на себя руки наложил, то ли кто поспособствовал.

Все это время проживала Лена с дочуркой у своих родителей, в деревне на Вологодчине. В этой же деревне жили мать, два брата и другие родственники бывшего мужа. И во всех несчастьях Антона они обвиняли Елену.

Никакой жизни не стало.

Вот и уехала она на Север. Школьная подруга пригласила ее к себе, в Каменногорск. Попытать счастья в далеком Заполярье.

А дальше все сложилось само собой. Без прописки не берут на работу, а без работы не получишь прописку. Но есть лазейка – лечебно-трудовой профилакторий. Полковник Мищенко принял новую сотрудницу со всей душой. Образование и опыт работы Елены Григорьевны вполне устроили и начальника ЛТП, и главного бухгалтера.

На первое время Лене с дочкой предоставили комнату в общежитии. А через полтора года вручили ключи от квартиры в Торфяновке.

Вскоре пришла телеграмма от матери. Помер отец.

После его похорон Елена забрала маму к себе.

Все бы ничего, но вот личная жизнь у Елены Григорьевны никак не складывалась. Все силы и всю душевную теплоту она дарила дочери и маме. На себя совсем времени не оставалось.

И вот оказалась в полном одиночестве.

Хорошо еще, коллектив на работе подобрался дружный. Коллеги не давали замкнуться в себе. Часто приглашали в гости и сами навещали к ней.

Но чувство одиночества все равно не покидало. Хотелось простого женского счастья.

Елена Григорьевна давно присматривалась к Ивану Зимину. Серьезный мужчина. Рукастый. Рассудительный. Хоть и находился на лечении от алкоголизма, но ни разу пьяным его не видели. Когда ездили на автобусе в город, Лена всегда занимала место у передней двери – рядом с водителем. И смотрела, как профессионально он управляет машиной. Иногда они перебрасывались несколькими общими фразами, но в основном молчали. Не одобрял Иван, когда его отвлекали за рулем разговорами.

Женщины из бухгалтерии сначала с удивлением наблюдали за своей коллегой. Это ж надо – втюрилась в алкаша. Хотя, справедливости ради, пьяным Зимина никто ни разу не видел, даже за кружкой чифиря Иван замечен не был. Но ведь не случайно он в ЛТП угодил? И где гарантия, что по-

сле окончания срока лечения он не «развяжется»? И тогда – только держись.

Но на Елену Григорьевну сомнения коллег никак не влияли. Она уже приняла решение. Осталось только дожидаться, когда Зимин окажется на свободе.

А что же сам кандидат в женихи? Его мнение полностью игнорировалось?

Отнюдь нет. Он, конечно, не мог не заметить, какое внимание уделяет его персоне зам главбуха. Несколько раз в месяц Иван возил Елену на «УАЗике» начальника ЛТП в Каменногорск – по делам бухгалтерии. Главный бухгалтер специально посылала в город своего зама, хотя могла бы и сама с удовольствием съездить, по магазинам прошвырнуться. Но женская солидарность прежде всего.

В дороге Елена и Иван почти не разговаривали, лишь обменивались редкими фразами, комментируя дорожную ситуацию. Но сидели они близко друг к другу, соприкасались коленями. Ваня невольно бросал взгляды на высокую грудь спутницы, на ее стройные ножки и одухотворенное лицо. А еще – он наслаждался запахом духов, которыми пользовалась Елена Григорьевна. Что это за духи, он стеснялся спросить, но их аромат не отпускал его и после возвращения в ЛТП.

Взаимная симпатия у Лены и Ивана была, что называется, налицо. Или на лицах. Можно это назвать любовью? А кто может определить, что такое любовь? У каждого она прояв-

ляется по-своему, никаких стандартов и эталонов здесь нет.

И вот, как только административно-осужденный Иван Зимин оказался на воле, Елена Григорьевна не стала ждать подарков от судьбы и взяла инициативу в свои руки. Она предложила Ване поселиться в ее квартире на правах супруга. Он не стал раздумывать и принял предложение. Через месяц Лена и Иван официально оформили брак. И, как говорится, стали жить-поживать да добра наживать.

Счастливая семейная жизнь положительно отразилась на внешности Зимина. Лицо у Вани округлилось и приобрело здоровый цвет. Голову украсили темно-русые волосы, аккуратно постриженные под полубокс. И придела его супруга, как столичного денди. Потратила почти все свои сбережения. И теперь Ванюша красовался в новеньком, с иголочки, темно-синем костюме, в бежевом свитере ручной вязки и в шикарной дубленке с капюшоном, купленной у спекулянта-фарцовщика за бешеные деньги.

Когда к Ивану обратился майор Алексеев и велел готовить автобус для поездки в город, Зимин наотрез отказался. Но майор пошел обходным путем и подключил Елену Григорьевну, чтобы она уговорила мужа. После общения с любимой супругой Ваня «оттаял» и, ворча что-то себе под нос, потопал в гараж.

Спектакль «Лицедеев» собрал полный зал. Зрители с нетерпением ждали встречи с любимыми артистами. И

прежде всего с Вячеславом Полуниным. Но, к полному разочарованию местных театралов, весь вечер на сцене лицедействовали только два актера, не засвеченные в телевизоре, а потому – незнакомые местной публике. Парни старались как могли. И «Асисяй» изобразили, и «Блю канари» под левую фонограмму спели, но многие зрители все равно остались недовольны представлением. После окончания спектакля в толпе, выплывавшей из зала, слышались реплики:

– Развели нас на деньги, как последних болванов.

– Да, прислали каких-то стажеров вместо настоящих артистов.

– Хорошо, если стажеров. Может, это вообще реквизиторы какие-нибудь или осветители. Решили перед Новым годом «почесать» провинциалов.

Совсем другие настроения царили среди зрителей из Торфяновки. Им спектакль понравился. И артисты не вызывали отрицательных эмоций. В отличие от искушенной городской публики торфяновцев столичные гастролеры своим вниманием не баловали. Будь они хоть «стажерами», хоть «реквизиторами».

Иван Зимин весь спектакль просидел в автобусе. Чтобы не глушить двигатель. Поди потом его заведи, когда на улице -30° . Да и в салоне на таком морозе через два часа к сиденью можно примерзнуть.

На обратном пути пассажиры стали дремать. Время позд-

нее – двенадцатый час, в салоне довольно тепло. Почему бы и не покемарить.

В какой-то момент, примерно на середине пути, автобус остановился. Иван включил свет в салоне и объявил удивленным пассажирам:

– Выходите на улицу, посмотрите – какое дивное сияние на небе. Я за всю жизнь на Севере такого не видал.

Народ неохотно стал выбираться с нагретых мест на морозный воздух. Но увиденное зрелище враз заставило забыть все неудобства. Люди стояли буквально в оцепенении, никто не произнес ни слова, пока длилось это чудесное видение.

По всему горизонту небо озарялось дивными сполохами, расцветенными во все цвета радуги. Сияние приобретало самые причудливые формы – то проносилось по небосводу волнами, то вдруг взрывалось разноцветными «молниями», то поднималось до самых звезд и зависало куполом. Ошеломленные зрители, не обращая внимания на собачий холод, не могли оторвать глаз от столь поразительного зрелища. Продолжалось сияние минут сорок, потом сполохи стали затихать, все ниже и ниже опускаться к горизонту, пока совсем не исчезли.

Вторая половина дороги прошла в обсуждении увиденного природного явления. Пассажиры делились друг с другом впечатлениями. Каждый отмечал что-то свое, поразившее его до глубины души.

Новый год принято считать семейным праздником. Но у абсолютного большинства пациентов ЛТП семейная жизнь не сложилась. И вполне закономерно. У алкоголиков свои приоритеты. И семейные ценности для них – далеко не главное в жизни. Они находятся в постоянном поиске – где бы раздобыть выпивку. На это направлены их мозговая деятельность и вся энергия. Жизнь проходит под девизом: «С утра не выпил – день пропал!».

Лишь к некоторым из лечащихся на новогодние праздники приезжали родные и близкие. Среди таких счастливиц особое место занимал Илья Антонович Косинкин. К нему 30 декабря приехала целая делегация – жена, сыновья, невестки, внуки. Навезли кучу подарков, в основном гастрономических. Благодаря этому соседи Ильи Антоновича по бараку отведали и красной икорки, и свежесоленой семги, и камчатских крабов, и других деликатесов, которые и для большинства вольных граждан были недостижимой мечтой. Кроме того, по просьбе Косинкина родственники привезли два десятка стограммовых пачек индийского чая. И этот подарок, ожидаемо, у коллег Ильи Антоновича вызвал настоящий фурор. Косинкин проставлялся не просто так, а по случаю досрочного освобождения. Свилярник под Новый год успешно достроили, и начальник ЛТП, как и обещал, отпустил Илью Антоновича на волю. Пронести чай на зону не составило труда. Косинкин получил на это личное разрешение Уварова. Отвальная – дело святое. Хотя и без особого распоряжения

чай на зону поступал в огромных количествах. Некоторое смягчение режима в новогодние дни – обычное явление. Но таких послаблений, как в этот раз, не наблюдалось раньше никогда. Водку и прочие крепкие напитки, конечно, пронести не позволяли. Точнее, делали вид, что не позволяют. А на чай охрана вообще закрывала глаза. С позволения руководства, конечно. Начальник ЛТП не хотел портить праздник своим подопечным, чтобы они, ненароком, не подняли бучу.

В результате чифиря на зоне оказалось пей – хоть залейся.

Празднование продолжалось три дня – с 31 декабря по 2 января. В эти дни лечащиеся на работу не выходили. За исключением поваров и дежурных по кухне. Праздник праздником, а обед – по расписанию.

Вместе с подопечными в новогодние дни на кухне околачивался зав столовой Тяпа. Следил, чтобы продуктовая раскладка строго соответствовала нормам, установленным инструкцией областного УИН. Повара имели возможность свободно выходить за периметр, поскольку склад с продуктами находился за пределами зоны. Без должного контроля они воровали мясо и другие продукты, а потом потихому выносили за зону и сбывали работникам рудника. В обмен на чай.

С чаем в последнее время произошли странные метаморфозы. Еще пару лет назад индийский чай «Три слона» сво-

бодно лежал на полках магазинов, но потом вдруг превратился в жуткий дефицит. Да что там индийский. Вдруг, ни с того ни с сего, стал исчезать из продажи даже грузинский чай. А на смену им пришел турецкий. Еще то дерьмо. Многие граждане задавались вопросом: каким образом турецкий чай вытеснил из продажи всех своих конкурентов? А самые «осведомленные» утверждали, что тут не обошлось без коррупции. На самом верху кто-то крепко пролоббировал эти поставки. Не бескорыстно, конечно. Закупки в Индии тормознули, а грузинские чайные плантации частично забросили. Типа – нерентабельно стало собственное чайное производство. Выгоднее у турок закупить. В результате на полках магазинов появились большие желтые упаковки с надписями на турецком языке.

А по телевизору запустили навязчивый рекламный ролик, в котором молодая красивая мама-турчанка разливает чайную заварку по чашкам себе и маленькой дочке. При этом их лица озарены счастливыми улыбками. Мама, разливая чай, произносит фразу с легким восточным акцентом: «Больше заварки, меньше воды – это мене, а меньше заварки, больше воды – это тэбе!».

Большинство советских граждан замену индийского и грузинского чая на турецкий не одобрили. Вкус отвратительный, да еще в чайные листья турки подмешивали большое количество веток и чайной пыли. Похоже, что для «советских друзей» турецкие производители отправляли товар без

всякой сортировки. И так сойдет.

Однако пациенты ЛТП остались вполне довольны подменной. Чифирь из турецкого чая получался позабористее, чем из грузинского.

В канун Нового года зав столовой Макар Тяпа не столько следил за поварами, сколько бражничал в своем кабинете, расположенном в здании столовой, рядом с кухней.

Жену Макара неделю назад госпитализировали в Каменогорскую районную больницу с проблемами по женской части. Последствие тяжелых родов.

Болезнь супруги сильно расстроила Тяпу. На 30 и 31 декабря планировались грандиозные пьянки с корешами в гаражах. А тут такая незадача. Макар остался с двумя детьми – пятилетним сыном и трехмесячной дочуркой. Старшего еще можно пристроить к соседям по общеаге, а вот как быть с младшей? Ее только-только оторвали от грудного вскармливания. У матери пропало молоко, и пришлось срочно переходить на питание из молочной кухни. Попробовать и малышку втюхать соседям? А если откажутся? Да еще непременно стыдить будут. Вот незадача.

Тяпа с женой и детьми занимал в общеаге две комнаты. Вообще-то, так называемое «общежитие» ЛТП являлось, скорее, коммуналкой. В обычную 4-комнатную квартиру заселили сразу 3 семьи. В самой большой комнате, площадью 18 квадратных метров, проживала семья техника-строителя

Страхова – сам Андрей, его жена и двухлетняя дочурка. Две средние комнаты (16 и 12 м²) занимали Тяпы, а в последней, самой маленькой – всего на шести квадратах, ютился водитель Сергей с молодой женой.

Серега получил комнату без малого пять месяцев назад. И кантовался в ней один, пока не встретил ту самую, единственную на свете, любовь. Девушку действительно звали Любой. Она работала продавщицей в торфяновском гастрономе. А проживала с родителями, в Каменногорске. И каждый божий день по два часа тряслась в рейсовых автобусах по пути на работу и обратно.

Тут и нарисовался Серега. Стал провожать в конце рабочего дня на автобус, даже цветы иногда дарил. Сначала Люба его всерьез не воспринимала. Коллегам по прилавку, которые отмечали, что парень явно влюблен, она отвечала, что он ей совсем не нравится – какой-то рыжий хлыщ. Но с течением времени Любовь привыкла к неказистой внешности Сергея и даже нашла в его облике и в характере интересные черты. Короче, через три месяца после знакомства они расписались и поселились в Серегоиной комнатке. Купили большую двухспальную кровать, которая заняла 2/3 жилой площади. Шкаф для одежды и прикроватную тумбочку Сергей получил на складе ЛТП еще при вселении. Но если раньше он спал на раскладушке, не занимавшей много места, то после установки кровати открыть дверки шкафа стало невозможно. Пришлось их снять. А на тумбочку молодожены поста-

вили телевизор. Так и зажили. Питались на работе, лишь изредка заходили на общую кухню – попить чаю. На выходных ездили в Каменногорск к родителям Любы. Подкормиться.

В коммуналке молодожены появлялись поздно вечером, а уходили рано утром. По вечерам всегда приходили вместе. Сергей поджидал жену в магазине, пока у нее смена закончится. Заходили, снимали верхнюю одежду и обувь в прихожей, открывали дверь в комнатку, прыгали на кровать и включали телевизор. Так и жили – не тужили...

Оставить детей с Сергеем и Любой не представлялось возможным. Во-первых, они еще сами толком не вышли из детского возраста, а во-вторых, в предпраздничные дни магазины работали с повышенной нагрузкой и Любе приходилось задерживаться на работе допоздна. А верный Серега находился при ней – сидел в подсобке и поджидал любимую супругу. Часто помогал продавщицам таскать товары из подсобки в торговый зал. За что получал от них гостинцы – то печенюку, то конфетку, а иногда и бутылочку пивка. Так и коротал время в ожидании жены...

У Тяпы не оставалось выбора – только Страховы. Смущала одна проблема: жена у Андрея больно строгая, будет мораль читать и, скорее всего, откажется сидеть с его детьми. У нее и со своей малышкой забот хватает. А тут еще нака-

нуне Макар проштрафился перед соседями. Страховы отоварили талоны на водку и поставили две бутылки на полку в серванте в своей комнате. Тяпа улучил момент, когда Андрей и Ольга ушли за дочкой в детский сад, и одну бутылку спер. И быстренько выдул. Кража не прошла незамеченной. Макар получил хороший втык от Ольги. И после такой неприятности приходится обращаться к соседке с просьбой о помощи. Но делать нечего, надо рискнуть. Откажет – значит, не прокатило.

В это время Ольга с Андреем закупали продукты к новому столу, а после зашли в садик – за дочкой. Заодно и младшего Тяпу забрали. На улице стоял тридцатиградусный мороз. Расстояние от садика до дома составляло всего-то метров 300. Но путь проходил через детскую площадку. Двухлетняя дочурка Страховых заметила металлические качели и заявила родителям: «Хочю коць коць». На все уговоры родителей, о том, что очень холодно и можно заболеть, девочка не обращала внимания, а упрямо повторяла: «Хочю коць коць». Пришлось посадить ее на качели и покачать. Лицо ребенка, покрасневшее от мороза, осветила счастливая улыбка. А когда Андрей буквально оторвал малышку от замороженного стального сиденья, она расплакалась, стала вырываться из рук отца и требовать: «Кочь кочь»! А тут еще и маленький Тяпа разревелся. То ли за компанию с девочкой, то ли по какой-то другой причине. Только зайдя в квартиру, малыш сквозь рыдания заявил своему отцу:

«Когда вырасту, я Тяпой не буду. Я буду пожарником».

Видимо, в садике его дразнили и довели до слез.

Вместо того чтобы успокоить сына, Макар шлепнул его по затылку и поставил в угол.

На замечание соседей, что мальчик ни в чем не виноват, Тяпа никак не отреагировал. Его мысли занимала главная проблема – кореша наверняка уже собрались в гараже и откупорили первую бутылку.

Наконец Макар принял решение. Он запеленал в одеяло дочку, положил ее в коляску и покатил к выходу. Сыну приказал стоять в углу до его возвращения.

Ольга Страхова заметила в коридоре спешно одевающе-гося Тяпу, а рядом с ним коляску и спросила:

– Ты куда это, Макар, ребенка на ночь глядя тащишь?

– Да немного прогуляемся. Жена велела перед сном малую выгуливать, – соврал Тяпа.

– А ты на градусник смотрел? На улице –30, заморозишь девочку.

– Да мы туда и обратно. Минут на 10, не больше, – опять лукавил Макар.

Прошел час, а Тяпа все не возвращался. Ольга с Андреем не на шутку встревожились и решили найти незадачливого родителя. Ни в своем, ни в соседних дворах папашу с коляской обнаружить не удалось. Андрей предложил сходить в гаражный кооператив. Тяпа там частенько зависал с друзьями-собутыльниками.

Гаражи располагались на выезде из поселка. Коляску Страховы заметили сразу, как только подошли к крайним гаражам. Девочка лежала едва живая, с посиневшим личиком, тихо хныкала – на крик у нее уже не осталось сил. Слезки на щечках превратились в ледышки. Еще немного, и ребенок совсем окоченел бы. Ольга схватила малышку на руки, прижала к себе и бегом побежала домой. А Андрей покатил пустую коляску.

Девочку удалось спасти. Отогрели в ванночке, заодно и отмыли.

Тяпа вернулся после полуночи и сразу завалился дрыхнуть. Про дочку даже не вспомнил.

А утром, пока Страховы спали, убежал на работу, снова оставив детей на попечение соседям.

По прибытии в ЛТП Макар первым делом заглянул на кухню и залпом выдул рассол из трехлитровой банки с солеными огурцами. Повара наблюдали за ним с пониманием и сочувствием. По личному опыту знали, что тяжелое похмелье – это не шутка. Затем Тяпа прошмонал кастрюли, в которых готовился праздничный обед для лечащихся, вытащил из супа жирный кусок свинины, прихватил буханку ржаного хлеба, сунул в карманы ватника пару соленых огурцов, два вареных яйца, баночку горчицы и заперся в своем кабинете.

Кабинет зав столовой не отличался изысканным интерьером. По сути, это был обычный чулан, темный и пыльный,

без единого окна, площадью шесть квадратных метров. По центру каморки стоял старый письменный стол грязно-желтого цвета, покрытый засаленными газетами. Очевидно, что данный предмет мебели редко использовался по прямому назначению. В основном он выполнял роль «поляны», которую регулярно накрывал зав столовой.

В дополнение к столу в кабинете находились два табурета, сколоченных на скорую руку из неструганых досок и покрашенных в ядовито-зеленый цвет. Дополнял общую картину массивный, побитый ржавчиной стальной сейф.

Вот, собственно, и весь «интерьер».

А висевшая под потолком одинокая лампочка, покрытая пылью и паутиной, своим тусклым мерцающим светом только подчеркивала мрачность и убожество помещения.

Войдя в кабинет, Тяпа выложил мясо, хлеб, огурцы, яйца и горчицу на стол, прямо на грязные газеты. После чего снял ватник, повесил его на один из трех стальных дюбелей, пристреленных к бетонной стене в качестве вешалки, открыл ключом сейф и вытащил из него бутылку водки, граненый стакан, пачку соли и столовый нож. Нарезал тонкими ломтями мясо и хлеб, намазал их горчицей и посыпал солью. Затем открыл бутылку и наполнил стакан горячительным напитком. Окинув «поляну» беглым взглядом, Макар остался доволен увиденным, что отразилось счастливой улыбкой на его лице.

Можно приступать к трапезе.

Но тут раздался громкий стук в дверь.

Тяпа решил, что это кто-то из поваров, и слегка приоткрыл дверную створку, с таким расчетом, чтобы не засветить «поляну».

На пороге кабинета стоял подполковник Скибкин.

– Вот зашел проверить, все ли на кухне в порядке, нет ли недостатка в продуктах. Новый год все-таки. Шеф велел накормить лечащихся от пуза, чтоб никаких эксцессов не возникло, – объяснил зам по производству причину своего визита и заглянул поверх головы Макара в кабинет.

– А ты, я вижу, уже празднуешь, – сделал вывод подполковник, заметив накрытую Тяпой «поляну».

– Никак нет, Алексей Михайлович, с утра ни в одном глазу, крошки еще во рту не было. Кручусь как белка в колесе, присесть некогда, – стал оправдываться зав столовой.

Но Скибкин прервал его:

– Да ты не менжуйся, Макар. День сегодня не обычный, канун Нового года. Можно немного и расслабиться. Проводить старый год. Я вот тоже не с пустыми руками.

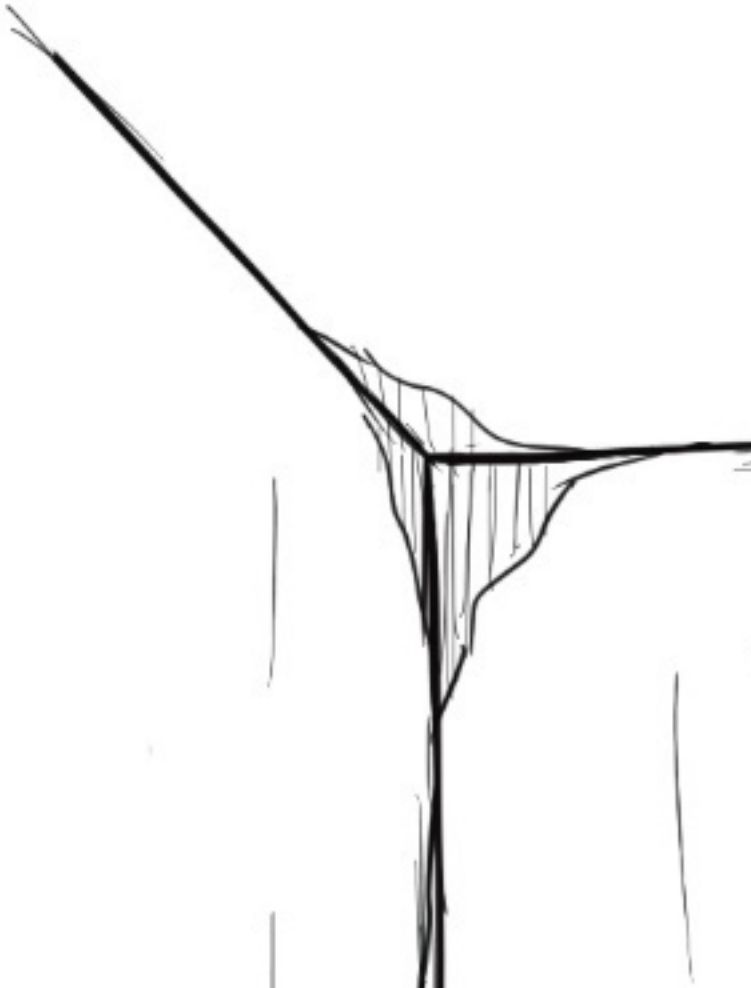
Подполковник вытащил из внутреннего кармана форменного тулупа бутылку «Столичной» и с улыбкой спросил слегка оторопевшего Тяпу:

– Ты так и будешь мурыжить меня перед дверью или наконец-топустишь в свои «апартаменты»?

Когда первая поллитровка опустела полностью, а вторая наполовину, зам по производству и зав столовой достигли той стадии опьянения, про которую в народе говорят: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

К этому моменту собутыльники успели выяснить, что одна тема для разговора в равной степени волнует их обоих – это сравнение ЛТП с колонией строгого режима.

О том, что Скибкин долгие годы служил на «строгаче», в профилактории знали практически все. Подполковник этого никогда не скрывал. И даже гордился данным фактом своей биографии. А вот Тяпа старался не афишировать свое прошлое. Но водка и не таким язык развязывала. В итоге Макар излил Скибкину душу и нашел в его лице благодарного слушателя и собеседника. Как оказалось, зав столовой до того, как устроился в Каменногорский ЛТП, семь лет служил в одной из колоний строгого режима

Архангельской области. Попал он туда по призыву. За два года службы во внутренних войсках Тяпа зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Заключение его ненавидели, зато у руководства колонии он состоял на хорошем счету. Дослужился до звания старшего сержанта, а когда пришло время дембеля, по предложению начальника колонии остался на сверхсрочную. Получил звездочки прапорщика, а потом и старшего прапорщика. Вот тут и проявился во всей красе его характер.

Именно об этом этапе своей жизни и поведал Тяпа Скибкину, когда они приняли «на грудь» граммов по триста пятьдесят «беленькой»:

– Вот скажи, Михалыч, разве это справедливо. Я служил Родине верой и правдой. Зэки боялись меня как огня. От меня эти твари ничего утаить не могли. Я их насквозь видел. И если Тяпа проводил шмон и находил что-то запрещенное, виновные тут же умывались кровавыми соплями. Мне зэки даже кликуху приклеили – Дикий Вертухай. Служил бы я на зоне до самой пенсии, но помешал несчастный случай. Как-то одному зэку заехал пару раз сапогом по печени, а он оказался доходягой и двинул кони. И все мои прежние заслуги тут же похерили. Вышвырнули со службы как паршивого котенка. «В связи с утратой доверия». Видите ли, доверие я чье-то утратил. Пытался устроиться в ментовку. Отказали. Даже во вневедомственную охрану не взяли. И куда прикажете деваться? Не на стройку же идти, землю копать да бе-

тон лопатить. Хорошо еще, в ЛТП приняли. Зарплата, конечно, мизерная. Но зато работа не пыльная. Вот только режим здесь, конечно, дерьмовый. Иногда так хочется заехать по роже какому-нибудь алкашу. Но приходится себя держать в руках. Они же больные. Их трогать не положено.

– Тут ты Макар, прямо мои мысли читаешь. У меня на «строгаче» порядок был. И план рабочая зона всегда выполняла. А если кто-то из зэков филонил – мордой в пол и по почкам. Или в холодную суток на пять. Сразу перевоспитывались и пахали, как черти. А в результате за все труды перевели меня в эту богадельню, черт возьми. Хорошо еще, в звании не понизили. А тут детский садик какой-то. Пальцем лечащихся не тронь. Нянчимся с этими тварями, водку на их лечение переводим, а они все больше наглеют. Жрать только горазды да чифирить, а как план выполнять, так где на них сядешь, там и встанешь. Каких мне трудов стоило организовать в ЛТП производство пробок. И с доставкой пресса договорился, и с поставщиками сырья, и покупателей нашел. А эти твари все испортили. Дистрофики чертовы. У меня на «строгаче» был один такой филонщик. Все никак не мог план по пробкам выполнить. Так я его к штурвалу пресса наручниками приковал и на трое суток оставил. Он чуть не сдох, обоссался и обосрался весь. Зато потом в передовики производства вышел – по 1200 пробок в смену выдавливал.

Скибкин тяжело вздохнул, вытер кулаком скупую мужскую слезу, навернувшуюся на глаза от обиды и нахлынув-

ших воспоминаний, и разлил по стаканам остатки водки.

Когда и вторая бутылка опустела, а из закусок на столе остались только соль и горчица, зам по производству и зав столовой покинули кабинет и двинули в сторону контрольно-пропускного пункта. Дежурный офицер – капитан Павленко подвез их на своей «копейке» до Торфяновки.

Скибкин сразу направился домой, чтобы не расстраивать молодую жену. А Тяпа завернул к гаражам, где уже всю провожали уходящий год его кореша.

В общагу Макар заявился за полчаса до Нового года. Он бы с удовольствием остался в гараже до утра, да только все собутыльники разбрелись около полуночи по домам, к семьям, а гараж заперли. Пришлось Тяпе тащиться домой, где ничего хорошего его не ждало. Предстояли серьезные разборки с соседями.

Но все оказалось еще хуже. Когда Макар тихонечко отворил входную дверь и, не снимая верхнюю одежду, на цыпочках пробрался в свою комнату, там его встретила жена. Она отпросилась у лечащего врача, который позволил ей встретить Новый год с семьей. О похождениях драгоценного супруга она узнала от соседей и с нетерпением поджидала благоверного, вооружившись деревянной скалкой для раскатки теста...

Похождения зав столовой отразились на настроении прак-

тически всех пациентов ЛТП. И настроение это оказалось отнюдь не праздничным.

Когда Макар заперся в своем кабинете, прихватив на кухне закусочку, повара и дежурные по столовой резонно предположили, что Тяпа ушел в «отрыв» и можно не беспокоиться, что он будет контролировать праздничную продуктовую раскладку.

Каналы сбыта «сэкономленных» продуктов были отлично налажены. В первую очередь, взаимовыгодный обмен осуществлялся через столовую и буфет рудника «Северный». Повара ЛТП предлагали мясо, тушенку, сгущенку и другие дефицитные продукты, а повара и буфетчики рудника отвечали им водкой, самогоном и, естественно, чаем. Выносить продукты за зону не было необходимости, поскольку они находились на складе, расположенном за пределами периметра. А повара имели разрешение на выход за зону. Вот пронести спиртное и чай обратно, на зону, в обычное время было непросто. Приходилось применять различные хитрые схемы. К примеру, просить о помощи того же Тяпу или других гражданских сотрудников.

Но в канун Нового года дежурные на КПП особо не напрягались. А когда повара угостили их мандаринками и свежей бужениной, «зеленый коридор» был обеспечен.

В результате работники кухни уже к полудню едва держались на ногах, а праздничный обед не отличался особыми изысками.

В 13-00 столовая ЛТП наполнилась толпой лечащихся, находящихся в предвкушении праздничного застолья. Новогоднее меню всегда отличалось от повседневного. В рацион включалась двойная порция мяса и мясопродуктов. Но это еще не все. К стандартному набору блюд – «первое, второе и компот» – добавлялись два вареных яйца, 50 грамм сливочного масла и сдобная булочка. А в дополнение к такому богатству каждый лечащийся получал мандаринку или яблоко. Настоящий «праздник живота»!

Но в этот раз все пошло совсем не так, как ожидалось.

– Это и есть «праздничный» обед? Ни мяса, ни масла, ни яиц!

– Щи, хоть хрен полощи, вода да гнилая капуста!

– А где обещанные мандарины?

– Ишь, чего захотел – мандарины! Перловка и та пересолена!

К возмущенной толпе из кухни вышел старший повар Федор Карпов. На его пухлых щеках играл яркий румянец, а лоснящиеся от жира губы растянулись в счастливой улыбке. Недовольство лечащихся нисколько не испугало Федора. Он прекрасно знал, что никто не посмеет поднять на него руку. Повар – это тебе не какой-то там швец или землекоп. Повар – это авторитет.

О махинациях поваров с продуктами на зоне было хоро-

шо известно. Только никто не обвинял кухмейстеров в воровстве. По логике лечащихся, представься любому из них возможность, и никто не устоял бы от такого соблазна. Кроме того, пошевары частенько делились добытыми по «бартеру» чаем и водкой с самыми авторитетными пациентами профилактория и «подогревали» их жирными кусками мяса и другими деликатесами. Тем самым они обеспечивали себе прочную «крышу».

А еще, выступишь против поваров, а потом подойдет твоя очередь дежурить по столовой. И тогда – только держись.

Поэтому виноваты всегда и во всем были менты. А кто же еще? На то они и поставлены, чтоб за порядком следить.

Из путаных речей Карпова выходило, что получить на складе все необходимые для праздничного стола продукты не удалось. А виноват во всем зав столовой Тяпа, который с утра залил за воротник и закусил мясом, яйцами и прочими мандаринами. Про подполковника Скибкина Федор предусмотрительно умолчал, дабы не нарваться на серьезные неприятности.

Поваров оставили в покое.

Возмущенная толпа выдвинула делегатов, которые направились в сторону КПП, где встретились с дежурным офицером – капитаном Павленко. Перекрикивая друг друга, делегаты донесли до капитана свое возмущение и потребовали немедленно выдать все положенные продукты. В противном случае грозились объявить бессрочную забастовку.

Капитан позвонил на квартиру начальнику ЛТП, но трубку никто не снял.

Дело в том, что Уваров с молодой женой встречали Новый год в ресторане пансионата «Горный», а предупредить об этом дежурного Павел Сергеевич забыл. А может, и специально не стал сообщать, чтобы его не беспокоили по пустякам. Праздничные мероприятия в «Горном» начинались в 14-00 и продолжались до 4 часов утра. В большой концертной программе участвовали не только артисты местной художественной самодеятельности, но и столичные гастролеры.

Майор Алексеев на телефонный звонок тоже не ответил. Они с супругой в это время ехали в такси к теще, где собирались отмечать праздник.

Беспокоить зама по производству капитан Павленко не стал, поскольку сам подвозил Скибкина до дома еще пару часов назад и видел, в каком состоянии находился подполковник.

Инструкция требовала от дежурного по ЛТП сообщить о ЧП дежурному по областному управлению ИТУ. Но капитан прекрасно помнил, чем закончилось строгое следование инструкции майором Сысоевым. Наступать на те же грабли Павленко не стал.

Капитан попытался самостоятельно уговорить разгоряченных лечащихся. Он объяснил, что склад уже закрыт и откроется только 2 января.

Такой расклад бунтарей не устроил. Они требовали, что-

бы положенные продукты им выдали незамедлительно.

Заведующий складом Мамедов еще утром предупредил дежурного, что уезжает встречать Новый год к землякам, в Каменногорск. И вернется вечером 2 января. Адрес земляков он не оставил, а ключи от склада Сардор никому не доверял. Кроме того, Мамедов перед отъездом сообщил дежурному, что выдал поварам, согласно накладной, все продукты по 2-е число включительно.

Капитан Павленко, конечно, догадался, что это повара провернули очередной «бартер». Да его самого полчаса назад угощали бужениной и мандаринами дежурные по КПП прапорщицы Рябова и Ковалева.

Капитан по личному опыту знал, что обвинять поваров – это как мочиться против ветра.

Оставалось последнее средство, чтобы попытаться утихомирить лечащихся, – взять их на испуг.

Павленко напомнил делегатам о том, чем закончилась прошлая забастовка, и пообещал, что, если они не угомонятся, вынужден будет вызвать ОМОН.

Это предупреждение подействовало на лечащихся отрезвляюще, и они не солоно хлебавши побрели в общагу.

Дежурный по ЛТП понимал, что только сбил волну, не более того. Лечащиеся могут в любой момент поднять новую бучу.

Поэтому Павленко позвонил одному из начальников отрядов, капитану Ложечкину, и предупредил его о возмож-

ном обострении ситуации в жилой зоне.

Согласно распоряжению начальника ЛТП в случае возникновения угрозы беспорядков начальники отрядов переводятся на усиленный режим несения службы и обязаны находиться в жилой зоне до окончательного разрешения конфликта.

Капитан Ложечкин позвонил своим коллегам – капитанам Сомову и Трусову, и менее чем через час троица в полном составе явилась в ЛТП.

Капитана Павленко удивила такая ответственность и оперативность начальников отрядов.

Только дело было вовсе не в высокой ответственности.

Сомов, Трусов и Ложечкин с радостью рванули на службу, поскольку перспектива провести новогодние праздники в кругу семьи ни одного из них не вдохновляла. Прихватив с собой выпивку и закуски, приготовленные к праздничному столу, капитаны оперативно выдвинулись в ЛТП.

Возмущенным женам они посетовали на коварное начальство и на свою несчастную подневольную долю.

Едва появившись на службе, Сомов, Трусов и Ложечкин расположились в Красном уголке штаба, накрыли «поляну» и приступили к любимому занятию – преферансу.

Павленко не остался в стороне и тоже включился в игру. Так и провели четыре капитана всю новогоднюю ночь, расписывая «пулю» и потягивая водочку под салат оливье, се-

ледку под шубой и другие праздничные закуски.

А в жилой зоне тем временем страсти поутихли. Предупреждение дежурного по ЛТП о вызове ОМОНа сработало. Все лечащиеся хорошо помнили, чем закончился «захват заложника». Никому не хотелось повторить судьбу «террористов».

Чтобы успокоить нервы, пациенты профилактория массово забодяжили чифирь.

А кому повезло запастись водочкой или самогоном, те встречали праздник в отличном настроении. Самые счастливые из них отключились и ушли в «нирвану» за несколько часов до наступления нового, 1989 года.

Глава 7. Весеннее обострение

Весна приходит в Заполярье с большим опозданием. Если в средней полосе уже в марте можно греться под яркими солнечными лучами и наблюдать, как темнеет снег, насыщаясь талой водой, и весело журчат ручьи, а в апреле радоваться зеленой травке и первым подснежникам, то на Крайнем Севере и март, и апрель только по календарю весенние месяцы, а по факту – это все еще зимушка-зима. О приближении весны говорит лишь быстрое увеличение светового дня. В марте и апреле день отбирает у ночи ежедневно минут по 8 – 10 и только за эти два месяца увеличивается на 9 с лишним часов.

А вот средняя температура воздуха по-прежнему остается ниже нулевой отметки. В редкие дни, когда случаются оттепели, снег немного подтаивает и даже появляются лужи и ручейки. Но это вовсе не говорит о приходе весны. Вскоре зима возвращает свои права, налетает холодный, пронизывающий до костей ветер, усиливается мороз и лужи с ручьями тут же превращаются в ледяные ловушки для незадачливых водителей и пешеходов.

Для жителей и гостей Каменногорска март и апрель – это, прежде всего, самый пик горнолыжного сезона. Многие горожане используют ситуацию с большим наплывом туристов

для дополнительного заработка. Кто-то сдает в аренду «лишнюю» квартиру или комнату. А кто-то уступает за хорошую цену единственное жилье, а сам, вместе с домочадцами, уезжает на отдых в более теплые края.

Снять комнату в гостинице «Северное сияние» или в пансионате «Горный» практически невозможно. Номера бронируются задолго до начала сезона.

Во второй половине марта 1989 года все гостиничные места заняли участники международных соревнований. Каменногорск впервые в своей истории принимал один из этапов Кубка Европы по фристайлу. Для небольшого заполярного городка это стало грандиозным событием. Ничего подобного северяне ранее не наблюдали. Улицы Каменногорска заполнили иностранные спортсмены, члены спортивных делегаций и колоритные болельщики из многих европейских стран.

Организатором мероприятия стал московский кооператив под названием «Северный склон».

Первые кооперативы появились в Стране Советов в мае 1988 года, после опубликования Закона «О кооперативах в СССР».

70 лет Советская власть каленым железом выжигала всякую частную инициативу. А одно упоминание о частной собственности считалось преступлением.

И вдруг, стоило только государству слегка отпустить вож-

жи и разрешить частное предпринимательство в форме кооперативов, как в мгновение ока откуда ни возьмись появились десятки тысяч кооператоров. Как будто их завезли из-за границы или каким-то неведомым науке способом телепортировали из других звездных систем.

Все гораздо проще, новоявленные кооператоры – это наши старые добрые спекулянты-фарцовщики, легализовавшиеся при первой возможности.

И занимались они в основном тем же, чем и раньше, – фарцовкой. Закупали ходовые товары у иностранцев и спекулировали ими в Союзе. Разница лишь в том, что теперь они не боялись уголовного преследования. А потому масштабы спекуляции превысили всякие ожидания.

Но не все кооператоры были спекулянтами. Появились и производственные кооперативы. Кто-то шил джинсы и прочую одежду и обувь «под фирму», кто-то открыл частные предприятия общественного питания, кто-то занялся бытовыми услугами, а были и такие, кто замахнулся на более сложное производство.

Горнолыжная база в Каменногорске стояла на балансе у горно-обогатительного комбината. Для градообразующего предприятия этот актив был, как чемодан без ручки – и нести тяжело, и бросить жалко. Прибыли база никакой не приносила. Активный горнолыжный сезон длился всего три месяца.

В остальное время склоны и пансионат «Горный» пустовали, подъемное оборудование требовало постоянного обслуживания и поддержания в рабочем состоянии. Приходилось содержать немалый персонал. А выхлопа никакого, одни убытки. Чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону и увеличить продолжительность сезона, требовались значительные финансовые вложения. Хотя и они не гарантировали успеха – слишком непредсказуема природа Заполярья. Крепкие морозы часто сочетаются с сильным, пронизывающим ветром. В такую погоду подняться в гору рискуют только настоящие экстремалы.

Да никто и не собирался вкладываться в развитие базы. Для комбината это был непрофильный актив. Или, скорее, пассив.

И вот в июне 1988-го в кабинете директора ГОКа нарисовались три молодых человека, представившихся членами правления московского кооператива «Северный склон», и предложили свои услуги по аренде горнолыжной базы вместе с пансионатом «Горный». Директор комбината немного поторговался, чисто для вида, и стороны ударили по рукам.

На базе закипела работа. Арендаторы наняли строителей, которые покрасили подъемники и фасады пансионата «Горный», залатали ямы на подъездной дороге к базе, а еще выполнили работы на склоне и на стадионе у подножия горы, которые непосвященному человеку мало о чем говорили, а

вот знатоки горнолыжного спорта сразу поняли, что к чему.

Тут же появилась информация, что арендаторы каким-то неведомым способом добились проведения в Каменногорске международных соревнований по фристайлу. Программа состязаний включала два вида – могул и лыжную акробатику.

Вскоре склон украсился многочисленными рекламными щитами и флагами стран-участниц. Кроме того, возвели временные трибуны для зрителей и разместили многочисленные ларьки с сувенирами и мини-кафешки с горячими и горячительными напитками.

Все было готово к приему многочисленных гостей и началу соревнований.

Но организаторы не учли коварство северной природы. В ночь перед открытием этапа Кубка Европы разразилась настоящая арктическая пурга. Трассы замело метровым слоем снега, рекламные щиты и флаги разлетелись по всему склону, временную трибуну ураганным ветром разнесло в щепки.

Продолжалась непогода пять суток.

Иностранные спортсмены, члены делегаций и болельщики безвылазно сидели в гостинице «Северное сияние» и пансионате «Горный».

И если обычные туристы коротали дни, дегустируя русскую водку под закуски из национальных кухонь малочисленных народов Севера, то спортсмены откровенно заскучали.

Никаких развлечений им организаторы предложить не

могли. Ни тебе казино, ни ярких эстрадных шоу. Разве что кинофильм «Холодное лето 53-го», который демонстрировался в кинозале Дворца культуры, да концерт местного самодеятельного хора, состоящего из десятка дородных бабулек и трех мужиков – одного гармониста и двух балалаечников.

Вот и все «развлечения».

Это вам не какой-то там Куршевель.

На третьи сутки сидения в гостиничных номерах под завывание северного ветра и просмотр единственного телевизионного канала, транслировавшего с утра до вечера выступления М.С. Горбачева и сюжеты об успехах перестройки, первые, самые нетерпеливые спортсмены и члены делегаций потянулись на вокзал и отбыли в Москву и Ленинград, откуда улетели в свои теплые и уютные европейские страны.

А на пятые сутки в Каменногорске осталось только десятка два интуристов, которые подсели на Russian vodka и практически не вылезали из ресторанов.

На том и закончился «этап Кубка Европы».

На шестой день несостоявшихся международных состязаний в пансионат «Горный» заселился подполковник Уваров. Номер «люкс», в котором ранее проживал начальник ЛТП, занимали два итальянских туриста, которые не торопились покидать гостеприимный северный город. Дело в том, что местные жители, посещавшие ресторан пансионата, посто-

янно угощали итальянцев и выпивкой, и закусками. А гостиничный номер был оплачен на две недели вперед. В итоге интуристы из солнечной Сицилии за неделю не потратили ни гроша. Такая, непривычная для европейцев, щедрость северян стала для итальянцев настоящим откровением. И они решили задержаться в Каменногорске еще на неделю. Тем более что погода резко поменялась. Пурга прекратилась, на заснеженных горных склонах заиграли солнечные блики и появилась возможность покататься на лыжах и подняться на подъемнике на обзорную площадку, чтобы окинуть взглядом живописные окрестности, пофоткаться и посетить кафешку, расположенную на самой вершине горы.

Павел Сергеевич приехал в пансионат на такси. С одним чемоданом.

Администратор Виктория предложила ему скромный одноместный номер на первом этаже. Как только Уваров скрылся за дверью комнаты, к стойке администратора подошли уборщица Валентина, которая в это время пылесосила ковровые дорожки в вестибюле, и продавщица сувениров Катерина.

– Вот тебе и на, вытурила, видать, Наташка муженька из дому, – язвительно заявила Валентина.

– А вы, девки, заметили, как Уваров изменился? Похудел, осунулся весь, щеки обвисли, а на лбу проступили морщины. Такое впечатление, что лет на десять постарел, – сочув-

ственно добавила Катерина.

– А нечего было на сиськах жениться. Эх, мне бы этого подполковника, я б с него пылинки сдувала, – мечтательно подытожила Виктория.

В этот момент входная дверь открылась, и в нее бочком протиснулся майор Алексеев. Оглядевшись поверх сдвинутых на нос очков по сторонам, Владимир Игнатьевич приблизился к стойке администратора и спросил у Виктории, в каком номере поселился Павел Сергеевич.

Получив ответ, майор проследовал в указанном направлении.

Минут через десять Алексеев и Уваров вышли из номера и прошествовали через вестибюль, мимо стойки администратора, в зал ресторана.

– Давай рассказывай, Паша, что у тебя стряслось, не держи в себе, побереги мотор, – обратился к товарищу майор Алексеев после того, как они приняли на грудь по 150 граммов коньяка «Белый аист» и закусили лимончиком в сахаре.

– Да что рассказывать, ты и сам, Володя, все понимаешь. Надо ж было влюбиться в бесчувственную стерву. На «фасад» клюнул, а что внутри полная пустота – не разглядел. Даже не пытался разглядеть. Как будто под гипнозом находился. Словно околдовала, ведьма. Все соки вытянула. Все

разговоры только о деньгах, шмотках да побрякушках. И все ей мало. А я ни в чем ей отказать не мог. В результате – в долгах, как в шелках. Да ладно долги. Выкрутился бы как-нибудь. Если б с ее стороны хоть какое-то проявление любви ко мне наблюдалось. Пусть не любви, хотя бы немного тепла и нежности. Ничего подобного. Один сплошной холод, как от сказочной Снежной Королевы. Мы уже два месяца спим раздельно. А я ведь мечтал о нормальной семье, о детишках. Но где там, она и слышать о ребенке не желает. Только одно твердит: «Я еще молодая, мне для себя пожить хочется».

А вчера у меня словно глаза открылись. Поругались мы в очередной раз из-за какой-то заморской тряпки, которую ей приспичило купить, я не удержался и предложил развестись. Думал, она образумится и сделает шаг навстречу, но не тут-то было. Посмотрела на меня своим ледяным взглядом и спокойно так говорит: «Да пожалуйста. Только при одном условии – квартира останется мне».

Вот тут я и прозрел. Завтра же на развод подаю и пусть удавится и квартирой, и шмотками, и побрякушками своими.

Тут Уваров сделал паузу, выпил рюмку коньяку, закусил лимоном и продолжил:

– В последнее время постоянно бывшую свою вспоминаю и дочку. Виноват я перед ними безмерно.

Майор Алексеев все время, пока Павел Сергеевич изливал душу, молча смотрел в стол, даже не пытаясь вставить

хоть слово в монолог товарища. «Пусть выговорится, легче станет», – думал он. Но судя по тому, что Уваров все больше мрачнел и лицо его наливалось кровью, облегчение не наступало. Даже коньяк не помогал.

Владимир Игнатьевич решил вставить свое слово:

– Так напиши письмо бывшей жене. Она тебе многое прощала, может, и сейчас простит, – попробовал утешить друга Алексеев, но вышло у него как-то двусмысленно.

Может, простит, а может, не простит...

К личным проблемам начальника ЛТП, по закону подлости, добавились серьезные осложнения на службе. Первым неприятным сигналом стало увольнение директора торгово-закупочной базы. На Клавдию Петровну и раньше поступало немало жалоб, но начальство ГОКа не придавало им значения. База работала успешно, все плановые показатели выполнялись. К тому же Климова на регулярной основе обеспечивала руководство комбината дефицитными товарами.

Но случилось непредвиденное. Сменился директор ГОКа. Новый босс прибыл из Москвы и первым делом на все ответственные посты стал продвигать своих земляков. А бывшим руководителям предлагалось либо согласиться на понижение в должности, либо уволиться.

С Клавдией Петровной новый директор ГОКа церемониться не стал. Он предъявил ей многочисленные жалобы

граждан на работу ТЗБ и предложил написать заявление по собственному желанию, а в случае отказа – привлечь к проверке ее деятельности компетентные органы.

Климова испытывать судьбу не стала, уволилась и уехала в неизвестном направлении.

А ее хлебное место вскоре занял кум нового директора ГОКа.

И буквально через пару недель после ухода Клавдии Петровны снабжение ЛТП захромало. А водка теперь выделялась в строгом соответствии со спущенными сверху разрядками. То есть практически перестала поступать на нужды лечения.

Уваров попытался наладить контакт с новым руководителем ТЗБ. Но наткнулся на полное непонимание. Новый директор торгово-закупочной базы ни о каких «схемах» и слышать не хотел.

Видимо, у него были продуманы свои «схемы».

В итоге взаимоотношения между ТЗБ и ЛТП вернулись в правовое поле. Отпуск продовольствия для нужд профилактория производился строго по установленным лимитам, а количество лечащихся, занятых на базе, ограничилось договором.

Первыми изменения почувствовали на себе офицеры и прапорщики ЛТП. Сроки выдачи продуктового довольствия задерживались на неопределенное время.

Лечащиеся и раньше не жирovali. А в новых условиях

их пайки совсем оскудели. Но с этим пациенты профилактория еще как-то могли смириться. А вот прекращение поставок водки для «рыгаловки» вызвало куда более серьезные последствия. В этот раз лечащиеся не стали захватывать «заложников», а объявили сидячую забастовку. То есть они выходили на работу, но ничего не делали, просто сидели на рабочем месте.

В это время волна забастовок охватила практически все лечебно-трудовые профилактории Советского Союза. На местах находились разные поводы для локаута. Где-то, как в Каменногорском ЛТП, первопричиной волнений стало отсутствие водки, которое объяснялось продолжающейся антиалкогольной кампанией и, как следствие, резким снижением производства спиртного в стране. В других профилакториях требовали закрытия штрафных изоляторов, повышения зарплаты и даже свободного выхода за зону.

Сарафанное радио между ЛТП работало исправно. Многих административно-осужденных за время лечения по разным причинам переводили из одного профилактория в другой. Злостных нарушителей режима направляли из обычных ЛТП в так называемые закрытые, где выход лечащихся за зону был строго-настрого запрещен, а основным контингентом являлись уголовники, отправленные на принудительное лечение от алкоголизма и наркомании. Некоторых по состоянию здоровья отправляли в более подходящие по климати-

ческим условиям регионы.

Также практиковались переводы туда, где срочно требовалась дополнительная дешевая рабсила.

Через перемещенных лечащихся поддерживалась связь между различными ЛТП. К тому же никто не запрещал административно-осужденным вести почтовую переписку. Письма, конечно, вскрывали и просматривали, но если не находили ничего криминального, то отправляли их адресатам.

Таким образом, информация о происходящем в одном ЛТП довольно быстро становилась известна в другом.

И вскоре к чисто практическим требованиям забастовщиков стали добавляться политические. Этому способствовала общая ситуация в стране. Озвученный на XXVII съезде КПСС курс на демократизацию и гласность открыл «ящик Пандоры». Осуждение всего «совкового» и подобострастное преклонение перед западными «демократиями» стали все шире распространяться в советском обществе. Активно способствовали «демократизации» средства массовой информации и различные правозащитные организации, появившиеся как грибы после дождя. Правозащитники развернули в СМИ дискуссию о том, что система принудительного лечения алкоголиков и наркоманов требует срочного реформирования.

Лечащиеся ЛТП тоже читали газеты и слушали радио, а

иногда и телевизор смотрели. Новые веяния их вдохновили на «подвиги». Забастовочное движение стало нарастать как снежный ком. На повестку дня встали следующие требования:

- перевод ЛТП в ведение Министерства здравоохранения,
- снятие всех ограничений на свободу передвижения;
- предоставление регулярных краткосрочных отпусков с правом проведения их по месту жительства.

Озвучивались и другие, менее радикальные требования.

Принятие условий бастующих вбивало осинový кол во всю систему принудительного лечения.

Поэтому до поры до времени администрации ЛТП пытались остановить забастовочное движение некоторыми послаблениями режима. Где-то это имело временный успех, а где-то, наоборот, вызывало новые локауты.

В Каменногорском ЛТП бастующие сначала добивались только водки для «рыгаловки». Никаких других требований они не выдвигали.

Но новые веяния докатились и до них. Среди лечащихся нашлись лидеры, предлагавшие расширить список условий для прекращения сидячей забастовки.

Новые требования включали улучшение качества питания, повышение расценок на швейном производстве, запрет наказания в виде помещения в «шизняк», разрешение на свободный выход за периметр в выходные дни, демонтаж

смотровых вышек.

Часть предъявленных требований начальник ЛТП согласился выполнить. Во-первых, своим приказом он запретил наказание лечащихся штрафным изолятором. Во-вторых, убрал караульных со смотровых вышек. Сами вышки ломать пока не стали.

В-третьих, на 15% повысили расценки на продукцию швейного цеха. Это решение приняло областное УИН по ходатайству администрации ЛТП.

В-четвертых, подполковник Уваров пошел на превышение своих полномочий и распорядился увеличить лечащимся нормы отпуска мясопродуктов, благо производство свинины на собственных свинофермах за последние полгода выросло вдвое.

А вот главную проблему – отсутствие водки – Павел Сергеевич решить не смог.

В итоге уступки бастующим не привели к желаемому результату. Локаут продолжился.

В первые дни сидячей забастовки трест «Каменногорскстрой» присылал в ЛТП автобусы и доставлял лечащихся на строительные объекты. Но они не приступали к работе, а только места в вагон-бытовках занимали. Вскоре автобусы приезжать перестали. А руководители треста решили, что особой потребности в лечащихся у них в данный момент нет. Активный строительный сезон еще не начался, третью обогатительную фабрику перед Новым годом ввели в эксплуа-

тацию. Поэтому строители вполне могли обходиться без пациентов ЛТП. Хотя на полный разрыв отношений трест не пошел. Впереди лето и дешевая рабсила еще потребуется.

Подполковник Уваров прекрасно осознавал, что все «шишки» в конечном итоге достанутся ему, и пытался объяснить бастующим, что упрямство только усугубляет их положение.

Но лечащиеся уже сообразили, что никаких репрессивных мер руководство ЛТП применить к ним не может, и ту-по забили на работу.

Целыми днями они слонялись, как зомби, по жилой зоне или валялись на грязных шконках в общаге, потягивая чифирь. И, само собой, трижды в день посещали столовую.

Война войной, а обед по расписанию.

По распоряжению начальника ЛТП командиры отрядов Сомов, Трусов и Ложечкин были переведены на круглосуточный режим службы. Капитаны поселились на первом этаже общежития, в караульном помещении.

В караулке стояли две двухъярусные кровати, стол, четыре стула, холодильник и тумбочка с маленьким телевизором «Юность». И что немаловажно, для караульных предусмотрели отдельный туалет с умывальником. В общем, вполне сносные условия для проживания. Сутки напролет, с короткими перерывами на сон, Сомов, Трусов и Ложечкин резались в преферанс. Дежурные по столовой приносили им хав-

чик, а сердобольные коллеги – капитан Павленко и старлей Слободян – периодически потчевали друзей водочкой и самогонкой. И сами иногда зависали в караулке – побухать да «пулю» расписать.

Заботливые капитанские жены, беспокоясь о здоровье своих благоверных, ежедневно таскали им вкусную домашнюю еду.

Так что Сомов, Трусов и Ложечкин ни в чем не нуждались и были вполне довольны службой. Тем более что никакой угрозы от бастующих не исходило. Лечащиеся вели себя тихо, как мыши в присутствии кота. Точнее – трех молодых, здоровых, хорошо упитанных котов.

На восьмой день забастовки начальнику ЛТП позвонил генерал Кравченко:

– Ну что, Паша, плохи твои дела. Из Москвы пришел приказ о министерской проверке вверенного тебе учреждения. Так что принимай столичных гостей. Боюсь, ничего хорошего от этой ревизии ждать не приходится.

В голосе генерала Уваров не услышал упрека. Скорее – сожаление.

– Вы же знаете, Евгений Андреевич, я делал все что мог. Но обстоятельства иногда сильнее нас, – заметил Павел Сергеевич и продолжил: – Я готов принять любое наказание, вплоть до увольнения из органов.

– Ну ты не горячись раньше времени. Посмотрим, что на-

копает комиссия и какие оргвыводы будут в итоге сделаны. Может, обойдется строгим выговором, – «успокоил» Уварова генерал.

Министерская комиссия работала в ЛТП пять дней. Ревизоры перерыли горы документов, пообщались с заместителями начальника, начальником охраны, начальниками отрядов и главным бухгалтером. Кроме того, инспекторы не побрезговали побеседовать с некоторыми лечащимися из числа «половинщиков», которые не поддержали забастовку или делали вид, что не одобряют локаут, чтобы не потерять право на досрочное освобождение.

Проживали члены комиссии в гостинице «Северное сияние».

Павел Сергеевич в первый же день ревизии попытался «навести мосты» и пригласил инспекторов в ресторан. Они не отказались, но доверительного общения не получилось. А когда Уваров попытался заплатить за ужин, ревизоры попросили отдельные счета и каждый внес плату за себя.

После отъезда проверяющих наступил период тягостного ожидания. Все сотрудники ЛТП понимали, что без организационных выводов не обойдется. Понятно, что первым под раздачу попадет начальник. А если вычистят Уварова, еще неизвестно, кого пришлют на его место. Вероятнее всего, на-

привял какого-нибудь московского гастролера, который не станет церемониться с местными кадрами.

Больше других переживал майор Алексеев. Как заместитель начальника по воспитательной работе, он нес прямую ответственность за происходящее в ЛТП.

На службе Владимир Игнатьевич старался не выказывать беспокойства. А вот дома, за ужином, закинув за воротник граммов 150, он обрушивал всю накопившуюся за день душевную боль на супругу:

– Ты не понимаешь, Зина, как все плохо? Даже не плохо, а отвратительно. Уварову куда проще. Ну снимут его с должности, и что? А ничего. Генерал Кравченко найдет ему теплое местечко в областном управлении. А мне что делать? До пенсии осталось три года. Из органов меня, конечно, не попрут, нет на то достаточных оснований. Но из ЛТП запросто могут уволить. А что предложат взамен? Сошлют, как Колю Сысоева, в колонию строгого режима куда-нибудь на Колыму. Вот ты, Зинаида, хочешь переехать на Колыму? Вижу, что не хочешь. И я не хочу, – доставал Алексеев вконец перепуганную жену.

И так изо дня в день.

По истечении недели после отъезда министерской комиссии на территорию ЛТП въехала колонна из четырех автобусов «ЛАЗ» в сопровождении автомобиля «УАЗ» с сигнализацией. Из «козлика» вышел майор внутренних войск и на-

правился напрямиком в кабинет начальника ЛТП.

Уварова уже предупредили о прибытии гостей, и он прикидывал в уме, что бы это все значило.

Майор вошел в кабинет и доложил:

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Майор Ермоленко, прибыл для этапирования административно-осужденных из вверенного вам учреждения в поселок Заозерный. Вот списки этаплируемых, – майор протянул Уварову несколько листов с отпечатанными в колонку фамилиями и инициалами и добавил: – прошу вас подписать списки и дать распоряжение о срочных сборах указанных лиц.

Павел Сергеевич просмотрел бумаги и обратил внимание, что первыми на переезд значатся лидеры протеста, да и остальные принимали самое активное участие в локауте. Всего в списках было 96 человек.

«Интересно, кто передал наверх информацию? Вероятно, кто-то активно сотрудничал с министерскими ревизорами», – прикинул Уваров.

В Заозерном находился лечебно-трудовой профилакторий закрытого типа. По сути, колония общего режима. И содержались там в основном уголовники, которым по решению суда в дополнение к основному сроку отсидки в ИТК предписывалось принудительное лечение от алкоголизма или наркомании. Соответственно, режим в этом ЛТП ничем не отличался от режима в колонии.

«Добастовались, голубчики. А ведь я их предупреждал,

что ничем хорошим эта забастовка не закончится. Теперь узнают, почем фунт лиха», – подумал Уваров и подписал бумаги, после чего позвонил начальнику охраны капитану Павленко, чтобы тот забрал у него списки и обеспечил срочные сборы лечащихся, подлежащих этапированию.

После отъезда самых активных бунтарей настроение оставшихся заметно изменилось. Никто не хотел оказаться в закрытом ЛТП.

Первыми вышли на работу швейники. За ними – работники ТЗБ.

А за неделю до майских праздников подъехали за лечущимися и автобусы треста «Каменногорскстрой».

Забастовка прекратилась, но осадочек остался.

На Первомай все служащие ЛТП, за исключением дежурных, отправились в Каменногорск на демонстрацию. Для этого заказали в автоколонне два автобуса «ЛАЗ». Собственный «ПАЗик» окончательно встал на прикол. Иван Зимин пытался его реанимировать, но и у него ничего не вышло...

Город встретил торфяновцев повсеместно развешанными яркими плакатами и кумачовыми флагами. А вот погодка подпортила праздничное настроение. С утра поднялся пронизывающий ветер и закрутила пурга-метель.

Коллектив ЛТП, по разнарядке горкома партии, влил-

ся в праздничную колонну городского отдела внутренних дел. Формирование колонны происходило на окраине города, прямо у стелы «Каменногорск – город горняков». Оттуда демонстрантам предстояло пройти по главной и самой протяженной улице – проспекту Ленина и пересечь Красную площадь, приветствуя флажками, транспарантами и кричалками типа «Мир! Труд! Май!» местную власть, расположившуюся на временной трибуне у памятника С.М. Кирову.

За площадью, свернув за здание Дворца культуры, колонна рассыпалась на мелкие группки, которые, расположившись в скверах и подворотнях, согревались спиртными напитками с легкими закусками. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что большинство демонстрантов поспешили разбежаться по домам, а уж там, на теплой кухне, отметить праздник по полной.

Работники ЛТП никуда не спешили. Уваров, Алексеев и еще несколько сотрудников профилактория, проживающих в Каменногорске, выпили с коллективом по соточке за «солидарность с трудящимися всего мира» и удалились. А жители Торфяновки загрузились в автобусы и продолжили праздновать. В результате некоторые сотрудники профилактория так «напраздновались», что их пришлось разносить по домам.

В общем, День международной солидарности трудящихся коллектив ЛТП отметил достойно.

Со второй половины мая началось активное снеготаяние. Весна входила в свои права. Ручейки сливались в бурные потоки, которые размывали дороги и вызывали подъем воды в реках и озерах. Больше всех от паводка страдали дачники, чьи участки попадали в зону подтопления.

На освобожденных от снега пригорках, прогреваемых ярким весенним солнышком, тут же появилась зеленая травка, а кое-где и первые подснежники.

Многие северяне, радуясь теплым, солнечным денькам, избавлялись от надоевшей зимней одежды и обуви. И хотя ночные заморозки еще никуда не исчезли, да и днем мог сорваться пронизывающий арктический ветерок, люди активно переходили на более легкую форму одежды.

Особенно этим грешили молодые девушки и вполне зрелые дамы, стремившиеся привлечь к себе мужское внимание. Несмотря на прохладную ветреную погоду, они щеголяли в коротких юбках, тонких колготках и туфельках на высоких каблучках...

Понедельник часто называют тяжелым днем. И на то есть свои причины. Втягиваться в работу после выходных всегда непросто. А если к тому же провел эти выходные бурно, то тяжело вдвойне или втройне.

Понедельник 22 мая 1989 года стал для подполковника Уварова по-настоящему тяжелым. Хотя накануне он совсем не принимал алкоголь и довольно рано отошел ко сну.

Все началось с того, что в 9-00 ему позвонил генерал Кравченко и спросил:

– Тебя, Паша, еще не ознакомили с приказом?

– Каким приказом? – уточнил Павел Сергеевич.

– Значит, не ознакомили... Дело в том, что в Главном управлении ИТУ МВД принято решение о расформировании Каменногорского ЛТП, – «обрадовал» генерал.

– И что теперь делать? – растерянно спросил Уваров.

– Все подробности узнаешь из приказа. Лечащихся с завтрашнего дня начнем перераспределять по другим ЛТП. Офицеры, прапорщики и охранники из числа срочников будут переведены на службу в исправительно-трудовые учреждения нашей области и соседних регионов. Гражданских специалистов придется уволить по сокращению штатов. Материальное имущество также будет передано в другие ЛТП и ИТК области.

– А свиней куда денем? – перебил генерала Павел Сергеевич.

– Каких свиней? Ах, да, свиней... Свиней – под нож, – нервно бросил Кравченко и продолжил: – Что касается лично тебя, Паша. До конца месяца передашь дела майору Алексееву, который будет исполнять обязанности начальника ЛТП до полного окончания ликвидационных мероприятий, а 1 июня жду тебя в управлении. Там и решим, как быть с тобой дальше.

Как только генерал положил трубку, в кабинет начальни-

ка ЛТП вошел майор Алексеев с какой-то бумагой в руке. Это был тот самый злополучный приказ, о котором предупредил Кравченко.

Замполит с потерянными видом передал приказ Уварову и с дрожью в голосе спросил:

– Как же так, Паша, чем мы так провинились? Ведь в других ЛТП тоже забастовки были и ничего. А нас сразу в расход.

– Что я могу тебе сказать, Володя. Так решили на самом верху. Процедура ликвидации займет некоторое время, так что тебе пока можно не волноваться, – попытался успокоить товарища Павел Сергеевич.

– А что будет потом? Сошлют куда-нибудь к черту на кулички.

– Почему «на кулички»? Уверен, тебе найдется место в нашей области, – заверил майора Уваров.

– Твоими бы устами да мед пить. Мне б только до пенсии продержаться, а там – гори оно все синим пламенем, – махнул рукой Алексеев и вышел из кабинета.

За неделю, с 22 по 29 мая, всех лечащихся из Каменногорского ЛТП этапировали в другие профилактории. Следом за ними убыли и охранники.

На некоторое время задержались только офицеры и гражданские специалисты. Накануне своего отъезда, 30 мая, Павел Сергеевич собрал всех оставшихся в своем кабинете,

чтобы поблагодарить за совместную работу и попросить прощения.

Когда все вошли и расселись, Уваров обратил внимание, что отсутствует главный бухгалтер, и предложил ее подождать.

Ларису Николаевну задержала женщина лет пятидесяти, перехватившая ее в коридоре штаба. Сначала Скибкина удивилась, как посторонняя гражданка прошла через КПП, а потом вспомнила, что никакой охраны в ЛТП больше нет.

Женщина спросила, как ей попасть на прием к начальнику. Лариса Николаевна объяснила, что придется подождать, пока закончится совещание. Но посетительница ждать никак не могла. Она спешила на рейсовый автобус, чтобы успеть на поезд. Скибкина решила ей помочь. Зайдя в кабинет шефа, Лариса Николаевна первым делом извинилась за опоздание и попросила Уварова принять посетительницу, которая опаздывает на автобус, но очень хочет поговорить с начальником ЛТП. Павел Сергеевич дал добро.

Женщина вошла в кабинет, огляделась по сторонам и немного смутилась от присутствия большого количества людей, добрая половина которых была в милицейской форме.

– С чем пожаловали, уважаемая? – с улыбкой спросил посетительницу Уваров.

Мягкий, вежливый тон подполковника придал женщине уверенности, и она обратилась к Павлу Сергеевичу:

– Я приехала, чтобы поблагодарить вас за мужа моего – Курицына Степана, может, помните?

Уваров пожал плечами, как он мог помнить всех лечащихся, да еще по фамилии, когда пациенты ЛТП сами обращались к друг другу в основном по кличкам.

Но вслух уточнил:

– А за что, собственно, вы хотите меня благодарить?

– Как за что? За то, что вы его **ВЫЛЕЧИЛИ!**

Услышав последнее слово, все присутствующие в кабинете с нескрываемым изумлением посмотрели на женщину. А Слободян не выдержал и, прикрывая рот ладонью, прыснул от смеха.

Павел Сергеевич посмотрел на старлея осуждающим взглядом, а затем обратился к посетительнице с уточняющим вопросом:

– А в чем, собственно, выражается выздоровление вашего мужа?

– Как же, до лечения в ЛТП он каждый божий день пил водку или самогон. Самое меньшее – по пять рублей ежедневно на выпивку тратил. Все, что зарабатывал, – псу под хвост. А теперь совсем другое дело. Покупаю ему на день две пачки самого дешевого чая – по 30 копеек за штуку. И ему этого вполне хватает. В иные дни он и одной пачкой обходится. А с водкой – как отрезало. Даже не вспоминает. Так что спасибо вам большое, товарищ начальник, что **ВЫЛЕЧИЛИ** моего охламона. Дай вам бог здоровья.

Женщина перекрестилась и, пятясь задом, покинула кабинет.

Как только за посетительницей закрылась дверь, а ее шаги затихли в конце коридора, в полной тишине грохнул взрыв смеха. Павел Сергеевич подождал, пока хохот прекратится, после чего с улыбкой заметил:

– Ну вот и народная оценка результатов нашего труда. Это, видимо, первый и единственный случай в истории лечебно-трудовых профилакториев, когда алкоголик «вылечился» в ЛТП. Жаль только, что случай этот такой курьезный...

На следующее утро Уварова разбудил телефон. Звонила администратор Виктория:

– Павел Сергеевич, к вам посетитель. Точнее – посетительница. Пропустить?

«Какая еще посетительница в 7 утра? Хотел выспаться подольше, а потом вызвать такси и на вокзал. Поезд в 14-10. Спешить некуда, а тут вдруг посетительница», – подумал Уваров, а вслух сказал:

– Пусть минут пять подождет, я оденусь и выйду.

Когда Павел Сергеевич открыл дверь и выглянул в коридор, его ноги едва не подкосились, а сердце застучало, как отбойный молоток.

У стойки администратора спиной к нему стояла невысокая женщина с длинными светлыми волосами, забранными в хвост, в сером поношенном плаще длиной почти до пола.

Это была Надежда – первая жена Уварова.

На ватных ногах Павел Сергеевич приблизился к ней на расстояние вытянутой руки. Надя повернулась на звук шагов, и их взгляды встретились.

Уваров отметил про себя, что она почти не изменилась, только на лице появилось несколько мелких морщинок – вокруг глаз и в уголках рта.

Пауза затянулась.

Администратор Виктория все это время наблюдала за странной парой и думала: «Ну что ты стоишь как истукан. Обними жену. Какие все-таки мужики идиоты, променять такую женщину на ряженую безмозглую куклу».

А Павел и Надежда по-прежнему стояли, молчали и смотрели друг на друга.

Первой прервала молчание Надя:

– Паша, поехали домой, – тихим, грудным голосом сказала она.

Такая простая фраза, а какой глубокий смысл. И больше можно ничего не говорить.

Уваров проглотил комок, подкативший к горлу, и с трудом выдавил из себя:

– Так поезд только в 14-10.

– А я на машине, – почти прошептала Надежда, – Евгений Андреевич вчера позвонил и предложил свою служебную «Волгу», вот я и приехала.

– Генерал? Как-то неожиданно, – удивился Павел Серге-

евич и добавил: – Я мигом, только приведу себя в порядок и поедем, вещи уже собраны. А ты проходи в номер, посиди пока, телевизор посмотри.

Через полчаса черная «Волга», за рулем которой сидел все тот же водитель Андрей, развернулась перед пансионатом «Горный» и направилась на выезд из Каменногорска по той же самой дороге, по которой без малого год назад подполковник Уваров впервые приехал в этот город.

Круг окончательно замкнулся.

Подполковник Уваров сидел за столом в кабинете генерала Кравченко и наблюдал, как по граненому стакану с водой ползет муха. Когда насекомое поднялось на самый верх и, казалось, вот-вот плюхнет в воду, на нее обратил внимание генерал. Он взял в руки лежавшую перед ним газету «На свободу с чистой совестью», скрутил ее в плотную трубочку

и с размаху шлепнул по стакану, который свалился на бок, а вода растеклась по столу, намочив какие-то бумаги, сложенные стопкой.

А муха встряхнула слегка подмоченными крыльями, поднялась над столом и вылетела в открытое окно.

Генерал Кравченко проводил муху печальным взглядом, поднял стакан, снова наполнил его водой из графина, сделал пару глотков, после чего спросил Уварова:

– Значит, Паша, ты все окончательно решил?

– Так точно, товарищ генерал, окончательно и бесповоротно.

– Ну что ж, отговаривать не стану, рапорт оставишь у секретаря, я подпишу. А чем на гражданке займешься?

– Пока не знаю, но что-нибудь придумаю.

– А как с Надеждой – наладил отношения?

– Да, все хорошо, завтра идем в загс. Спасибо вам, Евгений Андреевич. Вот только я не понял, откуда вы узнали, что я хочу к жене с дочкой вернуться?

– Это ты не меня, а своего бывшего замполита, майора Алексеева, благодари. Он специально ко мне на прием по личным вопросам записался. Как оказалось – по твоим личным вопросам. Вот он мне все о тебе и поведал. А я только позвонил Надежде. Да, забыл спросить, а дочка твоя уже закончила школу?

– Закончила, в прошлом году. Сейчас учится в Ленин-

градской консерватории, по классу фортепиано.

– Понимаю. Есть в кого. Ну давай, Паша, если что, звони, не забывай старика.

Мужчины обнялись, крепко пожали друг другу руки, и Павел Сергеевич вышел из кабинета.

Погода в первый летний день стояла просто замечательная. На небе – ни единого облачка. Солнце жарило, как на юге, стрелки термометров вплотную подобрались к отметке в $+20^{\circ}$. Для Заполярья – это почти Ташкент. Павел Сергеевич снял форменную кожаную куртку, накинул ее на согнутую в локте руку и бодро пошагал на троллейбусную остановку...

Эпилог

Система лечебно-трудовых профилакториев пережила Советский Союз. Но ненадолго. По Указу Президента РФ Бориса Ельцина, вступившему в законную силу 1 июля 1994 года, ЛТП в Российской Федерации были ликвидированы.

Дотошные читатели могут возразить, что есть два постсоветских государства, где ЛТП существуют до сих пор. Это – Республика Беларусь и Туркменистан. Но современные белорусские лечебно-трудовые профилактории имеют весьма отдаленное родство с ЛТП в Советском Союзе. По сути, единственное их сходство – это название.

А что в этой сфере происходит в бывшей Туркменской ССР, невозможно оценить, поскольку никакой достоверной информации на этот счет нет.

Одним из преимуществ СССР перед капиталистическими странами, и в первую очередь перед США, официальная советская пропаганда называла отсутствие на улицах наших городов бездомных бродяг. На телеэкранах Страны Советов в различных информационных программах часто показывали репортажи из какого-нибудь Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, в которых бездомные американцы в поисках пропитания роются в помойках, а спят в картонных коробках из-под телевизора или холодильника или просто на лавочке в город-

ском парке.

В СССР такое явление напрочь отсутствовало.

И какое же удивление у многих россиян вызвало неожиданное появление в середине 90-х на улицах российских городов многочисленной армии бомжей – лиц без определенного места жительства, которые, как и их заграничные «коллеги», рылись в помойках, занимались попрошайничеством, оборудовали под жильем чердаки и подвалы многоквартирных домов и даже тепловые камеры.

Откуда они вдруг взялись?

Может, их в нашу страну забросили злые американцы?

Ничего подобного.

Они жили среди нас всегда.

Так же, как жили среди нас хронические алкоголики и наркоманы, которые не относились к бомжам и не занимались бродяжничеством, но вели антисоциальный образ жизни и грубо нарушали «правила социалистического общежития».

В Советском Союзе нашли способ изоляции от общества данных категорий граждан. Даже если они не совершали никаких уголовных преступлений.

Для этого была создана система лечебно-трудовых профилакториев.

Именно в ЛТП по решению суда направлялись бомжи и прочие алкоголики с наркоманами.

Тем самым государство решало несколько задач.

Во-первых, ограждало добропорядочных советских граждан от бродяг, злостных пьяниц и наркоманов; во-вторых, снижало уровень преступности, особенно – на бытовой почве; а в-третьих, использовало асоциальных граждан как дешевую рабочую силу.

Это далеко не полный перечень задач, которые решала система ЛТП. Каждый читатель сам может дополнить этот список.

На вопрос – нужно ли возрождать систему принудительного лечения алкоголиков и наркоманов, однозначного ответа нет.

Времена сильно изменились, появились многочисленные правозащитные организации, свободное распространение информации и многое другое, что не позволит воссоздать старую систему «тюрем для пьяниц».

Но в какой-то измененной, более цивилизованной форме ЛТП, безусловно, могут возродиться...

Дальнейшая судьба большинства персонажей книги мне неизвестна. После ликвидации ЛТП жизнь разбросала их по городам и весям Советского Союза. А в начале 90-х, после распада СССР, многие вообще оказались за границей.

Но о некоторых героях настоящего повествования кое-какая информация имеется.

Подполковник Скибкин получил назначение в колонию строгого режима где-то под Воркутой. Там он прослужил до

1995 года, после чего вышел в отставку по выслуге лет и вместе с супругой и пятилетней дочуркой переехал на постоянное место жительства на малую родину Ларисы Николаевны – в Ставрополье. По слухам, на пенсии он занялся разведением кроликов.хлопотное, однако, оказалось дело.

Майора Алексеева перевели в колонию общего режима, расположенную в 150 км от Каменногорска. Там Владимир Игнатьевич кое-как дотянул до пенсии. В 1992-м он уволился из органов и перебрался с женой в деревню на Вологодчине, где прошло его детство. Все свободное время, которого теперь у него было предостаточно, Алексей посвящал рыбалке. А еще он освоил технологию производства самогона.

И эти увлечения хорошо дополняли друг друга.

Бывшая официантка Наталья после развода с Уваровым так и не устроилась на работу. А когда прижало с деньгами, попыталась заложить в ломбард кое-какие свои побрякушки. Но скупка оценила их в сущие гроши. Тогда, по совету знакомой, Наталья обратилась к азербайджанцам, крышевавшим местный рынок. Один из них, по имени Тофик, согласился «помочь» красавице, а чуть позже переехал к ней на правах сожителя и подсадил барышню на арак – азербайджанскую водку.

Постепенно Наталья втянулась в это дело. Бывшая красотка превратилась в обычную синюшницу. А сожитель наложил волосатую лапу на ее драгоценности и был таков.

И араком перестал снабжать.

Пришлось страдалице перейти на более доступные напитки, типа спирта «Рояль» и водки «Распутин».

Позже Наталью не раз встречали на местном «блошином» рынке, где она продавала различные шмотки. Узнать в опухшей от водки и спирта хабалке бывшую гордую и неприступную красавицу было весьма затруднительно...

В 90-е я довольно часто по служебным делам бывал в Каменногорске. В одну из таких поездок, в октябре 1997-го, случайно повстречал в центре города Олега Дымова. Посидели в ресторане «Северное сияние», поделились воспоминаниями. Олег рассказал интересную историю.

Зимой 94-го он работал в Москве. Обычное дело. На Севере работы строителям совсем не стало, и многие потянулись за куском хлеба в столицу.

Объект находился рядом с Комсомольской площадью. Работали на шестидневке. Выходной – воскресенье. А в субботу рабочий день был на два часа короче обычного. Бригада полностью состояла из северян. Проживали в общежитии в ближайшем пригороде, по Ленинградскому шоссе. На работу и обратно ездили на автобусе.

В один из субботних дней задержались на объекте дольше обычного. Когда все рабочие и прораб Дымов расселись в автобусе, оказалось, что отсутствует машинист экскаватора, к которому все члены бригады, из уважения к возрасту и профессионализму, обращались исключительно по отчеству – Васильич.

Народ стал возмущаться. День-то был не обычный, а «банно-стаканный». Бригада собиралась в баню, а после нее, как положено, принять по стаканчику под добрую закуску. Когда еще выпить, как не в субботу? В рабочие дни алкоголь строго-настрого запрещен.

Узнать, куда пропал экскаваторщик, запросились двое самых молодых и нетерпеливых рабочих. Оказалось, Васильич чистил ходовую экскаватора от грязи. На дворе крепчал морозец. Грязь замерзнет, потом замучаешься ее кувалдой да ломом отбивать.

Но парни аргументы машиниста и слышать не хотели. «Семеро одного не ждут».

Ходовую Васильич все же дочистил, несмотря на возмущение представителей коллектива.

И хотел еще почистить ковш. Но под давлением коллег решил сделать попроще. Экскаватор стоял рядом с действующей тепловой камерой. Камера была перекрыта плитами с двумя чугунными люками. Вокруг люков снег растаял, а из щелей просачивался теплый пар. Васильич рассудил, что если поставить ковш на люк, то грязь не замерзнет. А в случае, если представителям ремонтно-эксплуатационной службы потребуется спуститься в камеру, – есть еще один люк.

Так он и поступил.

Когда наутро в понедельник Васильич завел экскаватор и убрал ковш с камеры, крышка люка открылась и на свет бо-

жий вылезли два грязных оборванных мужичка средних лет.

Бомжи, а это, несомненно, были они, чуть не задохнулись и едва не угорели, просидев безвылазно в камере без малого 40 часов. Немного отдышавшись, они стали орать на машиниста экскаватора благим матом. Из цензурных слов звучало только «проклятый душегуб».

Васильич, конечно, сильно испугался. Еще бы. А если бы бомжи не выжили – это ж какой грех на душу. Но ведь есть второй люк, почему горемычные им не воспользовались?

Оказалось – второй люк был заварен. Такое часто бывает, эксплуатирующая организация, дабы не воровали крышки люков, приваривает их к обойме.

Чтобы разрядить обстановку и успокоить бомжей, прораб Дымов решил дать им немного денег. Когда Олег подошел к страдальцам и сунул им купюру, лица бедолаг осветились счастливыми улыбками и они сразу позабыли о своих мучениях.

И тут Дымов узнал своих старых знакомых – Муху и Кирюху... И добавил еще одну купюру.

Обрадованные бомжики тут же рванули за выпивкой и нехитрой закуской.

А Олег заглянул в открытый люк и осмотрел «жилище» Мухи и Кирюхи.

На бетонном полу камеры, рядом с трубами, от которых шел пар, валялись два грязных тюфяка и куча каких-то тряпок. Рядом стоял картонный ящик, а на нем – объедки и пу-

стые бутылки.

Да, «Хилтоном» здесь и не пахло.

Ничего удивительного в этой истории не было. Если проследить судьбу всех пациентов ЛТП, выставленных на улицу в начале 90-х, то выяснится, что многие из них пополнили нестройные ряды бомжей...

И, наконец, последняя история.

В начале лета 1998 года я ехал в командировку на фирменном поезде «Красная стрела» из Санкт-Петербурга в Москву. На столике в купе, в качестве дополнительной услуги, лежали несколько газет и довольно объемный рекламный буклет. Мельком просмотрев газеты, я стал листать буклет. Одна из страниц с рекламой сразу бросилась мне в глаза.

На ярко освещенной сцене, перед расположившейся за столиками солидной публикой, за пультом электросинтезатора сидела молодая, красивая и стройная девушка в голубом вечернем платье. А рядом с ней с микрофоном в руке стоял седовласый круглолицый мужчина в белоснежном костюме-тройке, такой же белоснежной рубашке, с черным галстуком-бабочкой на шее. Мужчина не отличался стройной фигурой, но и назвать его толстым язык не повернулся бы. Для своего возраста он был в хорошей форме и выглядел на все сто.

Под фото я прочел следующий текст:

«Организация праздников, свадеб, юбилеев и других мероприятий. Живая музыка, профессиональный вокал, весе-

лые конкурсы, игры, розыгрыши».

А ниже – номер телефона и рядом, в скобках: (Павел Сергеевич)...